2012. Вып. 2 (7). С. 3–7

ИСТОРИЯ

УДК 947.045.6

МОСКОВСКАЯ БИТВА. 1612.

В.А. Волков

Аннотация

Статья посвящена одной из самых драматичных страниц истории нашей страны – битве за Москву, состоявшейся 400 лет назад. В 1610 г. Москва была захвачена польскими войсками. Для освобождения русской столицы к стенам ее двинулись земские ополчения, осадившие врагов в центре города. На помощь полякам пришла армия гетмана Я.К. Ходкевича. Он должен был доставить страдающему от голода гарнизону продовольствие. В двух кровопролитных боях под Москвой 22 и 24 августа 1612 г. Ходкевич был разбит и, потеряв армию, ушел от города. Это позволило русскому войску освободить Москву 27 октября 1612 года.

В 1610 г., после поражения русских войск, разбитых поляками в битве у смоленского села Клушино и сведения с престола царя Василия Шуйского, власть в государстве перешла в руки семи бояр – кн. Ф.И. Мстиславского, кн. И.М. Воротынского, кн. А.В. Трубецкого, кн. В.В. Голицына (после отъезда с посольством под Смоленск к королю Сигизмунду его заменил брат кн. А.В. Голицын), кн. Б.М. Лыкова, И.Н. Романова и Ф.И. Шереметева. Уступая требованиям клушинского победителя коронного гетмана Станислава Жолкевского, бояре-правители согласились признать русским царем польского королевича Владислава и ввести в город польский гарнизон. Так Москва была захвачена иноземными войсками. Овладев ею, поляки стали вести себя как полноправные хозяева, и это вызвало негодование и сопротивление москвичей. Тогда-то и пронесся над страной знаменитый призыв патриарха Гермогена «идти на Москву и страдать до смерти…».

Откликаясь на этот призыв, к стенам захваченного врагами стольного города двинулись земские рати, осадившие поляков в центре Москвы – Кремле и Китай-городе. Шло время, и положение блокированного неприятеля становилось все тяжелее. Спасти отбивающийся от ополченцев и казаков польский гарнизон призван был прославленный полководец гетман литовский Ян Кароль Ходкевич. Казалось бы, задача перед ним стояла не слишком сложная: к августу 1612 г. под Москвой стояло изрядно поредевшее Первое ополчение, которое возглавлял кн. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Но, получив известие о походе Ходкевича, к Москве из Ярославля поспешили выступить со своим (Вторым) ополчением кн. Дмитрий Михайлович Пожарский и Кузьма Минин. Они успели прибыть к столице раньше гетмана.

Между ополчениями существовало определенное недоверие друг к другу, позже между ними даже начнутся раздоры и вражда. Ратники и казаки Трубецкого, которые, по словам

современника, «вси от гладу изнемогающе» [1], неприязненно встретили хорошо экипированных, получивших щедрое земское жалованье дворян, стрельцов и казаков Пожарского. Возникшая рознь грозила обернуться катастрофой для всего освободительного движения и всей страны, на защиту которой поднялись воистину «последние люди» Русской земли. Ни Первое, ни Второе ополчения не могли в одиночку противостоять регулярной польской армии гетмана Ходкевича, стремившегося доставить продовольствие голодающему гарнизону Кремля и Китай-города и разбить войска Пожарского и Трубецкого. В развернувшемся 22 и 24 августа 1612 г. сражении у стен Москвы победа русского оружия достигнута была в результате совместных, хотя и нескоординированных общим командованием действий ратников Подмосковного (Первого) и Нижегородского (Второго) ополчений [2].

Готовясь к прорыву к осажденным Кремлю и Китай-городу через хаотично застроенные и частично выжженные московские предместья, гетман Ходкевич попытался максимально насытить свою армию пехотой. В уличных боях конница была малоэффективна. По его просьбе король Сигизмунд усилил гетманские полки 1800 пехотинцами. Всего же под рукой Яна Каролля было около 10 тыс. воинов. Помимо указанных пехотинцев он располагал 1500 кавалеристами и примерно 7 тыс. запорожских казаков, которыми командовали атаманы Александр Зборовский, Ширай и Наливайко. Определенные надежды Ходкевич возлагал и на помощь 3-тысячного осажденного гарнизона, рассчитывая, что в необходимый момент блокированные во внутренних городах поляки придут на помощь своим товарищам и нанесут по ополченцам удар с тыла.

Вполне сопоставимы с польскими были и силы ополченских полков, если считать силы Пожарского и Трубецкого вместе. С Дмитрием Михайловичем из Ярославля пришло 5-6 тыс. дворян, всего же, с учетом стрельцов, казаков, посадских и уездных людей, в его ополчении насчитывалось 10-12 тыс. человек. У Трубецкого после ухода Ивана Заруцкого осталось в таборах всего 3-4 тыс. служилых и казаков.

21 августа, всего на день позже Пожарского, к Москве подошел Ходкевич, встав лагерем на Поклонной горе. Оттуда он мог, переправившись через Москву-реку у Новодевичьего монастыря, начать наступление на позиции Второго ополчения между Арбатскими и Чертольскими воротами Скородома (Земляного города). Полки Дмитрия Пожарского занимали позиции по линии укреплений Земляного города от Чертольских до Петровских ворот. Самым опасным был западный участок от Чертольских до Арбатских ворот. Здесь были сосредоточены главные силы. Левым флангом (у Чертольских ворот и Алексеевской башни) командовал кн. В.И. Туренин. Войсками у Арбатских ворот, где был устроен острожек, руководили сам Д.М. Пожарский и И.А. Хованский. Менее опасные места прикрывали воеводы М. Дмитриев и Ф.В. Левашов (Петровские ворота) и Д.П. Лопата Пожарский (Тверские ворота).

Можно также было, пройдя по течению реки мимо села Воробьево и Донского монастыря, ударить по расположению Трубецкого у Крымского двора в Замоскворечье. Предпочтительным казался второй вариант, у Трубецкого было вдвое меньше людей, чем у Пожарского, поэтому Дмитрий Михайлович решился переправить на правобережье Москвы-реки в помощь казакам и ратникам Трубецкого пять отборных дворянских сотен. Но Ходкевич двинул свою армию к Чертолью по левому берегу реки Москвы. В соответствии с разработанной им диспозицией, его лучшие войска должны были прорваться через ополченские позиции в западной части города, после чего короткой дорогой к Кремлю проследовал бы обоз с необходимыми осажденному гарнизону припасами.

Утром 22 августа началось выдвижение гетманских хоругвей на намеченные планом позиции. Переправившись через Москву-реку, поляки двинулись к Москве, навстречу уже вы-

строенным для битвы русским полкам. Но неожиданно для Ходкевича Пожарский, не дожидаясь нападения врага, атаковал его войско первым и сумел связать врага боем. Гетману даже не помогла вылазка из осажденного Кремля, совершенная поляками Струся «против Алексеевской башни и против Чертольских ворот», но, как сообщил полковник Будила, русские, имея большое число стрельцов, хорошо укрепили эти места и «отразили осажденных… [которые] понесли такой урон, как никогда» [3].

Тем временем гусары Ходкевича все-таки оттеснили полки Пожарского в городские кварталы. Там русские ратники спешились и присоединились к казакам и стрельцам, занимавшим заранее подготовленные укрепления.

Гетман, остановив конницу, двинул вперед свою пехоту. Но продвинуться вперед наемники и казаки не могли. Им только удалось прижать и сбросить в реку часть ополченцев. Но именно в этот момент на выручку своим пришли дворянские сотни, еще до боя отправленные Пожарским в Замоскворечье. Их атаку поддержала и часть казаков Трубецкого. При этом атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов пошли на врага на помощь Пожарскому самовольно, сказав пытавшемуся их остановить кн. Трубецкому: «в нашей нелюбви Московскому государству и ратным людям погибель происходит».

Появление на поле боя свежих сил вынудило гетмана прекратить сражение и отвести свои потрепанные войска.

Гетман Ходкевич отступил за Новодевичий монастырь и встал там лагерем. Но той же ночью (с 22 на 23 августа) отправленный им отряд в 600 гайдуков из отряда Невяровского прорвался в Кремль через Замоскворечье, пройдя там, где не было дозоров Трубецкого. Помог гайдукам дворянин Григорий Орлов, которому поляки передали одно из поместий князя Пожарского. Противник захватил один из укрепленных «городков» (Георгиевский острожек) у церкви святого Георгия в Яндове, на фланге позиций Трубецкого.

Однако этот успех со временем, после отступления гетмана, лишь ухудшит положение осажденных – к уже находившимся в Кремле войскам прибавилось изрядное число нахлебников, которых нужно было кормить, а кормить их будет нечем, так как гетманский обоз в Кремль так и не войдет.

Днем 23 августа внезапной атакой гетманские войска овладели Донским монастырем и стали готовиться к новому сражению [4]. На этот раз Ян Кароль решил прорываться через Замоскворечье, убедившись в недостаточности прикрывавшего это направление сил Первого ополчения. Положение, действительно, было сложным. Выбранный Ходкевичем для атаки район было трудно оборонять: укрепления Скородома, или Земляного города, были сожжены в этом месте дотла еще во время мартовского восстания 1611 г., от них остались лишь ров и валы. Несмотря на наличие здесь двух казачьих острожков, полностью прикрыть Замоскворечье Трубецкой не мог. По этой причине Пожарский вновь направил туда часть своих сил, а с началом битвы сам прибыл на самый опасный участок боя [5].

Началось второе сражение у стен Москвы в шестом часу утра 24 августа 1612 года. Как и первое, оно отличалось крайним упорством. Только в полдень полякам удалось оттеснить дворянскую конницу, а затем сбросить стрельцов с валов Скородома. В этом бою, по польским сведениям, был ранен в руку князь Пожарский. Тогда же отступили и казаки Трубецкого, засев в своих острожках и таборах. Не сомневаясь в победе, Ходкевич приказал ввести в город обоз (400 возов) по Большой Ордынке [6]. Понимая, что наступает критическая фаза сражения, Пожарский направил к казакам троицкого келаря Авраамия Палицына. Он должен был уговорить ратников Трубецкого выйти из таборов и ударить по втянувшимся в полуразрушенные городские кварталы полякам. Тем же осталось пройти до Кремля чуть более версты. Именно столько разделяет церковь святого Климента на

Пятницкой улице и Кремль. У церкви находился казачий острожек, за который и развернулась битва.

Венгерская пехота Граевского и запорожцы Зборовского захватили это укрепление и перебили всех его защитников. В захвате острожка участвовал и гарнизон Кремля, который снова сделал вылазку для поддержки наступления. Гетман Ходкевич сам возглавил атаку на последний редут перед Кремлем [7].

Заняв казачью крепость, поляки срочно перевезли туда 400 возов с продовольствием для кремлевского гарнизона и водрузили свое знамя на церкви святого Климента.

Но в этот момент на поле боя появились казаки Трубецкого, убежденные Авраамием Палицыным. Заметив смятение среди врагов, русские «из ям и из крапив поидоша тиском к таборам». Казаки теснили врага со стороны Лужников и от Климентовского острожка [8]. Стрелецкая пехота, отступившая ранее вглубь Замоскворечья, вела огонь с другой стороны.

Солдаты Ходкевича чувствовали страх перед противником, потерявшим едва ли не половину войска, отступившим на всех направлениях и, тем не менее, продолжавшим яростно атаковать. Отборные роты, некогда разгромившие шведского короля, окончательно утратили волю к победе. Ходкевич не надеялся более на успех. Он лишь предпринимал отчаянные попытки к тому, чтобы спасти с трудом снаряженный обоз. Польская пехота из последних сил сдерживала русских, пока возницы заворачивали лошадей и пытались под огнем убрать повозки за Серпуховские ворота в поле. Лошадиное ржание, крики сражавшихся врукопашную солдат, звон сабель заглушали ружейные выстрелы. Приказ гетмана не был выполнен. Казаки атаковали растянувшийся по Ордынке обоз и «разорвали» его во многих местах. В их руки попало большинство повозок, шатры и прочее имущество, брошенное в неприятельском лагере.

В этот момент Кузьма Минин начал свою знаменитую атаку. Испросив разрешения Пожарского, он взял с собой роту служившего в ополчении Хмелевского и три дворянских сотни и, переправившись через Москву-реку, выступил в сторону Крымского двора. Две литовские роты, стоявшие здесь, увидев атакующего их противника, стали поспешно отходить к гетманскому лагерю. Одновременно русская пехота и спешившиеся дворяне перешли в наступление на лагерь Ходкевича. Прославленному польскому полководцу понадобился весь его боевой опыт, чтобы предотвратить гибель остатков своей армии. Русские ратники рвались в бой, настаивали на преследовании противника. Но воеводы велели им занять позиции во рву. «Не бывает на один день две радости», – говорили они нетерпеливым. После отхода гетмана перестрелка не затихала еще целый час. Пороховой дым поднимался кверху клубами. Частые вспышки выстрелов озаряли округу. Издали казалось, что руины Замоскворечья вновь охвачены пожаром.

В сумерках Ходкевич отступил к Донскому монастырю. Его кавалерия провела ночь в седлах, ожидая новых атак. Позже гетман перенес лагерь на Воробьевы горы, а оттуда ушел по смоленской дороге на литовский рубеж.

Поспешное отступление остатков разбитой польско-литовской армии, не сумевшей восполнить запасы продовольствия и фуража, в чем так нуждался осажденный в Кремле и Китай-городе гарнизон, предопределило исход осады Москвы. 26 октября 1612 г. поляки капитулировали, а 27 октября ополченские полки вступили в освобожденную столицу.

Оценивая исход Московской битвы 1612 г., польский историк Станислав Кобержицкий признает: «Поляки понесли такую значительную потерю, что ее ничем уже нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось – надежда завладеть целым Московским государством рушилась невозвратно» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Авраамий Палицын. Сказание / Ред. Л.В. Черепнин. М., Л., 1955. С. 220.

[2] Бибиков Г.Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. Т. 32. М., 1950. С. 192-194.

[3] Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем Истории ложного Димитрия // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 319-320.

[4] Бибиков Г.Н. Указ. соч. С. 186.

[5] Полное собрание русских летописей. Т. 14. М., 2000. С. 125.

[6] Пясецкий П. Смутное время и московско-польская война // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 68. СПб., 1887. С. 51.

[7] Бибиков Г.Н. Указ. соч. С. 187.

[8] Авраамий Палицын. Сказание. С. 297.

[9] Кобержицкий С. История Владислава // Сын Отечества. 1842. № 3. С. 13.

Коверзнев П. Битва кн. Пожарского с Ходкевичем под Москвой.
Нива. 1894. № 12.

2012. Вып. 2 (7). С. 8–13

УДК 930.1(09)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ЯКОВА КУЛЬНЕВА

В.А. Волков

Аннотация

Первым русским генералом, погибшим в Отечественной войне 1812 года, был гусар Яков Кульнев. Жизни и подвигам этого легендарного человека посвящается статья.

Первым русским генералом, павшим со славою в начавшейся в июне 1812 г. Отечественной войне, стал отважный Яков Петрович Кульнев. Примечательно, что родился он на почтовой станции Сивошине в 27 верстах от Полоцка, вблизи от нее прервалась его жизнь. Мать будущего героя Луиза Ивановна, супруга люцинского городничего Петра Васильевича Кульнева, родила сына в дороге 25 июля 1763 года. 19 июля 1812 г., не дожив лишь нескольких дней до 49 лет, неподалеку от этих мест Кульнев погиб.

Этот факт в художественной форме отразил известный поэт Василий Андреевич Жуковский, посвятивший Якову Кульневу несколько проникновенных строк в своем стихотворении «Певец во стане русских воинов». В нем он восклицал:

Где Кульнев наш,
Рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал – главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьбу ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила…

Отец павшего героя ротмистр Петр Кульнев участвовал в Семилетней войне с Пруссией, затем уже при Екатерине II в боевых действиях против польских конфедератов, но в жарком деле под Калишем 19 мая 1769 г. он получил тяжелое ранение. Поврежденная пулей рука перестала действовать, и Петра Васильевича определили сначала в московские батальоны, а спустя месяц, в январе 1770 г., уволили с военной службы с чином секунд-майора. Отставной офицер был назначен сначала комиссаром в Полоцкую губернию, а затем городничим в Люцин. В этом городе прошло детство детей Петра Васильевича и Луизы Ивановны – Павла, Якова, Ивана, Михаила, Василия, Николая и Марии.

В 1770 г. отец отдал двух своих сыновей семилетнего Якова и четырехлетнего Ивана в Сухопутный шляхетский корпус. По словам Дениса Давыдова, Якову Кульневу (и соответственно Ивану, которого старший брат опекал на протяжении всей своей жизни) довелось учиться там «при знаменитом директоре Бецком, в самую блистательную эпоху этого военного училища. Кульнев знал удовлетворительно артиллерийскую науку и основательно – полевую фортификацию, теоретически и практически. Он порядочно изъяснялся на языках французском и немецком, хотя писал на обоих часто ошибочно, но познания его в истории,

особенно русской и римской, были истинно замечательны. Военный человек и еще гусар, он не хуже всякого профессора знал хронологический порядок событий и соотношения между собою единовременных происшествий, выводил из них собственные заключения, полные здравого смысла и проницательности; и любил предлагать подвиги некоторых римских и русских героев в пример молодым офицерам, служившим под его началом».

В 1785 г. Кульнев закончил корпус с большой серебряной медалью, был произведен в чин поручика и направлен в Черниговский мушкетерский полк. Но молодой офицер стремился служить не в пехоте, а в кавалерии, и уже через 7 дней его перевели тем же чином в Санкт-Петербургский драгунский полк. Оказавшись на месте, он участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., отличившись во многих боях и сражениях, в особенности же в битве при Фокшанах и при взятии города Бендеры. Во время подавления мятежа Тадеуша Костюшко, в 1794 г. поднявшего поляков на борьбу за спасение гибнущей Речи Посполитой, Яков Петрович служил в Переяславском конно-егерском полку, действовавшем в составе корпуса генерал-майора Богдана Кнорринга, а затем в корпусе генерал-аншефа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. В формулярном списке Кульнева отмечены выказанные им тогда подвиги: «из одного усердия к службе, был с флангирами и охотниками в действительных сражениях против неприятеля, июня 6-го как то в поражении и прогнании оных от Борунь к Ошмянам, 28-го того же месяца, и потом под местечком Лидою, наконец 8-го числа июля при Вильне, где при всяком деле за оказанную им храбрость, расторопность и к службе похвальную ревность свидетельствовано данным ему от помянутого генерал-маиора Кнорринга письменным аттестатом». Под началом Суворова и на его глазах Кульнев бился с поляками при Терлищеве, Кобрине, монастыре в Крупчицах, Муховицах, Брест-Литовске, под селом Кобылкой. За отличие при рекогносцировке и штурме Праги (пригорода Варшавы) 23 сентября 1794 г. Кульнев был произведен в чин ротмистра. В те дни он восторженно писал отцу о великих уроках, которые «имел счастье получить, будучи свидетелем славы бессмертного нашего Суворова», на всю жизнь сохранив благоговейное отношение к делам и памяти самого выдающегося российского полководца.

В кампанию 1807 г. Яков Петрович командовал Гродненским гусарским полком и участвовал в сражениях в Восточной Пруссии против французских войск, подступивших к русским границам. В бою под Анкендорфом с двумя эскадронами разбил отряд тирольеров (легких пехотинцев), взяв в плен 110 человек, затем, обнаружив на другом берегу реки Пассарги неприятельский обоз, переправился через водную преграду у деревни Магезант, захватил мортиру и 40 патронных ящиков, которые уничтожил за невозможностью доставить трофеи в расположение своих войск.

Видевший это главнокомандующий русской армией Леонтий Леонтьевич Беннигсен пожал Кульневу руку и произнес стихотворный экспромт:

Le bruit de vos exploits
Est pqrvenu jusqu´a moi
(Грохот ваших взрывов
Долетел до меня).

Награжденный за это молодецкое, как тогда говорили, дело орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, Кульнев находился затем в арьергардных частях, прикрывая ретираду русской армии. Немалое мужество выказал он и в неудачном для России сражении под Фридландом, в котором Гродненский гусарский полк был окружен неприятелем, но, увлекаемый своим командиром, бросился в лихую атаку и сумел прорваться к своим через густые ряды французов.

Эти подвиги доставили Кульневу известность в действующей армии, но широкую, воистину всероссийскую славу принесли Якову Петровичу его стремительные рейды в Финлян-

дии во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. Двигаясь впереди армии, в марте 1808 г. отряд подполковника Кульнева разбил противника в ожесточенном бою у селения Зиндби и, преследуя бегущих, занял город Якобштадт. Наградой герою стали чин полковника и золотая сабля с надписью «За храбрость».

Мечтая о реванше, начальник шведского авангарда королевский адъютант полковник граф Левенсгельм попытался внезапным ударом разгромить Кульнева, но был обнаружен казаками, собиравшимися в свою очередь атаковать врага. Шведов окружили прямо на льду Ботнического залива и после непродолжительного боя смяли. В разгар схватки Яков Петрович услышал крики: «Koulneff, Koulneff, sauves nous la vie!» («Кульнев, Кульнев. Спасите нам жизнь!»). Остановив своих бойцов, русский генерал принял капитуляцию раненого Левенсгельма, который затем был отправлен в тыл. С этого времени шведские командиры стали скрывать от своих солдат, что против них бьется Кульнев – в противном случае они теряли остатки мужества, заранее готовясь к поражению и бегству.

Продолжая тревожить неприятеля, Кульнев отличился затем в сражении у кирки Куортане, как никто другой способствуя победе над главными силами шведов. Именно он доложил своему начальнику графу Каменскому об отступлении армии Карла Иоганна Адлеркройца: объезжая русские аванпосты, Яков Петрович обнаружил, что находившиеся против них неприятельские часовые стоят слишком далеко друг от друга. Незамеченным миновав их, он подъехал к шведскому лагерю и нашел его покинутым. Именно за летние бои 1808 г. (под селениями Перхо и Сарвики, у Куортане) полковник Кульнев был представлен к производству в чин генерал-майора и 12 декабря того же года стал им. Помимо генеральского чина он получил орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени.

В марте 1809 г., во время знаменитого перехода русских войск по льду Ботнического залива, генерал Кульнев шел впереди корпуса Петра Ивановича Багратиона на Аландские острова. Достигнув Сигнальскера, одними конными частями он разгромил два неприятельских каре, пленив 3000 шведов, взяв в качестве трофеев 30 пушек и 5 военных судов. После этой победы Багратион вызвал его к себе и дал ему новое ответственное поручение: «Надо испытать дорогу на шведский берег и разведать неприятельские силы. Господа шведы не единожды у нас гостили, давно пора визит отдать». Выполняя этот приказ, Яков Петрович с небольшим Летучим отрядом, состоявшим из трех эскадронов гродненских гусар – шефского (50 гусар), майора Гирша (72 гусара) и ротмистра барона Гротгуса (50 гусар), а также уральских и донских казаков (200 человек) двинулся через Ботнический залив к берегам Швеции вслед за бежавшим врагом. Накануне выступления в поход Кульнев отдал приказ: «Бог с нами! По Летучему отряду. Я перед вами, князь Багратион – за вами. В полночь, в 2 часа, собраться у мельницы. Поход до шведских берегов венчает все труды наши. Сии волны – истинная награда, честь и слава бессмертная! Иметь с собою по две чарки водки на человека, кусок мяса и хлеба и по два гарнца овса. Море не страшно тому, кто уповает на Бога. Отдыхайте, товарищи!».

С малыми силами Яков Петрович пробился на берег, в коротком, но жарком бою порубив прикрывавших его егерей (80 шведских солдат были взяты в плен), занял затем город Гриссельгам в 80 км от Стокгольма. 7 (19) марта русский генерал послал коменданту города полковнику Фридерици парламентера, требуя сдать город «русскому авангарду». Фридерици слыхал об отчаянной смелости и храбрости гусарского генерала и поверил этому заявлению, а потому согласился на сдачу города. Эскадроны немедленно заняли Гриссельгам, из которого Кульнев послал Багратиону рапорт: «Благодарение Богу – честь и слава русского воинства на берегах Швеции. Я с войсками в Гриссельгаме воспеваю: “Тебе Бога хвалим!”».

Устрашив, таким образом, врага Летучий отряд со славой вернулся на Аланды – лед на Балтике начал подтаивать и оставаться на вражеской территории стало опасно.

Кульнев стал объектом горячего обожания не только у своих соотечественников, но и среди врагов. Йохан Людвиг Руненберг, собиратель «Калевалы» в раннем детстве видел русского генерала в доме своего отца, слышал отзывы о нем и рассказал о Якове Петровиче в своей поэме «Рассказы фендрика Столя»:

Ведь вечер только настает,
Так разве вспомнить кой о чем?
Пусть речь о Кульневе пойдет,
Слыхал ли ты о нем?
Вот впрямь умел всем братом быть,
И умереть, и славно жить:
Он первый – сечь, колоть, рубить
И первый – лихо пить!

Взглянул бы ты, каков на вид!
Здесь в наших избах иногда
Портрет особенный висит:
Одна лишь борода!
Подходишь ближе ты, и вот
Из-под усов смеется рот;
Взгляд сладок, нежен, добр, открыт, –
Вот Кульнев был на вид.

Я здесь слыхал от матерей,
Как старый Кульнев их страшил,
Когда без спроса и затей
Он к люлькам детским подходил.
Но говорят они: «Добряк
Лишь целовал детей и так
Смеялся кротко им в привет,
Как вот вблизи его портрет!»
И впрямь, ведь храбрый Кульнев был
Чист, словно золото, душой;
Вот, укоряют, хмель любил:
Тут сердце лишь виной!
Он тот же сердцем быть умел,
В пиру ли, в сече ль, пламенел;
Он с тем же пылом целовал,
Как до смерти бивал!

Да, всякий знал его, любил
Из наших финских войск солдат;
Им дорог славный Кульнев был,
Как боевой собрат;
Чуть-чуть знакомца заглядит,
К медведю русскому спешит,
Усмешку скорчив (видно рад!)
Его от Суоми брат.

Своим носившим смерть клинком
Он нас глубоко уязвил;
Но так же любим доблесть в нем,
Как будто наш он был!

Сроднили нас среди войны
Не узы знамени, страны,
А та же мощь в одном, в других;
Что крепче уз таких?

Хвала же Кульневу, любовь!
Легко ль найти борцов, как он?
Пусть часто лил он нашу кровь, –
Таков войны закон.
Ведь Кульнев был тогда наш враг,
Мы были недругами, так!
А стойко бились под огнем,
Так что ж дурного в том?

Презрен, осмеян трус лишь будь:
Ему позор, и срам и стыд;
Привет тому, кто в бранный путь
Бестрепетно летит!
«Ура» тому, и вновь – «ура»,
Кто знамя чести и добра
Не выпускал в боях из рук,
Будь недруг он иль друг!

Облик Кульнева запечатлел и Денис Давыдов, его друг и сослуживец:

Поведай подвиги усатого героя,
О муза! Расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке явился среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.

В 1810 г. Кульнев принял участие в боевых действиях на южных границах, где продолжалась вспыхнувшая еще в 1806 г. русско-турецкая война. Он первым переправился через Дунай, отличился в боях под Силистрией, Шумлою и Батиным, во время взятия Никополя и блокады крепости Рущук. За действия в сражении при Батине наградой Якову Петровичу стала золотая сабля, украшенная алмазами. С 1811 г. Кульнев снова получил под команду Гродненский гусарский полк. С ним он и встретит французов в июне следующего 1812 года.

Прозванный «беднейшим из генералов», Кульнев постоянно испытывал недостаток средств и даже мундир себе шил из солдатского сукна, с гарусными шнурами и галунами вместо серебряных. Сплошь и рядом вместо заслуженных наград и очередных наград он испрашивал денежные средства, необходимые ему то для выплаты долгов своих бедствующим родственникам, то для обеспечения будущего их детей. Так, за свой подвиг под Шумлой 11-12 июня 1810 г., когда он опрокинул турецкую кавалерию и спас окруженный противником отряд сибирских гренадер, в качестве награды исходатайствовал Всемилостивейшего согласия на получение в течение 12 лет по 1000 руб. ассигнациями из Государственного казначейства.

В начале Отечественной войны 1812 года Яков Кульнев со своим Гродненским полком вошел в отдельный корпус генерал-лейтенанта Петра Христиановича Витгенштейна, который должен был прикрывать дорогу на Петербург. На этом направлении наступал 28-тысячный корпус одного из лучших французских маршалов Никола Шарля Удино. 2 июля, в день, когда армия Барклая-де-Толли выступила из Дрисского лагеря и стала отходить на восток, Кульнев получил задание разведать расположение противника. Выполняя приказ, неожиданно для французов он пере-

правился ночью через Западную Двину и стремительным ударом рассеял два полка конницы. Их остатки Яков Петрович преследовал на протяжении 10 километров, многих побил и взял более двухсот пленных, в том числе бригадного генерала Сен-Женье. Атакующие потеряли 12 человек убитыми и 63 ранеными. Этот успех в самом начале кампании имел тем большее значение, что он как бы предвещал будущие победы русской армии и показывал, что якобы непобедимых французов можно бить и обращать в бегство. Через десять дней, 13 июля, Кульнев вновь смелым налетом обратил в бегство врага, захватив в плен 430 французов, в том числе двух офицеров.

До последнего его боя оставалась ровно неделя.

18-19 июля 1812 г. в сражении, начавшемся у белорусской деревни Клястицы (Россонский район Витебской области) в 17 километрах от Полоцка, пресекшем попытки французов продвинуться в направлении Петербурга, Кульнев командовал авангардом, а затем центром позиции Витгенштейна. Он разбил войска Удино, взял девятьсот пленных и почти весь обоз французского маршала. На следующий день, преследуя отступавшего неприятеля, Кульнев перешел через реку Дриссу и наткнулся на главные силы Удино, подготовившего для русских войск артиллерийскую ловушку. Не нарушь командир авангарда приказ Витгенштейна и не перейди Дриссу – в засаду угодил бы весь корпус. В итоге же под удар попали не русские, а дивизия Вердье и другие французские части, увлекшиеся преследованием отступающего отряда Кульнева. Это предопределило поражение Удино, вынужденного отвести свои разбитые войска к Полоцку.

Однако Якову Петровичу узнать об этом уже не довелось. Под градом ядер и картечных пуль он стал отводить свои войска. Чтобы вселить мужество в отступавших, генерал сошел с коня и вместе с полковником Федором Васильевичем Ридигером шел с последними рядами гусар и был смертельно ранен – французское ядро оторвало ему обе ноги выше колен. Последними словами умирающего героя стали: «Друзья… спасайте Отечество… не уступайте ни шага земли… вас победа ожидает!». Ридигеру он показал на свой георгиевский крест: «Увезите его… пусть неприятель не знает, что убил русского генерала». Сказав это, смертельно раненный Кульнев скончался.

Боевые друзья похоронили Якова Петровича на месте гибели у деревни Сивошино на берегу реки Дриссы. После окончания войны, в 1816 г., его братья перевезли останки героя в родовое имение Илзенберг (ныне Брезгале в Латвии).

Память русского героя Якова Кульнева увековечена и в литературе и в художественной форме. В 1830 г. повелением императора Николая I на месте его гибели был поставлен памятник, на котором была сделана следующая надпись:

На сем месте
Пал, увенчан победою
Храбрый Кульнев,
Как верный сын –
За любезное Отечество сражаясь.
Славный конец его
Был подобен
Славной жизни.
Оттоман, Сармат,
Галл, Германец, Швед
Зрели его мужество
И неустрашимость
На поле чести!
Стой прохожий –
Кто бы ты ни был:
Гражданин или воин –
Почти память его
Слезою!

2012. Вып. 2 (7). С. 14–17

УДК 745.50

РЕМЕСЛА САМАРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

М.В. Кржижевский

Аннотация

В данной статье описываются источники, сообщающие о ремеслах Самарского края второй половины XIX – начала XX в.

В каждом регионе нашей страны сложились свои ремесла и промыслы, но не все они одинаково изучены. Необходимо отметить, что указанные виды деятельности, получившие распространение на территории современной Самарской области, исследованы в значительно меньшей степени, чем промыслы некоторых других регионов России (росписи Палеха и Хохломы, каргопольская и дымковская игрушки и др.), получившие известность во всем мире. Прежде чем обратиться к источникам и литературе, посвященным ремеслам Самарской области, необходимо рассмотреть в общих чертах историю заселения этой территории.

Самарская область расположена в среднем течении крупнейшей европейской реки Волги, на стыке лесостепной и степной зон. Человеку издавна знакомы эти места – первые обнаруженные здесь стоянки относятся к каменному веку. Племена охотников и собирателей осваивали район Волги и ее притоков Самары. Сока и др. В эпоху бронзы южные степные районы заселяют скотоводческие племена, северные лесные районы – племена, которые попрежнему занимались в основном охотой и собирательством. В V–VIII вв. н.э. в северных районах и на Самарской Луке селятся носители именьковской культуры, которых самарские археологи относят к племенам славянского происхождения. Основным их занятием являлось земледелие. Со временем часть именьковцев ушла на запад, другие остались и впоследствии смешались с пришлыми тюркоязычными болгарскими (булгарскими) племенами. На рубеже IX–X вв. в Среднем Поволжье возникает государство Волжская Болгария (Волжская Булгария), поселения которого располагались и на территории современной Самарской области [1]. В 1230-х гг. эти земли подвергаются монгольскому нашествию и входят в состав Золотой Орды. Некоторые поселения в данных местах датируются XIII–XIV веками. Затем, во второй половине XIV в., в связи с неспокойной обстановкой в крае – междоусобицами в Золотой Орде, нашествием среднеазиатского правителя Тимура (Тамерлана) – постоянно население покидает эти места и переселяется в более спокойные северные районы, а территория современной Самарской области в основном используется кочевыми народами (ногайцами, башкирами). В XVI в. эти земли входят в состав Русского государства. В 1586 г. князем Григорием Засекиным была основана крепость Самара [2], постепенно появляются другие постоянные поселения.

Современный полиэтнический состав населения области сложился в основном в результате миграции в XVII–XIX вв. из более северных районов русских, татар, чувашей и мордвы – четырех основных этносов Самарской области. К этому времени складывается и система традиционных ремесел и промыслов нашего края. Разные народы селились не изолированно,

а по соседству друг с другом. Не только города, но и многие сельские населенные пункты имели и имеют полиэтническую структуру. Все это способствовало тесному культурному взаимодействию, в том числе сходству в ремесленной деятельности.

Прежде всего следует отметить, что промыслы не получили такого развития в Самарском крае, как в некоторых более северных и центральных регионах нашей страны. Объясняется это отчасти тем, что постоянное население края появилось, как было сказано выше, несколько столетий назад и сама система традиционных промыслов сложилась относительно поздно. Кроме того, на эту деятельность наложили отпечаток хозяйственные особенности. Народные ремесла, обеспечивавшие местных жителей всем необходимым в хозяйстве и в быту, далеко не всегда становились промыслами, приносившими определенный доход от продажи изготовленных изделий. Причина этого явления объясняется основной отраслью хозяйства народов края – земледелием.

Наиболее известные традиционные промыслы и ремесла нашей области, получившие распространение во второй половине XIX– начале XX в.: деревообработка, производство кушаков, гончарное производство, лозоплетение, вышивка, изготовление предметов быта, ткачество и др.

Источники по традиционным ремеслам и промыслам Самарского края можно разделить на две основные группы – письменные и вещественные. К последней группе относятся орудия труда и изделия ремесленников, хранящиеся в фондах различных музеев: Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, музея Самарского государственного университета, районных, сельских, школьных музеев и т.д. Письменные источники, в свою очередь, делятся на архивные и опубликованные.

В Центральном государственном архиве Самарской области содержатся материалы Общества истории, археологии и этнографии, работавшего при Самарском государственном университете в первой половине XX века. Одним из положений устава этой организации было изучение духовной и материальной культуры прошлого и настоящего народов, населяющих край. Значительное внимание уделялось и изучению традиционных ремесел и промыслов. Председателем этнографической секции был профессор социолого-исторического факультета Самарского государственного университета А.С. Башкиров. В 558 фонде данного архива, содержащем множество работ по этнографии края, есть несколько дел, посвященных описанию ремесел и промыслов, существовавших в этих местах в начале XX столетия [3].

Сведения о кустарных промыслах, имевших место на территории нашего края до 1930-х гг., содержатся в научном архиве Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина.

Значительный вклад в изучение этой отрасли принадлежит Средневолжскому краевому бюро краеведения, которое было создано в 1930 году. С начала 1933 г. оно стало проводить систематические исследовательские работы по изучению кустарных промыслов. По заданию Крайпромсовета в 1934 г. группой исследователей под руководством доцента А.С. Мызникова была выполнена большая работа по созданию «Справочника кустарной промышленности края». Также была составлена и вычерчена карта, показывающая размещение кустарных промыслов [4].

К опубликованным источникам относятся работы дореволюционных авторов. Некоторые из них, содержащие сведения о промыслах и ремеслах различных регионов России, опубликованы в Санкт-Петербурге. К ним относится многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» под редакцией В.П. Семенова. Шестой том данного издания, вышедший в 1901 г., посвящен Среднему и Нижнему Поволжью. В нем, в частности, приводятся сведения по изготовлению в домашних условиях жителями указанного региона одежды, обуви, предметов быта [5].

Среди опубликованных источников необходимо отметить дореволюционные статистические материалы. Весомая роль в изучении традиционных ремесел и промыслов нашего края принадлежит Губернскому статистическому комитету. В 1864 г. этим комитетом была издана «Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 г.», в которой приводятся сведения по основным промыслам Самарского края [6].

В 1882–1889 гг. статистическое отделение Самарской губернской земской управы, поставив перед собой задачу собрать материал как о сельском хозяйстве, так и о промыслах крестьянского населения, провело подворную опись крестьянских хозяйств по всем уездам тогдашней Самарской губернии. При проведении этой описи были получены сведения о лицах, занятых различными промыслами. В результаты этой работы были опубликованы «Сборники статистических сведений по Самарской губернии», в которых содержатся сведения об общем хозяйственном состоянии каждого уезда, в том числе, о промыслах [7].

Особую группу источников составили материалы, опубликованные в дореволюционной периодической печати. Так, о промыслах в 1889–1890 гг. писала «Самарская газета». В разных номерах этой газеты в указанный период освещались промыслы различных уездов Самарской губернии. 20 января 1889 г. в «Самарской газете» писалось о промыслах Бугурусланского уезда. В этой статье упоминалось о горшечном (гончарном) ремесле, существовавшем в слободе Сарбайской и селе Сосновке. Посуда, сделанная местными горшечниками, продавалась по три рубля за сто изделий оптом. В это время указанным ремеслом в данных поселениях занималось 18 домохозяев [8].

1 февраля 1889 г. в «Самарской газете» была опубликована статья, посвященная местным и отхожим промыслам Бузулукского уезда губернии. В ней отмечено, что самым крупным женским промыслом на данной территории является тканье шерстяных кушаков. Такие кушаки являлись неотъемлемым компонентом костюма местных жителей. Этот промысел получил большое развитие в селе Максимовке (в настоящее время оно входит в состав Богатовского района Самарской области). Указывается, что промысел этот принесен с места переселения первых жителей Максимовки – из Тамбовской губернии. Лучшие кушаки ткались из смеси шленки с бумагой, с простеганными по всему полю кушака шелковыми нитками. Они отличались большей мягкостью. Шленку покупали как в Самаре, так и на знаменитой Нижегородской ярмарке. Те кушаки, что похуже, ткались из овечьей шерсти с бумагой – такие кушаки были более жесткими. Красоту поясам придавали расположенные в ряд по всей длине изделия полоски красного, черного, желтого, лилового, зеленого, белого и малинового цветов. Всего разноцветных полос было семьдесят две! Одни краски мастера делали сами из местных растений, другие покупали. Процесс изготовления кушака включал в себя несколько операций: одни женщины перемывали овечью шерсть, девочки 12-14 лет теребили ее на гребнях, сортировали и пряли, старшие мастерицы красили и ткали, а еще одна группа женщин занималась лощением поясов. Для того, чтобы выткать кушак, необходимы, как указывают исследователи, такие орудия производства, как ткацкий станок, сновальня, семь вьюшек, скальница, челнок, десять ценок, два берда, набилки, ниченки, пряжа, гребень [9].

Отличительной особенностью многих дореволюционных работ – как статистических материалов, так и статей в периодической печати – является довольно подробное описание ряда традиционных ремесел, что делает эти источники весьма ценными при изучении данного вида деятельности.

Современные полевые исследования, проведенные в разных районах Самарской области, свидетельствуют о том, что некоторые ремесла, распространенные во второй половине XIX – начале XX в., сохраняются и поддерживаются и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 247-267.

[2] Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин: Хроника жизни и деятельности строителей волжских городов. Самара, 1995. С. 44-46.

[3] Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1, 131, 303, 315.

[4] Архив Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина. Ф. 6. Оп. 2. Д.5 . Оп. 5. Д. 3.

[5] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. / Под ред. В.П. Семенова. Т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.

[6] Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 г. Изданная Самарским губернским статистическим комитетом. Самара, 1864.

[7] Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Вып. 1. Самарский уезд. М., 1883; Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Т. 2. Ставропольский уезд. М., 1884; Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Т. 3. Бузулукский уезд. Самара, 1885; Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Т. 4. Бугурусланский уезд. Самара, 1886; Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Бугульминский уезд. Самара, 1887; Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Т. 6. Николаевский уезд. Самара, 1889; Сборник статистических сведений по Самарской губернии: отдел хозяйственной статистики. Т. 7. Новоузенский уезд. Самара, 1890.

[8] Местные и отхожие промыслы в Самарской губернии: Бугурусланский уезд // Самарская газета. 1889. 20 января.

[9] Местные и отхожие промыслы в Самарской губернии: Бузулукский уезд // Самарская газета. 1889. 1 февраля.

2012. Вып. 2 (7). С. 18–44

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1(09)

ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ Д.И. ИЛОВАЙСКОГО (к 180-летию со дня рождения ученого)

В.В. Фомин

Аннотация

В статье рассматривается важный вклад знаменитого историка-антинорманиста Д.И. Иловайского, уроженца г. Раненбурга (ныне – г. Чаплыгин Липецкой области), в решение варяго-русского вопроса.

Сегодня предельно негативное отношение к взглядам замечательного русского историка Д.И. Иловайского на проблему варягов и руси усиленно пытаются навязать науке норманисты, при этом, что весьма показательно, не вступая с ним в прямую полемику и не стесняясь в подборе выражений (а этим, кстати заметить, исчерпывается весь их арсенал «контраргументов» в дискуссии с антинорманистами вообще). Мощный импульс подобному отношению к Иловайскому был дан в период тотального засилья в нашей историографии так называемого «советского антинорманизма», как в СССР именовали норманизм, прикрытый марксистской фразеологией.

«Советский антинорманизм», который ныне норманисты клеймят как «воинствующий», «примитивный», «патриотический» и выдают за антинорманизм истинный, вводя тем самым научную общественность в очередное принципиальное заблуждение, был антинорманизмом только по форме и его антиподом по сути: критикуя дореволюционный норманизм как антинаучное направление, он оставался верен его самому главному постулату, что варяги и русь были норманнами. Но при этом советские ученые убеждали себя и идущих им на смену исследователей в том, что историк-марксист «всегда антинорманист» и что «настоящими норманистами» являются лишь только те, кто преувеличивал роль норманнов «в различных сторонах жизни Древней Руси» и «кто утверждал неспособность славян самим создать свое государство», а весь свой «антинорманизм» сводили к тезису, что норманны не могли создать Русское государство, потому как оно являлось продуктом исключительно социально-экономического развития восточнославянского общества.

По причине этого, а тем самым очень жестко гасился интерес к этой проблеме, разговор об этносе варягов утратил, по их заверениям, свой прежний смысл, «всякий интерес и значительность», стал «беспредметным», потому как норманизм «добит» и представляет собой «труп», ибо «советские историки доказали, – как, например, неоднократно провозглашал в 1960-х гг. победу «советского антинорманизма» один из его лидеров И.П. Шаскольский, – несостоятельность норманской теории, разработав марксистское учение о происхождении

древнерусского государства». Подобный «антинорманизм», возведенный со второй половины 1930-х гг. в ранг официальной идеологической доктрины советского государства, усомниться в которой было смертельно опасно, ввел нескольких поколений наших специалистов в чудовищный обман, заставлявший их десятилетиями тратить свой потенциал на переливание из пустого в порожнее, чем они не только утверждали и закрепляли, начиная со школьной скамьи, норманизм в общественном и научном сознании, но и основательно дискредитировали антинорманизм истинный [1].

Так, согласно кредо «советского антинорманизма», которое активно обосновывал и пропагандировал в 1960–1983 гг. тот же Шаскольский, «разумеется, позицию марксистской науки нельзя отождествлять с высказывавшимися в недавнем прошлом мнениями отдельных авторов, полностью или почти полностью отрицавших пребывание и деятельность норманнов на русской территории в IX–XI вв.» (ведущие дореволюционные антинорманисты С.А. Гедеонов и Д.И. Иловайский, дав «серьезную и основательную критику главных положений» норманизма, «в силу своих идеалистических представлений о процессе возникновения государства не смогли противопоставить отвергаемой ими норманской теории сколько-нибудь убедительное положительное построение, не смогли дать убедительное научное освещение процесса формирования Древнерусского государства»). Марксистская наука признает, что тогда «в русских землях неоднократно появлялись наемные отряды норманских воинов, служившие русским князьям, а также норманские купцы, ездившие с торговыми целями по водным путям Восточной Европы. Однако, с позиций марксистской науки… главные события и явления в жизни нашей страны IX–XI вв. – формирование классового общества, образование Древнерусского государства, начало развития феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры – были результатом глубоких и длительных процессов внутреннего развития восточнославянского общества без сколько-нибудь значительного воздействия внешнего фактора – норманнов».

К тому же эти норманны, с энтузиазмом повторял «советский антинорманист» Шаскольский явно несостоятельный тезис дореволюционных «антинаучных» норманистов, «быстро ославянились, слившись с местным населением», «очень быстро ославянилась» и княжеская династия (тезис о стремительной ассимиляции скандинавов в восточнославянском обществе позволяет норманистам, начиная с А.Л. Шлецера, спокойно закрывать, как отмечал в 2004 г. автор настоящих строк, «разговор об отсутствии каких-либо следов норманнов в многогранной жизни древнерусского общества, в которой отразилось участие многих народов, но только не скандинавов»). После чего историк заключал, что, «конечно, признание этих ф а к т о в совсем не тождественно согласию с в ы в о д а м и норманизма». Другой лидер «советского антинорманизма» В.В. Мавродин в 1971 г. также разъяснял сомневающимся (а пытливую мысль все же нельзя усыпить), что «признание скандинавского происхождения династии русских князей или наличия норманнов-варягов на Руси, их активной роли в жизни и деятельности древнерусских дружин отнюдь еще не является норманизмом» [2].

Но такая позиция и есть, как ее ни называй и в какие одёжки ни наряжай, норманизм, который, по мере ослабления идеологических установок, обретал под пером «советских антинорманистов» свое истинное лицо. Так, в 1965 г. Шаскольский в монографии «Норманская теория в современной буржуазной науке» преподнес норманизм, под видом его критики, в качестве научной теории, имеющей «длительную, более чем двухвековую, научную традицию» и «большой арсенал аргументов». То же самое сказал он в 1978 г., вместе с тем подчеркнуто говоря о зафиксированном многими источниками участии «норманнов в процессе формирования государства на Руси». А в 1986 г. по-«антинорманистски» и по-«марксистски» твердо заявил, что особенный вклад в изучение норманского вопроса, а ученый только так и, разумеется, не без умысла именовал варяго-русский вопрос (при этом еще преимущественно оперируя термином «норманны», но не «варяги»), за последние двадцать лет внесла советская археология, открывшая крупный комплекс находок скандинавского происхождения на

Рюриковом городище и расширившая сведения о пребывании скандинавов в Старой Ладоге, Ярославском Поволжье, Гнездово и др. [3] (в 1988 г. известный археолог Д.А. Авдусин, признававший норманство варягов, но, как «советский антинорманист», приуменьшающий их значение в русской истории, заметил, что в трудах Шаскольского 50–60-х гг. «норманизм выглядит даже респектабельнее противоборствующего течения», а его монография «Норманская теория в современной буржуазной науке» содержала основные положения критики антинорманизма и «способствовала появлению серии работ ленинградских археологов, которые преувеличивали роль скандинавов на Руси» [4]).

1980-м гг. суждено было стать последним десятилетием существования историографического мифа по имени «советский антинорманизм» (но, исчезнув в реальности, он продолжает жить в воображении современных норманистов, на примере этой несуразности, созданной ими, так любящих демонстрировать «несостоятельность» настоящего антинорманизма). По причине чего И.П. Шаскольский, желая уберечь такой «антинорманизм», идеологом и глашатаем которого он до этого выступал, от кардинальной ревизии, сразу же бы выявившей его закамуфлированную марксизмом норманистскую сущность, в 1983 г. решил действовать на упреждение. И отказал истинному антинорманизму, представленному яркими фигурами дореволюционной историографии, в научности, тем самым возродив самый главный «довод» классических норманистов прошлого: признавать норманизм – «дело науки, не признавать – ненаучно», которым они, пользуясь официальным статусом норманской теории, веками не только вводили в заблуждение российское общество, но и беззастенчиво шельмовали и травили своих оппонентов, на что в 1884 г. обращал внимание М.О. Коялович.

Отказал тем, что, на его взгляд, многие антинорманисты, сознавая антирусскую направленность норманизма, выступали против него «не из научных позиций, а из соображений дворянско-буржуазного патриотизма и (Иловайский, Грушевский) национализма». А чтобы всем была понятна установка, что антинорманизм и наука якобы несовместимы (хотя уже одного ярлыка «националист», навешенного на удивительно талантливого ученого Иловайского, было вполне достаточно, в условиях господства идей интернационализма и непримиримой борьбы с русским патриотизмом, выдаваемом за великорусский шовинизм, для превращения антинорманизма в антисоветский и националистический жупел, способный напугать и отпугнуть многих), Шаскольский обвинил подлинных антинорманистов советского времени В.Б. Вилинбахова и А.Г. Кузьмина, непосредственно занимавшихся, в отличие от самого Шаскольского, варяго-русским вопросом, в недопонимании марксистской концепции происхождения государственности на Руси, т.е. представил их позицию в этом вопросе политически неблагонадежной (и слава Богу, конечно, что тогда на дворе стоял не 1937 год и «охота на ведьм» сорвалась).

В адрес же норманизма историк-марксист Шаскольский и отсюда будто бы антинорманист говорил чистейшим норманистским языком: норманизм как научное течение «ведет свое начало от изданных в 1730-х годах работах Г.З. Байера», причем сама теория скандинавского происхождения варягов и руси не была, как при этом подчеркивалось, изобретена ни им, ни Г.Ф. Миллером, а была заимствована этими учеными «из русской донаучной историографии – из летописи» [5] (но летописи, весьма многословно повествуя о варягах и руси на протяжении почти 180 лет: с 859 г. по 1030-е гг., *нигде*, что прекрасно видно и невооруженным глазом, *прямо не обозначают их этнос*. Вот почему зарубежные и отечественные исследователи, исходя из разных соображений, выдавали, начиная с 1614–1615 гг., варягов и русь за норманнов, славян, финнов, литовцев, венгров, хазар, готов, грузин, иранцев, кельтов, евреев и др., в целом предложив большое число версий трактовки варяго-русского вопроса [6]. И, разумеется, если бы правота норманистов подтверждалась источниками, то бы никто и не сомневался в их правоте).

Насколько серьезно на излете существования «советского антинорманизма» беспокоились о сохранении его норманистского духа и содержания, свидетельствует статья Е.А. Мельни-

ковой и В.Я. Петрухина «Название “Русь” в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.)», опубликованная в 1989 г. в академическом журнале «Вопросы истории». В этой статье Мельникова, защитившая в 1970 г. кандидатскую диссертацию по филологии («Некоторые проблемы англо-саксонской героической эпопеи “Беовульф”»), и Петрухин, защитивший в 1975 г. кандидатскую диссертацию по скандинавской археологии («Погребальный культ языческой Скандинавии»), т.е. будучи неспециалистами по русской истории, и отсюда многого не знающими и многого не понимающими в ней, да и, прямо надо сказать, не желающими, в силу своих ложных норманистских воззрений, понимать очевидное (в 1985 г. они, как идейные «советские антинорманисты», утверждали, что в середине – второй половине X в. произошла «быстрая» ассимиляция норманнов в славянской среде), строго наказывали историкам, а те так же, как и в случае с указаниями Шаскольского 1983 г., покорно подчинились и этой норманистской установке, чем они должны заниматься, а чем заниматься не должны вовсе: «Продуктивность и научное значение антинорманизма заключается не в оспаривании скандинавского происхождения русских князей, скандинавской этимологии слова “Русь”, не в отрицании присутствия скандинавов в Восточной Европе, а в освещении тех процессов, которые привели к формированию государства, в выявлении взаимных влияний древнерусского и древнескандинавского миров» [7] (по такому совершенно невероятному для истинной науки ультимативному инструктажу, отступление от которого означало быть объявленным вне науки, где верховодили и всем заправляли норманисты, хорошо видно, что у норманской теории нет главного – источниковой базы, без чего она не тянет даже на рабочую гипотезу).

Пройдет немного времени, за которое исчезнет СССР, а вместе с ним исчезнет необходимость преподносить норманизм как «советский антинорманизм», и в 1997 г. А.А. Хлевов (ученик «ленинградских археологов», о которых говорил Д.А. Авдусин) заявит о победе в российской науке «взвешенного и объективного норманизма», а А.С. Кан в 1999 г. – что на смену «политического, патриотического антинорманизма» пришел «научный, т.е. умеренный, норманизм» [8]. И всю суть этого «объективно-научного» норманизма, на деле представляющего собой ультранорманизм образца первой половины XIX в. (названного норманистом В.А. Мошиным «“ультранорманизмом” шлецеровского типа»), в свое время похороненный, по словам того же Мошина, беспристрастным исследователем С.А. Гедеоновым [9], полно характеризует отношение современных норманистов, научные интересы которых, а это обстоятельство надлежит подчеркнуть обязательно, не связаны с варяго-русским вопросом вообще или же связаны совсем формально, к Д.И. Иловайскому. Но при этом они без всякого смущения взялись оценивать, точнее будет сказать, в стиле «объективно-научного» норманизма хулить творчество ученого, занимавшегося этим вопросом профессионально многие десятилетия. И хулить лишь только потому, что Иловайский выступал против норманской теории (причем не всегда последовательно), принятой ими априори и безотчетно либо в школьные, либо в студенческие годы за первоистину. Да еще выросшие на убеждении в том, что с теми, кто не разделяет их взгляды, не стоит – таков вот «демократизм» норманизма! – слишком церемониться.

В 1991 и 1993 гг. весьма влиятельный представитель исторической науки директор Института истории СССР АН СССР (затем Института российской истории РАН) А.П. Новосельцев на страницах журнала «Вопросы истории» подверг очень резкой критике «патриотов», т.е. «советских антинорманистов», взявших в науке верх «с 40-х годов и особенно в период “борьбы с космополитизмом”», но с оптимизмом констатируя при этом, что «все большее число наших историков» склоняется к выводам, которые отстаивал известный норманист датский ученый А. Стендер-Петерсен, «что термин “Русь” северного происхождения, как и династия киевских Рюриковичей» (причем известный востоковед подчеркивал, тем самым соглашаясь с филологом Мельниковой и археологом Петрухиным, что происхождение термина «Русь» и династии киевских князей есть второстепенные вопросы, навязанные науке

«патриотами»). Не забыл он и антинорманистов прошлого, представлявших собой, по его характеристике, «посредственности типа Д.И. Иловайского», который очень вольно обращался с фактами (тогда как датчанин – это «прекрасный знаток наших древностей», глубоко уважавший «Россию, русский народ, его прошлое», т.к. «отрицал мнение, будто скандинавы в IX–X вв. были выше по уровню культуры, чем славяне…»). Новосельцев, говоря, что теория С.А. Гедеонова о тождестве варягов с южнобалтийскими славянами «ни одним серьезным ученым не была принята», не знал довольно хорошо известное, что, а этот факт наглядно демонстрирует степень его профессионализма в варяго-русском вопросе, именно Иловайский предельно категорически не принимал данную теорию Гедеонова [10].

В 1998 и 2000 гг. археолог В.Я. Петрухин, увлеченно раздувающий, массово приписывая им русские древности, роль норманнов и хазар в истории Руси (за что его критиковали даже сторонники норманской теории, например, византинист Г.Г. Литаврин [11]), говорил, что ярким представителем автохтонистской концепции «был Д.И. Иловайский, чьи построения признавались одиозными уже в дореволюционную эпоху». В 2009 г. он же вел речь о «кондовом антинорманизме Гедеонова-Иловайского…» [12] (при этом Петрухин – псевдореконструируя историю Киевской Руси и жестко увязывая, например, со скандинавами погребения в камерах, открытые в русских землях, а от этой ошибки, очень дорого стоившей нашей науке, ибо она была положена в основу многих других ошибочных мнений, прочно осевших в литературе, зарубежная и отечественная археология уже отказалась, а «хазарское наследие» характеризуя как важнейший структурообразующий фактор формирования Русского государства – выставляет современных антинорманистов в роли «реаниматоров старых мифов» с «квазипатриотическим воображением», тиражирующих «без научного комментария», т.е. без учета его мнения, как ярого нормaниста и хазаромана, труды Иловайского и Гедеонова, и пишущих «эпигонские сочинения» и «историографические казусы», в которых отсутствует «исторический анализ» [13]).

В 2009 г. археолог Л.С. Клейн, выдающий важнейший археологический материал эпохи Киевской Руси только за скандинавский (так, например, славянскую надпись на клинке меча XI в. из Фощеватой «людо[?]а коваль» он в присущей для него манере превратил в очередное «доказательство» пребывания скандинавов на Руси: «Она говорит о местном производстве мечей, причем либо славянский мастер учитывал вкусы потребителя, либо мастером был славянизированный норманн (имя для славянина необычное – Людота или Людоша, фамильярное от Людвиг?)» [14]), а несогласных с его пристрастиями и выдумками – за «дилетантов» и «ультра-патриотов», издал книгу «Спор о варягах», написанную им в 1960 г., в которой Иловайский представлен … нацистом (таковыми, следовательно, являются все «ультрапатриоты» и, а Клейн много чего подобного говорит в их адрес, «шовинистически ангажированные» антинорманисты, начиная с М.В. Ломоносова, по характеристике этого же автора, «никудышного историка», «мешавшего» науке).

Ибо, уверяет Клейн, «некоторые реакционно-настроенные историки (Иловайский, Забелин), подходя к вопросу с позиций великодержавного шовинизма, выступали против “норманской теории”, поскольку она противоречит идее о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами» (но бредовые идеи о господстве одного народа над другими, порожденные западноевропейским менталитетом, высказывали, что должно быть известно Клейну, фашисты, разгромленные при решающей роли именно русского народа, абсолютно лишенного чувства национального превосходства и потому создавшего великое многонациональное государство, обладающее необыкновенной живучестью, и в которое добровольно, а таких случаев мировая история не знает, вошло около двухсот народов и благодаря которому они только и смогли сохраниться). Вместе с тем археолог говорил, дополнительно усиливая отталкивающий образ антинорманизма в глазах советского читателя и слушателя, т.е. опять же переводя разговор о нем, что лишний раз указывает на отсутствие у норманистов действительных контраргументов, в политическую и со-

вершенно негативную для советского времени плоскость, что «в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. антинорманизм в его реакционно-монархическом оформлении стал уже официальной догмой: русские школьники учились истории “по Иловайскому”» [15].

Насколько приведенные мнения об Иловайском противоречат истине, видно из заключений дореволюционной историографии, которая якобы, как это внушает В.Я. Петрухин, признавала построения Иловайского одиозными. В 1904 г. академик А.А. Шахматов, занимаясь конкретной разработкой варяго-русского вопроса и анализируя все источники и все исследования по данной теме, т.е. смотря на все своими глазами и не доверяясь чужому мнению, даже самому авторитетному, подчеркнул, что «здравая критика, внесенная в понимание» Сказания о призвании варягов «Эверсом, Костомаровым, Гедеоновым, Иловайским и другими, показала всю шаткость основания, на котором строили свое здание норманисты» [16]. А эти слова принадлежат не только крупнейшему ученому, чье имя еще при его жизни стало синонимом высокой науки, но и ведущему норманисту конца XIX – начала XX века.

В 1931 г. другой норманист и эмигрант В.А. Мошин, будучи учеником и последователем дореволюционной школы, решительно отверг искусственно насаждаемую низкую оценку трудов антинорманистов: «Эверса, Костомарова, Юргевича, Антоновича никак нельзя причислять к дилетантам, а по моему мнению, этот эпитет нельзя приложить и к Иловайскому, филологические доказательства которого действительно слабы, но который в области чисто исторических построений руководился строго научными методами, и доказал свою большую эрудицию в русской истории прекрасным трудом “История России”. … Некоторые же открытия Иловайского, осветив по новому различные моменты древнейшей истории Руси, получили всеобщее признание, и заставили даже наиболее упорных его противников внести в свои конструкции необходимые корректуры» и что «некоторые из его тезисов (напр., существование Черноморской Руси в IX–X-м веке) были приняты и учеными противоположного направления, а и основное положение Иловайского, которое он защищал в науке от 1871-го года до начала текущего столетия и популяризировал своими гимназическими учебниками, не осталось без влияния на младшее поколение, так что и до сих пор приходится слышать об автохтонности славяно-руссов на Понтийских берегах» [17].

С уважением отзываясь о научных заслугах антинорманистов, Мошин пояснил, что высказаться в их защиту заставили, по его оценке, «краткие характеристики» варяго-русского вопроса, попадающиеся «в учебниках и популярных трудах по русской истории», не только, как он при этом заметил, не дающие «действительной картины его развития, но часто страдающие значительными и вредными ошибками» [18]. Это заключение прекрасного знатока истории разработки варяго-русского вопроса и норманиста, но не страдавшего норманистской одержимостью, так точно названной в 1836 г. Ю.И. Венелиным «скандинавоманией», всецело можно отнести к отзывам Шаскольского, Новосельцева, Петрухина и Клейна об Иловайском. К сказанному остается добавить мнение весьма известного эмигранта и норманиста Г.В. Вернадского, отметившего в 1943 г., что «ценность вклада антинорманистов в изучение древней Руси нельзя отрицать»: именно они «первыми привлекли внимание исследователей русской истории к факту экспансии руси на юг задолго до появления Рюрика в Новгороде в 862 г., согласно традиционной дате», и тем самым разрушили «упрощенную теорию первых норманистов», сводивших начало истории руси к Рюрику и Новгороду, к факту отсутствия в истории скандинавского племени по имени «русь» [19]. А в разрушении этой упрощенной теории первых норманистов, которую агрессивно исповедуют современные ультранорманисты, очень весомый вклад внес именно Иловайский.

Итак, имеются полярные заключения норманистов об Иловайском и его творческом наследии. Следовательно, имеется проблема, которая может быть разрешена только, как это и делали Шахматов и Мошин, при обращении к конкретному материалу: к взглядам Иловайского на варяго-русский вопрос.

Первые работы Д.И. Иловайского (1832–1920) по варяго-русскому вопросу, в которых он сразу же заявил о себе в качестве решительного противника норманской теории, преобладавшей тогда в российской науке (в зарубежной, подчеркивал историк, «скандинавская система царит без всякой оппозиции»), вышли в начале 1870-х годов. Как он объяснил свою позицию в 1871 г. в статье «О мнимом призвании варягов», а под этими словами подписались бы антинорманисты любого времени, «не вдруг, не под влиянием какого-либо увлечения мы пришли к отрицанию» системы скандинавской школы, а только «убедившись в ее полной несостоятельности», в ее искусственном построении: «И действительно, чем глубже вникаешь в этот вопрос, тем более и более выступают наружу натяжки и противоречия норманской системы. Если она удерживала до сих пор господствующее положение, то главным образом благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своих защитников», в то время как ее противники выступали разрозненно.

Дополнительно особо подчеркнув в 1888 г. в «Историко-критических заметках» тот момент, когда у него возникли сомнения в научной состоятельности норманизма: «Я сам безусловно следовал норманской системе, пока не занялся специально этим вопросом…». Иловайский, надлежит сказать, выступая против норманской теории, вместе с тем совершенно справедливо заметил в 1871 г., а это есть ярчайший пример его объективности, что ее сторонники «оказали столько заслуг науке российской истории, что, и помимо вопроса о призвании варягов, они сохранят свои права на глубокое уважение». Только, видимо, в отношении труда датского слависта В. Томсена Иловайский отозвался в 1880 г. довольно нелестно – «это не только не самостоятельное исследование, а напротив, самое поверхностное повторение мнений и доводов известных норманистов, преимущественно А.А. Куника», причем Томсен, в силу «своей отсталости», повторяет даже такие доказательства последнего, от которых тот уже отказался. Но с этим мнением абсолютно совпадает заключение норманиста В.А. Мошина, также отмечавшего, что Томсен, «своим авторитетом» канонизировавший норманизм в Западной Европе, внес «в изучение вопроса мало такого, что не было бы ранее замечено в русской науке, в особенности в трудах Куника» [20] (в нашей историографии вслед за И.П. Шаскольским принято считать, в связи с поверхностным знакомством с богатейшей историографией варяго-русского вопроса, что «классическое изложение» основных положений и аргументов норманизма дал Томсен [21]).

По словам историка Д.И. Багалея, произнесенным в 1911 г., Иловайскому «принадлежит историческая заслуга в основании скептической школы по вопросу “о призвании варягов”» [22]. Такой характеристики ученый удостоился в связи с тем, что отстаивал вставной характер Сказания о призвании варягов, опровергал его достоверность и признавал его «басней», «сказкой», совершенно лишенной народных основ, домыслом новгородских книжников. Этот гиперкритицизм исследователя был продиктован противоречием Повести временных лет (ПВЛ) – а на него он первым в науке обратил внимание! – по поводу начала Руси, связывающей его либо с Севером (с варяжской русью), либо с Югом (с полянской русью), его ошибочной посылкой о недостоверности основной части сообщений летописи по X в. включительно (считая события второй половины IX в. «гносеологическими баснями и тенденциозными домыслами», он не сомневался, что летопись, начавшись легендами и баснями, «становится полнее, достовернее, обстоятельнее» лишь по мере приближения к началу XII в.), наконец, его взглядом на этническую природу варягов и руси. Иловайский, встав на платформу поляно-русской версии происхождения Руси, полностью отрицал варяго-русскую, отрицал историчность Рюрика, говорил об искусственности его соединения с реальным Игорем (большое значение при этом придавая тому факту, что такие памятники, как, например, «Слово о законе и благодати» Илариона, «Слово о полку Игореве» ничего не сообщают ни о призвании варяжских князей, ни о Рюрике. Нет имени основателя княжеской династии, отмечал он, и в расчете русских княжений под 6360 г., где первым упомянут Олег, следовательно, старший в княжеском роду, а не опекун Игоря).

Сам же антинорманизм Иловайского был компромиссным: полагая варягов норманнами, русь он считал восточнославянским племенем, изначально проживавшим в Среднем Поднепровье и известным под именем поляне-русь (роксолане или россалане), но по вине позднейших переписчиков варяги и русь были смешаны в «один небывалый народ» (подчеркивая при этом «эластичный характер» термина «Русь» в IX–XII вв.: в обширном смысле – все восточные славяне, подвластные русским князьям, в менее обширном – южнорусские славяне, в тесном смысле – поляне, собственно русь. Иногда, отмечал историк, значение этого имени суживалось до понятия сословного – княжеская дружина, «военный класс по преимуществу»). И вместе с тем утверждал, что не было никакого призвания варяжских князей и что «туземная» русь сама основала свое государство, распространив затем свое владычество с юга на север. «Хвастливые скандинавские саги», констатировал Иловайский, приписывая своим героям огромное воздействие на русские события, представляют русь «великим и туземным народом, а Русское государство настолько древним, что о его начале они ровно ничего не знают». Ведя речь о существовании Днепровско-Русского княжества уже в первой половине IX в., историк принимал за реальный исторический факт существование в то же время на Таманском полуострове Азовско-Черноморской Руси (или Артании арабских известий) и видел в ее преемнике Тмутараканское княжество, акцентировал внимание на том, что Черное море издавна называлось «Русским морем». Он без колебаний связывал с этой русью византийские свидетельства о нападении руси на Константинополь в IX в., о крещении руси в 860-х гг. и о русской митрополии того же столетия, «русские письмена» и «русина», встреченные святым Кириллом в Корсуне в 860–861 гг., сообщения арабов о походах руси на Каспийское море в 913 и 944 гг. [23].

Доказательства Иловайского южной локализации руси имеют под собой как очень прочную источниковую базу, так и очень давнюю историографическую традицию, у истоков которой стоял М.В. Ломоносов. Осенью 1749 г. в ходе начавшейся дискуссии по поводу речи-диссертации Г.Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского» наш гений ввел в научный оборот свидетельство о нападение руси на Константинополь в июне 860 г. – «Окружное послание» византийского патриарха Фотия 867 г., фиксирующее пребывание росов на Черном море до призвания Рюрика и тем самым полностью перечеркивающее все норманистские измышления оппонента: «Фотий, патриарх цареградский, в окружном своем послании пишет о походе киевлян к Царюграду: “Руссы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали”. Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика».

Значимость показаний Фотия была настолько велика, что, если Миллер в речи-диссертации и во время дискуссии категорично утверждал, «что имя россиян ужь по прибытии варягов в России зачалось…», «что прежде Рурика россиян в России не было…» и что «Нестор явно о том свидетельствует, что имя россов началось в России вместе с варягами», то в 1773 г., изучив в полном объеме все источники, уже рассуждал абсолютно поломоносовски: что «*россы* были и прежде *Рурика*» и что киевские россы, согласно византийским источникам, нападали на Константинополь до прихода Рюрика. Отношение А.Л. Шлецера к данному памятнику развивалось, в отличие от Миллера, в обратном порядке. Приняв в 1768 г. свидетельство Фотия в качестве прямого указания на существование в Крыму черноморской (понтийской) руси (а в варягах видя скандинавов), в начале XIX в. он в своем знаменитом «Несторе» уже категорично отрицал, по причине уничтожения одним только этим фактом норманской теории, под полное влияние которой попал к тому времени, историческое бытие черноморской руси, отнеся ее к «неизвестной орде варваров», неизвестно откуда пришедшей и затем неизвестно куда канувшей: «*руссы*, бывшие около 866 г. (такую дату дает ПВЛ. – *В.Ф.*) под Константинополем, были совсем отличный от нынешних *руссов* народ, и

следственно не принадлежат к *русской* истории» и что «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже *Русью*».

В 1808 и 1814 гг. Г. Эверс отверг ультимативный тон своего учителя Шлецера и по сути заново открыл, приведя тому веские аргументы, южную Русь, существовавшую ранее прихода Рюрика. При этом совершенно резонно заметив, что «естественнее искать руссов при Русском море (Черном. – *В.Ф.*), нежели при Варяжском (Балтийском. – *В.Ф.*)», и что «невероятно само по себе и то, что никому не знакомая орда варваров с флотом из двухсот судов появилась у Константинополя, приняла христианство и спешно скрылась, не позволив при этом узнать, откуда она прибыла?». Как констатировал в 1931 г. норманист В.А. Мошин, в эпоху расцвета «“ультранорманизма” шлецеровского типа» большое влияние оказала критика Эверсом «норманизма и доказательство пребывания руси на Черноморьи до 862-го года». А эти доказательства были такими убедительными, что их приняли многие норманисты, включая зарубежных. Например, Н.М. Карамзин в 1816 г. решительно отмел отрицание Шлецером черноморской руси дорюрикова времени, справедливо сказав, что «где истина сама собою представляется глазами историка, там нет нужды прибегать к странным гипотезам… Народы не падают с неба, и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия». В 1821 г. (русский перевод статьи был опубликован в 1823 г.) немецкий ориенталист И.С. Фатер отстаивал идею существования Черноморской Руси, ибо, по его словам, «столь очевидно бытие росов» на юге, и напомнил, что Эверсу «принадлежит честь» обращения на нее внимания. В 1837 г. Н.А. Иванов указывал, что руссы обитали по берегам Азовского и Черного морей до Кавказских гор с древности и «были коренные жители княжества Тмутараканского».

В 1850–1860-х гг. С.М. Соловьев, исходя из сведений арабских авторов, подытоживал, что «название “русь” гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями». А принимая во внимание свидетельство византийского «Жития святого Стефана Сурожского», историк отмечал, что «даже прежде Аскольдова похода, обыкновенно относимого к 866 году, мы встречаем» информацию «о нападении руси на греческие обители и о принятии христианства некоторыми из русских вождей» (не находя, понятно, тому объяснения с позиций норманской теории, в качестве родины руси навязывающей Скандинавский полуостров, где нет никаких следов этого имени, что признано уже и норманистами, ученый высказал мысль об отсутствии этнического содержания в термине «русь»). В 1870–1880-х гг. крупнейший византинист В.Г. Васильевский установил, что и «Житие святого Стефана Сурожского», и «Житие святого Георгия Амастридского» были написаны в первой половине IX в. и что византийцы были знакомы с руссами до 842 года.

В 1904 г. А.А. Шахматов резюмировал, что «многочисленные данные», в том числе «и Амастридская и Сурожская легенды… решительно противоречат рассказу о прибытии руси, в середине IX столетия, с севера, из Новгорода; имеется ряд указаний на давнее местопребывание руси именно на юге, и в числе их не последнее место занимает то обстоятельство, что… Черное море издавна именовалось Русским». В 1911 г. Л.В. Падалко, выводя имя «русь» от рокс-алан, т.е. белых (господствующих) алан, отнес возникновение Черноморско-Азовской Руси ко времени значительно раньше второй четверти IX века. В 1913 г. В.А. Пархоменко предположил, что эта Русь существовала в начале указанного столетия (в 1922 г. он же сказал, что после Шахматова «могут быть разные подходы к новому освещению древнерусской жизни, уместны разные “рабочие” гипотезы, которых так много у самого Ш-ва и без которых ныне не обойтись в поступательном ходе изучения древнерусской истории; но представляется несомненным одно положение: нужно пытаться искать разгадок древней Руси не только в судьбах городов – Киева и Новгорода – и не только в истории т.н. Рюрикова дома. До-киевская и вне-киевская Русь IX–XI вв. – вот, думается, главная тема для новых изысканий по древнерусской истории»). В 1943 г. эмигрант Г.В. Вернадский пришел к выво-

ду, что название «русь» («рось»), бытовавшее в Южной Руси, по крайней мере, с IV в., изначально принадлежало одному из наиболее значительных «аланских кланов» – светлым асам (рухс-асам), или роксоланам, или рокасам (рогасам) и связывал с ними народ Hrōs Захария Ритора (555 г.) и росомонов IV в. Иордана (по его мнению, «изначально *рухс* могло на некоторых местных диалектах звучать как *рос*, *росс* или *русь*…», а славянские племена, подчинившись роду рухс, «могли принять это имя»).

В советской и современной науке о руси, бытовавшей на юге Восточной Европы задолго до призвания варягов, вели и ведут речь многие ученые, причем также, как и их предшественники, независимо от того, отвергают они норманскую теорию или нет. Так, в 1939 г. А.П. Дьяконов говорил о реальности существования народа Hrōs Захария Ритора (или Псевдо-Захария) и считал, что это имя «носили антские племена», «в VI в. жившие на северо-запад от Дона», затем продвинувшиеся «на юго-запад, т.е. к Днепру и Черному морю», и что имя Hrōs представляет собой сирийскую транскрипцию греческого οἱ῾ρῶς (ученый также указал на популярного у сирийцев автора IV в. Ефрема Сирина, в своем толковании на книгу «Бытия», сохранившемся в рукописи VI в., упомянувшего «росиев-rosaye», как в XII–XIII вв. сирийцы называли русских). В 1952 г. Н.В. Пигулевская отметила, что имя «рус» попало в «Церковную историю» Захария Ритора из армянской традиции. По мнению археолога М.И. Артамонова, высказанному в 1962 г., «росы» Захария Ритора – это или росомоны, или роксоланы, проживавшие «в лесостепной полосе среднего течения Днепра» и разгромленные в VII в. хазарами (последние, положив «конец существованию “росов” в Среднем Поднепровье», возможно, оттеснили «их частично на Донец и Средний Дон»), и что славяне, заселившие их земли, унаследовали имя «Русь». В 1970 г. археолог Д.Т. Березовец установил, что восточные авторы под «русами» понимали алан Подонья, носителей весьма развитой салтовской культуры. На большом круге памятников (греческих, арабских) и топонимики Крымского полуострова археолог Д.Л. Талис в 1973–1974 гг. показал историческое бытие в VIII – начале X в. Причерноморской Руси в Восточном и Западном Крыму, а также в Северном и Восточном Приазовье, и увязал ее с аланами. Выдающийся лингвист, академик О.Н. Трубачев, подчеркивая в 1977–1997 гг., что в ономастике Приазовья и Крыма «испокон веков наличествуют названия с корнем Рос-», видел в Азовско-Черноморской Руси реликт индоарийских племен, населявших Северное Причерноморье во II тыс. до н.э. и отчасти позднее.

В 1982 г. историк и археолог Б.А. Рыбаков, соотнося известие Захария Ритора о народе Hrōs с археологическим материалом, заключил, что «географически область народа рос должна соответствовать юго-восточной окраине антских племен, где древние венеты со времен Тацита смешивались с сарматами», и что с народом рос связана, вероятнее всего, культура пальчатых фибул. Существование Салтовской и Причерноморской Русий (а вместе с тем Аланской Руси в Прибалтике, созданной в IX в. русами-аланами после их переселения с Дона из пределов разгромленного хазарами и венграми Росского каганата) детально обосновал в 1969 и 1998–2003 гг. А.Г. Кузьмин (при этом полагая, что Захарий Ритор, описывая народ «Рос» на северном побережье Черного моря, имеет в виду именно росомонов). Причем историк, констатируя, что Черное море именуют «Русским» ПВЛ, арабы (ал-Масуди: Черное море «есть Русское море; никто, кроме них (русов), не плавает по нем, и они живут на одном из его берегов. Они образуют великий народ, не покоряющийся ни царю, ни закону», ал-Идриси, ад-Димашки), французские, немецкие и еврейский памятники XII–XIII вв., абсолютно правомерно заключил: «Поистине международное признание Черного моря “русским” – важное свидетельство в пользу существования Причерноморской Руси». В 1985 г. историк М.Ю. Брайчевский под «росами» Захария Ритора понимал население Приазовья, принадлежавшее, на его взгляд. «скорее всего, к сармато-аланскому этническому массиву». В 2003 г. В.В. Эрлихман указал, что название «росомонов» Иордана «убедительно истолковано из норм осетинского языка как “русские (или “благородные”) мужи”. Иранские корни имеют и имена вождей росомонов – Сар и Аммий».

В 2004–2006 гг. ученик Кузьмина Я.Л. Радомский продемонстрировал реальное бытие во второй половине V – конце X в. в Северо-Восточном Причерноморье и в восточной части Крыма Черноморской Руси и с привлечением широкого круга письменных и археологических источников отметил ее смешанную руго-роксоланскую этническую основу (в которую позже влились асы). О Причерноморской Руси времени VI–VII вв. говорил в 2006 г. лингвист К.А. Максимович, при этом указывая, принимая заключение Пигулевской, что «армензированная форма *Hros*» Захария Ритора «служит важным доводом в пользу того, что данный этноним действительно относился к народу, жившему в Предкавказье или в северном Причерноморье». Вместе с тем Максимович совершенно справедливо заметил: «Серьезный исследователь будет также безусловно учитывать, что сообщение сирийского источника не стоит особняком в исторической традиции – оно подкрепляется упоминанием народа ар-Рус» в связи с событиями VI–VII столетий восточными авторами IX–XI и XV вв. ат-Табари, ас-Са'алиби, Захир ад-дин Мар'аши. Русь Прикаспийская и Русь Причерноморская, как реальные политические образования, присутствуют и в трудах автора настоящих строк. Польский историк Х. Ловмяньский в 1957 г. увидел в известии Захария Ритора VI в. первое подлинное упоминание о руси, не вызывающее, по его словам, «оговорок», и предположил, что термин «русь» мог попасть к грекам от одного из иранских народов до IV в. (представитель «объективно-научного» норманизма В.Я. Петрухин объявляет сообщение Захария Ритора о народ Hrōs недостоверным, потому как оно перечеркивает норманскую теорию, значит, и все норманистские построения самого Петрухина).

К сказанному надлежит добавить, что в «Окружном послании» патриарх Фотий, напомнив о «дерзости» росов, осмелившихся напасть в 860 г. на столицу крупнейшей империи того времени – Константинополь, сообщает о последующем их крещении и утверждении у них епархии: «И до такой степени в них разыгралось желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобызают верования христиан с великим усердием и ревностью» (принятие росами епископа прямо указывает на крещение именно народа, а не дружины воинов). И русская епархия – Росия – присутствует во всех церковных уставах византийских императоров, по крайней мере, с 879 г., занимая 61 место в перечне метрополий, подчиненных константинопольскому патриарху (в списках времени императора Константина Багрянородного (913–959) она составляла 60-ю митрополию). По всей видимости, эта епархия находилась в городе Росия, отождествляемом с Боспором, расположенном в районе нынешней Керчи, и просуществовала она до XII века. А в «Житии святого Кирилла», созданном в 869–885 гг. в Паннонии (Подунавье), рассказывается, как Кирилл в Крыму (в Корсуне) в 861 г. приобрел «Евангелие» и «Псалтырь», написанные «русскими письменами», которые помог ему понять местный русин (что говорит о присутствии там русов-христиан уже в середине IX в., т.е. ранее, обращает внимание А.Г. Кузьмин, возникновения Тмутараканской епархии при патриархе Фотии) [24].

В 2010 г. историк А.Н. Сахаров подчеркивал, что беспрецедентное по своим масштабам нападение Руси 18 июня 860 г. на Константинополь (около 8-14 тысяч русов на 200 или 360 судах), тщательно подготовленное и блестяще осуществленное, буквально потрясло тогдашний мир (осада столицы крупнейшей империи того времени длилась неделю, и свое спасение греки приписывали заступничеству самой Богородицы), тогда как «появление в приильменских местах Рюрика и его соратников остались в Европе незамеченным и сохранились в памяти лишь русских летописцев…», что «само это военное предприятие, сбор большого войска, оснащение флота требовало длительного и масштабного государственного обеспечения. Это могло сделать уже сложившаяся и успешно функционировавшая государственная система, которая впервые попробовала свои внешнеполитические мускулы уже ранее, во время ударов по крымским и малоазиатским владениям Византии», и что в 860 г. государство Русь, которое исследователь связывает с Поднепровьем, «оповестило о своем государственном рождении остальной мир» [25].

Иловайский, полагая основой норманской теории Сказание о призвании варягов, доказывал его абсолютно легендарный характер. Рассматривая этот памятник как плод многолетней работы летописцев, как «сплетение книжных домыслов и недоразумений», историк предложил несколько вариантов его сложения. В 1871 г. он выразил уверенность, что окончательный вид Сказание приобрело во второй половине XII или первой половине XIII в., когда новгородские книжники, придав местной практике призвания князей вид рассказа о трех братьях-князьях, вывели начало русской государственности, в пику слабеющему Киеву, из Новгорода. На следующий год ученый пришел к выводу, что уже в труде Сильвестра (а именно его он считал автором ПВЛ) имелось известие о варягах, которое при создании свода конца XII в., сохранившегося в составе Ипатьевской летописи, получило завершенный вид и статус исторического факта. В 1873 г. Иловайский определил период между 1160 и 1190 гг. как приблизительное время создания дошедшей до нас редакции Сказания, где впервые было указано на варяжское (норманское) происхождение руси, хотя до этого варягов и русь различали как два совершенно особых народа. А последующие события (распад Руси и монгольское иго), уверял исследователь, «еще более замутили источники древнейшей истории и перепутали нити национальных преданий», в связи с чем и возобладало смешение руси с варягами.

В 1876 г. Иловайский, признавая, что когда и как впервые была пущена в ход варяжская «басня» навсегда останется неизвестным, появление Сказания датировал второй половиной XI или первой половиной XII в. и связывал со средневековой традицией «выводить свой род от знатных иноземных выходцев...». В силу чего мысль о скандинавском происхождении русских князей «могла возникнуть в те времена, когда в Европе еще гремела слава норманских подвигов и завоеваний… когда на Руси еще живы были воспоминания о тесных связях Владимира и Ярослава с варягами, о храбрых варяжских дружинах, сражавшихся во главе их ополчений». И эта мысль, полагал ученый, «естественнее всего могла возникнуть при сыновьях и внуках честолюбивой и умной норманской принцессы Ингигерды, супруги Ярослава», и, возможно, «первоначально явилась не без участия обрусевших сыновей или потомков тех норманнов, которые нашли свое счастье на Руси». В текст ПВЛ варяжскую легенду, которой «первое зерно, по всей вероятности, пришло из Новгорода», внес Сильвестр, сделавший это с одобрения Владимира Мономаха, связанного, как и его старший сын Мстислав, со скандинавами. Но тогда этот домысел, говорил Иловайский, не был еще общеизвестным преданием, и на него не встречается намека ни в одном произведении того времени. В причислении же руси к варягам виновны «невежество и небрежность позднейших списателей Сильвестра».

В 1880–1882 гг. историк Сказание о призвании варягов уже непосредственно связал с супругой Ярослава Мудрого шведкой Ингигердой, а дальнейшее развитие приурочил ко второй половине XI в., к эпохе ее сыновей и внуков. Также приписывая его внесение в ПВЛ Сильвестру, он заключал, что не ранее второй половины или конца XII в. в некоторых списках памятника русь, отправившая послов к варягам, была спутана с варягами. В искажении первоначального текста, повлекшем «за собой смешение туземной руси с заморскими варягами в один небывалый народ», что превратило варяжскую легенду из династической в этнографическую, Иловайский видел «корень варяго-русского вопроса». Причину такого смешения он объяснял тем, что летописцы, взяв за образец популярный в средневековье сюжет вывода многих народов из отдаленных мест и прежде всего из Скандинавии, проделали то же самое в отношении своего народа, увязав «исход» русских оттуда с мифическими братьями-норманнами. Легенда, не имевшая изначально даты, позже была приурочена, полагал он, к 862 г. лишь для того, чтобы соединить князей-норманнов с появлением народа русь в византийских хрониках «и вместе с тем объяснить происхождение Русского государства... русского народа». В связи с чем на задний план было оттеснено киевское предание о Кие, Щеке и Хориве, также отвечавшее на вопрос, откуда пошло Русское государство, и знавшее не пришлых князей, а «туземных» и связывавшее их память с Византией и дунайскими болгарами.

Испорченный вид Сказания, говорил Иловайский, вошел не во все списки ПВЛ и, возможно, утвердился лишь только в тех, что «распространились преимущественно в Северо-Восточной России», а также в древнейших новгородских и западнорусских летописях. Искусственное отождествление руси с варягами ученый опровергал, ссылаясь на показания памятников (прежде всего польских хронистов XV и XVI вв. Я. Длугоша и М. Стрыйковского, посла Габсбургской империи С. Герберштейна, на русскую редакцию XIII в. «Никифорова летописца вскоре», помещенного в Новгородской Кормчей 1280 г., на летописи XVI–XVII вв.), которые не смешивали русь с варягами, ибо в их основе, по его мнению, лежали древние и неиспорченные своды (при этом Иловайский придавал исключительное значение разночтениям, встречающимся в летописях: «варягом, к руси» и «к варягам», «реша руси» и «реша русь»).

Отсюда он не сомневался, что именно вариант Ипатьевской летописи «реша русь» (т.е. русь входит у состав посольства, отправленного к варягам) представляет собой первоначальную редакцию Сказания. «Реша руси» – это ошибка какого-то писца, принятая и повторенная его преемниками за истину, и «послужила одним из источников искажения текста». Для дополнительного обоснования своей концепции историк привлекал статью 1043 г. софийско-новгородских сводов XV–XVI вв., которая, на чем он заострял внимание, прямо говорит об антагонизме варягов и руси [26] (в названых сводах в рассказе о походе руси и варягов под предводительством новгородского князя Владимира Ярославича на Византию в 1043 г. его участники действительно резко противопоставлены друг другу: по совету варягов Владимир пошел к Царьграду от Дуная «с вои по морю», но начавшаяся буря «разби корабли, и побегоша варязи въспять». Русь же настаивала, по подходу войска к Дунаю, «станем зде на поле». В ПВЛ этот рассказ был сильно сокращен, и в нем отсутствуют варяги, по вине которых дружину постигла неудача. Как доказал в 1868 г. К.Н. Бестужев-Рюмин, софийско-новгородские своды XV–XVI вв. дают, по сравнению с ней, первичное чтение статьи 1043 года. А.А. Шахматов в 1908 г. отмечал, что новгородский летописец всю «вину неудачи отнес насчет варягов, настоявших на том, чтобы идти в лодьях» [27]).

Филолог А.А. Потебня в 1879 г. согласился с Иловайским, что изначально Сказание звучало иначе, например, так, как читается в «Никифоровом летописце вскоре»: «придоша русь, чюдь, словене, кривичи к варягом, реша: земля наша велика и обилна...» [28], следовательно, варяги не были русью. Вместе с тем он указал на вставной характер текста ПВЛ, читаемого сразу же после слов «идоша за море к варягом»: «к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша руси чюдь и словене и кривичи и весь», сказав, что эта глосса принадлежит составителю ПВЛ [29]. Иловайский принял данный вывод. Позднейшие переписчики, говорил он в 1880 г. и позже, пытаясь пояснить непонятных «варяго-руссов», внесли в летопись вставки «сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си» и «от тех варяг прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье новогородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени». Следы первоначального текста историк видел и в словах Сказания о славянской грамоте, помещенного в летописи под 6406 г.: «поляне, яже ныне зовомая русь» и «словеньский язык и рускый одно есть».

Своей позиции в отношении Сказания о призвании варягов ученый оставался верным до конца. Как он вновь произнес в 1911 г., «норманская теория держится на испорченном летописном тексте» [30] (выдающийся летописевед А.А. Шахматов очень много вобрал в своей оценке этого сложного памятника из Иловайского: он также отрицал варяжскую концепцию происхождения Руси, признавая ее «ученой фикцией», но только начала XII века. Соглашался с Иловайским ученый и в том пункте, что в первоначальном варианте Сказания отсутствовало отождествление руси и варягов. Советская и современная наука смотрела и продолжает во многом смотреть на этот памятник в основном через призму схемы Шахматова [31]).

В 1872 г. Иловайский в статье «Еще раз о норманизме» отметил, что «мы объявили ей (норманской теории. – *В.Ф.*) войну тем решительнее, что, по нашему убеждению, она до сих пор продолжает причинять вред науке русской истории, а следовательно, и нашему самопознанию. Благодаря этой теории, в нашей историографии установился очень легкий способ относиться к своей старине, к своему началу», результатом чего стало создание, как он подчеркнул, «небывалого норманского периода» в русской истории [32].

После чего историк показал, как происходило (а так происходит до сих пор!) создание этого «небывалого норманского периода» в русской истории: «Наша археологическая наука, положась на выводы историков-норманистов, шла доселе тем же ложным путем при объяснении многих древностей. Если некоторые предметы, отрытые в русской почве, походят на предметы, найденные в Дании или Швеции, то для наших памятников объяснение уже готово: это норманское влияние. При этом не берутся в расчет два самых простых обстоятельства: 1) многие вещи одной и той же фабрикации помощью торговли распространялись на весьма обширное пространство, помимо всяких политических влияний, и 2) многие сходные предметы встречаются нередко совершенно у разных народов, не находившихся никогда в сношениях между собой. Далее, особенно вредно отзывается эта теория на трудах молодых исследователей по части древней русской истории и этнографии, по весьма естественной неопытности берущих за исходные пункты выводы норманизма. … Вообще норманская струя проникла всюду, где только можно, и затемняла наш кругозор» [33].

Тогда же он заметил, указывая на несоответствие норманской теории историческим источникам и на то, как это несоответствие оппоненты ликвидируют (арабские известия, в противоречии с их теорией сообщающие о пребывании русов на берегах Черного и Азовского морей, объявляют неверными и ошибочными, а где в них говорится темно и запутанно, истолковывают «в пользу возлюбленных скандинавов», «преспокойно» относя к ним «все то, что арабы говорят о руссах»), что «у норманистов остается еще целое поле для своей защиты. Это филология. Ввиду ненадежности всякой другой поддержки некоторые из норманистов уже высказали мысль: якобы вопрос о происхождении Руси есть вопрос не исторический, а филологический», при этом совершенно верно заключив: «Как будто история может расходиться с филологией. Мы думаем, что там, где филологические выводы противоречат историческим обстоятельствам, виновата не наука филология, а те филологи, которые прибегают к натяжкам на заданную тему. Если выходит несогласие с историей, значит филологические приемы были не научны, исследования произведены не точно, данные осмотрены односторонне, а потому и выводы не верны». И, разобрав норманисткие версии имен первых русских князей, Иловайский резюмировал: норманисты «русские имена делают исключительно германскими», благодаря «скандинавским словопроизводствам», основанным на созвучиях и всевозможных натяжках, «почти все имена, взятые из первых двух веков нашей истории, оказываются скандинавскими», даже чисто славянские [34] (о справедливости слов Иловайского свидетельствует более позднее заключение норманиста В.О. Ключевского: характеризуя способ Г.З. Байера «интерпретировать» русские имена как скандинавские, знаменитый ученый констатировал: «Впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе» [35]. К сожалению, этот «прием доказательства» продолжает держаться и «доселе»).

Выступление Иловайского в защиту истинной филологии было вызвано попыткой крупнейшего норманиста XIX в. А.А. Куника вывести варяго-русский вопрос, являющийся чисто историческим вопросом, за рамки собственно исторической науки. В 1875 г. Куник, прямо признаваясь, что норманизм не находит подтверждения в летописи: «одними ссылками на почтенного Нестора теперь ничего не поделаешь», – вынужден был заключить, имея в виду полное отсутствие шансов у норманистов на историческом поле, о чем им всегда говорили оппоненты, что невозможно «разрешить варяго-русский вопрос чисто историческим путем» и что «решение его выпадает на долю лингвистики, в области которой, также как в матема-

тике, не могут играть роли ни софизмы, ни сентиментальности» (то, что в лингвистике, точнее в том, что под ней понимают норманисты, играют роль именно их софизмы и сентиментальности, демонстрирует сам Куник, предложивший несколько вариантов объяснения происхождения названия «Русь», поочередно объявляя их научным, а затем также «научно» отрекаясь от каждого). Как вторил Кунику в 1892 г. Ф.А. Браун, «центр тяжести норманской теории лежит» не в показаниях источников (тем самым он также соглашался с антинорманистами, что теория эта не имеет в них совершенно никакой опоры), а в данных лингвистики, причем ее «лучшие» доказательства ученый видел в норманистской интерпретации летописных личных имен и «русских» названий днепровских порогов. Хотя, как он тут же подчеркивал, вопрос о происхождении имени «Русь» является одним из «слабейших пунктов норманской позиции» [36].

Но одним из тех, кто указывал на этот «слабейших пункт норманской позиции», был Иловайский. Так, в 1871 г. он напомнил, что от связи Рослагена, части береговой полосы шведской области Упланда напротив Финского залива, с Русью, о чем говорили, надо сказать, шведские авторы XVII в., А.Л. Шлецер, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой и другие, «добросовестно отказались уже сами представители норманистов (после монографии г. Гедеонова)», что «филологически никем не доказано, чтобы слова “Руотси” и “Рось” были тождество, а не созвучие», и в 1871 и 1876 гг. подчеркивал, что никакой Руси в Скандинавии источники не знают [37] (в 1862 г. А.А. Куник назвал опровержение Гедеоновым связи Рослагена с русской историей «совершенно справедливым», а в 1864 г. признал, что норманская школа «обанкротилась» со своим Рослагеном, в связи с чем должна позаботиться, как он прямо ставил, не скрывая своей тенденциозности, задачу перед ее сторонниками, «вновь открыть “природных шведских россов”». В 1878 г. Куник опять повторил, что «сопоставление слов Rôslag и Русь, Rôs является делом невозможным уже с лингвистической стороны…». В 1864 г. М.П. Погодин также согласился с Гедеоновым, что финское название Швеции Руотси и Рослаген не имеют отношения к имени «Русь»: «Ruotsi, Rodhsin, есть случайное созвучие с Русью». В 1875 г. Куник аннулировал свое объяснение Руси от rodsen-«гребцы», выдвинутое им же в 1844 году. В 1876–1877 гг. датский лингвист В. Томсен, возродив версию Куника 1844 г., убеждал, что название Русь образовалось от Ruotsi, а эта форма, в свою очередь, от Roper, вместе с тем констатировал, что нет «никакой прямой генетической связи между Рослагеном как географическим именем и *Ruotsi* или Русью», что в силу слишком позднего появлении названия Roslagen его нельзя принимать «в соображение» и что в древности эта часть местности именовалась Roper, Ropin. Тогда же он, не без влияния, разумеется, и Иловайского, сказал, что скандинавского племени по имени русь никогда не существовало и что скандинавские племена «не называли себя русью» [38]).

В 1880 г. Иловайский, вновь справедливо говоря, что «филология, которая расходится с историей, никуда не годится и пока отнюдь не имеет научного значения» и что филологические толкования – это «самый скользкий путь для всех толкователей», заметил по поводу конструкции Ruotsi-Русь: «Можно ли придумать комбинацию более наивную и менее серьезную! Тут не выходит главного: как же сами-то русские славяне стали называть себя русью? Откуда, из каких источников видно, что новгородцы познакомились с норманнами через финнов?» [39]. Действительно, ниоткуда, что нисколько, естественно, не помешало шведу Ю. Тунману в 1774 г. вывести из финского названия Швеции «Ruotsi» славянскую форму «русь», уверяя, что, хотя шведы никогда и не именовали себя русами, восточные славяне стали именовать его предков «русью» посредством финнов, т.к. у славян, отдаленных от моря, были затруднительны отношения со шведами, в связи с чем их настоящее имя не скоро сделалось им известным. То же самое, т.е. также все извлекая из ниоткуда, говорил через сто лет другой потомок норманнов – В. Томсен: восточные славяне, познакомившись со шведами через посредство финнов, отделявших их от моря, дали скандинавам то имя, которое узнали от соседей. При этом сам искренне удивляясь, как такое могло случиться: «Может по-

казаться странным, что славяне при переделке имени *Русь* из финского *Ruotsi* передали сочетание согласных *ts* звуком *с*, а не *ц*» [40].

В августе 1896 г. на X Археологическом съезде по вопросу о происхождении имени «Русь» разгорелась полемика, в ходе которой Иловайский «справедливо заметил, что существование Руси Угорской – факт чисто этнографический – наносит прямой удар норманской теории». Не сомневаясь, что последняя «отжила свой век в русской науке», историк заострил внимание на том важном обстоятельстве, объясняющем причины живучести этой теории, что «большинство», придерживающееся ее «есть большинство шведских, финских, норвежских, датских ученых» (этой же подпиткой живут сегодня и наши норманисты. Исчезни она, в дым превратится и их норманизм). Отмечая натянутость «объяснения слова "Русь" через финский язык», Иловайский резонно заключил: «Мы и не должны иметь нужды растолковывать значение слова, которым называется народ: достаточно знать, что имя "Русь" было всегда связано с нашим народом и что наш народ никогда не называл себя иначе, как "Рось", а потом "Русь"; это название связано у нас и с названием рек, преимущественно в южной России. Не менее необъяснимы названия англов и Англии, франков и Франции. Задача историка не в растолковании значения таких названий, а в истории их: выяснении времени их появления, истории их распространения». Показательно, что выдающийся византинист Ф.И. Успенский, будучи норманистом, не остался в стороне от этого очень важного разговора и, как им было сказано, «видел признак ослабления норманской теории в том, что она давно уже не может привести ни одного нового положения в свою защиту» и что мы «должны теперь на юге искать значения имени "Русь", а от севера должны уйти» [41].

Не менее показательно заключение 1943 г. норманиста Г.В. Вернадского, также, как и Иловайский, связывавшего русь с югом Восточной Европы и также заострявшего внимание на том, что «никакого племени русов не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах», что «единственная зацепка» норманистов Рослаген – «это название провинции, а не племени», и что, «понимая несостоятельность рослагенского аргумента, А.А. Куник, один из ведущих норманистов, добросовестный и неутомимый исследователь этого вопроса, переместил свое внимание на шведское слово rodsen ("гребцы"), которым называли жителей прибрежной части Рослагена». Говоря далее, что версия Куника нашла поддержку лингвистов, Вернадский усомнился, что в соответствии с законами лингвистики возможна «такая трансмутация ruotsi в Rus» (при этом заметив чуть ли не словами Иловайского, что, «если даже филолог и будет удовлетворен такой интерпретацией происхождения названия "русь", то историк – нет»). «Возможно ли в действительности, – задавался резонными вопросами ученый, – что скандинавы, пришедшие на Русь, взяли себе имя в той форме, которая была искажена финнами, встретившимися им на пути? Кроме того, упомянутое название "Rodsi" само по себе гипотетично. … И наконец, если название "русь" произошло от искаженного финского ruotsi, то как нам объяснить, что это название (в форме "рось", Ῥῶς) было известно византийцам задолго до прихода варягов в Новгород?» [42].

Современные зарубежные и отечественные лингвисты Ю. Мягисте, Г. Шрамм, О.Н. Трубачев, А.В. Назаренко, К.А. Максимович в один голос говорят, хотя и являются сторонниками норманской теории, о несостоятельности скандинавской этимологии имени «Русь». Так, А.В. Назаренко в 1980–2002 гг. продемонстрировал на конкретных примерах, что этноним «русь» появляется в южнонемецких диалектах не позже рубежа VIII–IX вв., «а возможно, и много ранее». А этот факт, заостряет он внимание, усугубляет трудности в объяснении имени «Русь» от финского Ruotsi. Ученый вместе с тем констатировал, что «какая-то Русь была известна в Северном Причерноморье на рубеже VIII и IX вв.», т.е. до появления на Среднем Днепре варягов. В 1982 г. Г. Шрамм (ФРГ), «указав на принципиальный характер препятствий, с какими сталкивается скандинавская этимология, предложил выбросить ее как слишком обременительный для "норманизма" балласт». В 2002 г. он же, охарактеризовав идею происхождения имени «Русь» от Ruotsi как «ахиллесова пята», т.к. не доказана возможность

перехода *ts* в *c*, категорично сказал: «Сегодня я еще более решительно, чем в 1982 г. заявляю, уберите вопрос о происхождении слова *Ruotsi* из игры! Только в этом случае читатель заметит, что *Ruotsi* никогда не значило *гребцов* и *людей* из *Рослагена*, что ему так навязчиво пытаются доказать».

В 1997 г. академик О.Н. Трубачев, напомнив мнение польского ученого Я. Отрембского, высказанное в 1960 г., что норманская этимология названия «Русь» «*является одной из величайших ошибок, **когда-либо** совершавшихся наукой*», заключил: «Сказано сильно, но, чем больше и дальше мы **приглядываемся** к этому “скандинавскому узлу”, тем восприимчивее мы делаемся и к этому горькому суждению». В 2006 г. К.А. Максимович подытоживал, что скандинавская версия «остается не более чем догадкой – причем прямых лингвистических аргументов в ее пользу нет, а косвенные нейтрализуются таким же (или даже бóльшим) количеством контраргументов», и что в лингвистке, как и в математике, доказательства типа «определения одного неизвестного (**rôp(e)R*) через другое (*Ruotsi*)… не имеют силы».

Таким образом, названные лингвисты, будучи высочайшими профессионалами в своем деле, подтверждают правоту Иловайского и вместе с тем показывают ошибку того же Петрухина, выражающего явное пренебрежение к своему знаменитому предшественнику. Потому как по сей день этот археолог говорит, начиная с 1985 г., о скандинавской этимологии имени «Русь»: названия Ruotsi, Rootsi закономерно дают «в древнерусском языке *русь*», «восходят к др.-сканд. словам с основой *rops-, ropsmenn, ropsmarpr, ropskarl со значением “гребец, участник похода на гребных судах”». Но, во-первых, так себя скандинавы в IX–XI вв. не именовали. Их так назвал датчанин В. Томсен, любивший придавать допускам, в силу своего нескрываемого пристрастия к норманнам, силу факта и нагромождать один допуск на другой: «Весьма вероятным является предположение, что шведы, жившие на морском берегу и ездившие на противоположный его берег, очень рано могли назвать себя, – не в смысле определения народности, а по своим занятиям и образу жизни, – *rops-menn* или *rops-karlar*, или как-нибудь в этом роде, т.е. гребцами, мореплавателями. В самой Швеции это слово, равно как и отвлеченное понятие *roper*, мало-помалу обратились в имена собственные. … Конечно, это только гипотеза, но гипотеза, во всех отношениях вносящая связность и гармонию в решение рассматриваемого вопроса».

Как констатирует К.А. Максимович, этимология имени «Руси» в интерпретации Томсена «отвергнута германистами, поскольку в скандинавских источниках сложные *rôdsmæn* и *rôdsbyggiar* не встречаются вообще, а термин *rôdskarlar* ´жители Рослагена´ засвидетельствован лишь с XV в. – при этом данный тип сложения, содержащий *s*, по соображениям исторической фонетики, не может быть древнее XIII в.». Следовательно, «даже если фин. *Ruotsi* было заимствовано от шведов, это не могло произойти ранее XIV в., когда этноним Русь уже насчитывал как минимум пять веков письменной истории». А гипотеза шведа С. Экбу, добавляет ученый, о существовании якобы в VI–VII вв. гипотетической праформы *rôp(e)R* («гребля»), к которой якобы восходит финское Ruotsi, наталкивается «на трудности историко-фонетического характера» и маловероятна «по соображениям семантики».

Во-вторых, финское Ruotsi при переходе в древнерусский по всем законам сравнительной фонетики должно было бы в обязательном порядке – т.е. именно закономерно – дать «Ручь» или «Руць», но только не «Русь». В-третьих, слово Ruotsi, ставшее главным аргументом даже в устах археологов, что прямо указывает на неубедительность их же собственных «археологических» доводов в пользу норманства варягов и руси в их же собственных глазах, зафиксировано в отношении Швеции применительно лишь ко времени XVI–XVII веков. А как до этого называли финны Швецию – неизвестно. В связи с чем все разговоры о небывалой конструкции Руотси-Руси не имеют научного значения [43] (но они должны обязательно изучаться как пример изощренной и отвлеченной казуистики, несколько веков, а здесь есть над чем поразмышлять психоаналитикам, выдаваемой и принимаемой за науку весьма высокообразованными людьми).

Норманисты, начиная еще с советского времени и признавая тем самым отсутствие в их арсенале истинных доводов, пытаются реанимировать версию о связи Рослагена и Руси. Версию, от которой отказались, дорожа своей научной репутацией, классики норманизма А.А. Куник, М.П. Погодин, В. Томсен, и которую И.П. Шаскольский в 1967 г. охарактеризовал как «примитивное построение» [44]. Так, в 1984 и 1986 гг. Д.А. Мачинский уверял, что скандинавскую природу имени «Русь» подтверждает топонимом Roslagen. В 1999 г. А.С. Кан с помощью того же топонима указывал на скандинавское происхождение имени «Русь», а В.Я. Петрухин в 2000 г. отмечал, что данный топоним содержит ту же основу rōps-, что и реконструируемые слова, означавшие гребцов-дружинников и давшие основу названия *русь*».

В 2007 г. на конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света» Мачинский утверждал, что «Рослаген зафиксирован в первой половине XI в. на пирейском льве – это принятое наукой чтение. … Этот этноним и топоним имел давнюю традицию: люди писали, что “они приехали из Росланда”». А правомерное замечание Л.П. Грот, что «земли этой не было – она была на дне Ботнического залива!», археолог принял в штыки, полагая, видимо, что таким отрицанием можно вычеркнуть действительный факт: «Нет-нет: она была, есть и будет» (Грот на широком материале показала в 2012 г., что прибрежная полоса Рослаген образовалась только к XII–XIII вв. за счет поднятия платформы Балтийского моря) [45]. К тому же хорошо известно, что прибрежная часть Упланда – Роден – лишь к XVI в. получила название Рослаген [46], «и потому, – как справедливо заметил еще двести лет назад Г. Эверс, – ничего не может доставить для объяснения русского имени в 9 столетии». Норвежский ученый Х. Станг в 2000 г. напомнил, что «скандинавские филологи норманистской школы сами отрицали связь названия “Русь” с названием “Родслаген”, или вернее с корнем **roPer* “гребля”, ибо в родительном падеже это дало бы **roParbyggiar*, для обозначения населения указанного района, т.е. без -с, в слове *Русь*» [47].

Наряду с Рослагеном и Руотси в арсенале норманистов с давних пор присутствует совсем уж экзотический «довод» в пользу якобы норманства варягов, мимо которого также не мог пройти Иловайский. Это выражение «за море» («из заморья»), посредством которого ПВЛ обозначает родину варягов, в том числе и в Сказании о призвании варягов под 862 г. («И идоша за море к варягом, к руси»). Причем свое «за море» летописцы никак не поясняют ни в самом Сказании, ни в других местах ПВЛ («за море» идут с Руси к варягам, «из заморья» идут на Русь от варягов под 859, 862, 941, 977, 980, 1015, 1018, 1024 гг.) [48]. Однако норманисты и сегодня убеждены, что летописное «за море» есть самое точное указание на Скандинавию. Так, например, говорили в 1994 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин (отдельно то же самое повторила Мельникова в 1998 г.), в 1998 г. И.Н. Данилевский («за море» «связано исключительно со Скандинавией»), в 2002 г. М.Б. Свердлов («за море» конкретно указывает на Бирку, экономический и политический центр Средней Швеции), в 2010 г. В.А. Кучкин (что, судя по летописному «за море», до варягов Скандинавии «надо было плыть, а не ходить посуху») [49].

Но в подобной трактовке, характерной для примитивного норманизма шведских авторов XVII–XVIII вв., создавших этот норманизм [50], в равной степени затем усомнились норманисты и антинорманисты, прекрасно знавшие письменные источники. Так, даже А.Л. Шлецер, отметив, что варяги «пришли *из заморья*, так говорится во всех списках; следственно, из противолежащей Скандинавии», тут же подчеркнул: «Но ето не составляет достаточного доказательства противу тех, которые все еще выводят варягов из Пруссии или Финляндии, следственно с берегов, лежащих *по ету сторону*» (в качестве подтверждения своих слов он привел слова британца Беды Достопочтенного, называвшего пиктов и скотов, населявших ту же Англию, «заморскими людьми»). Затем Н.М. Карамзин, допуская возможность призвания варягов из Пруссии, критику в свой адрес отвел реальными фактами: «Варяги-русь... были *из-за моря*, а Пруссия с Новгородскою и Чудскою землею на одной стороне Бальтийского:

сие возражение не имеет никакой силы: что приходило морем, называлось всегда заморским; так о любекских и других немецких кораблях говорится в *Новгород. Лет*., что они приходили к нам *из-за моря*». В 1871 г. Д.И. Иловайский сравнил «за море» со сказочным «из-за тридевяти земель». В 1931 г. норманист В.А. Мошин заметил, что варяги призываются по сказочному «из-за моря» – «за тридевяти земель», без указания их местожительства, а в 1958 и 1978 гг. «советский антинорманист» В.В. Мавродин поставил «за море» в один смысловой ряд с «за тридевяти земель» [51].

Автор настоящих строк, в 1995 и 2003 гг. впервые в науке специально обратившись к анализу значения термина «за море» летописей X–XVIII вв., актового материала XII–XVIII вв., путевых записок русских послов XVI–XVII вв., повестей, былинной поэзии, продемонстрирован самый широкий географический диапазон его приложения нашими книжниками: Византия, Турция, Персия, Северное Причерноморье, Апеннинский полуостров, Швеция, Норвегия, многие центры балтийского Поморья и Ганзейского союза (например, города Юрьев, Рига, Любек), Пруссия, Англия, Франция, Нидерланды, в целом, вся территория Западной Европы. И этим термином, восходящим к устному народному творчеству («за горами, за долами, за синими морями»), русские люди на протяжении столетий определяли нахождение земель, стран, народов и городов вне пределов собственно русских земель, независимо от того, располагались ли они действительно за морем или нет (т.е. он абсолютно тождественен понятиям «за рубеж», «за граница», а также советскому «за бугром»). В связи с чем «за море» в чистом виде, без сопроводительных пояснений (этнических и географических) не может быть аргументом при любой версии этноса варягов [52].

Иловайский убедительно отстаивал оригинальный характер древнерусских преданий, которые тогда без раздумий относили к скандинавским (и продолжают относить сейчас!). Например, в 1871 г. он обращал внимание на тот факт, что летописный рассказ повествует о сожжении Ольгой Искоростеня при помощи птиц в середине X в., в то время как саги говорят о взятии Харальдом тем же способом сицилийского города около середины XI века. В связи с чем ученый поставил вполне закономерный в таком случае вопрос: «Кто же у кого заимствовал предание?». Вопрос еще более усложняется, говорил он, тем, что по восточным сказаниям Чингисхан точно также захватил один неприятельский город [53]. Обоснованно историк оспорил мнение А.А. Куника, который, сопоставив Сказание о призвании варягов с рассказом Видукинда Корвейского о призвании саксов в Британию, предположил, что «кажется, как будто древнее предание о призвании сакских воевод было перенесено на призвание Рюрика и его братьев, но вместе применено было к действительному положению дел». В ответ Иловайский заметил в 1871 и 1872 гг., что подобная аналогия говорит лишь о повторении сходных легендарных сюжетов у разных народов, в связи с чем призвание есть, заключал он, «бродячий мотив» [54].

Правомерно отмечая отсутствие следов норманнов «в составе русской национальности», Иловайский в 1871 г. поставил перед оппонентами вопросы, до сих пор остающиеся без ответа: если русь – скандинавы, то почему «они клянутся славянскими божествами Перуном и Велесом, а не скандинавскими Одином и Тором?» (на этот совершенно справедливый вопрос М.П. Погодин смог отреагировать ничего не значащими словами, показывающими, что он исторический анализ подменяет лишь, что характерно для норманистов в целом, установлением сходства: «Но почему Вы знаете, что между этими божествами не было соответствия? Перун разве не близок Тору?»). Почему они, продолжал далее Иловайский, так быстро изменили своей религии и кто их «мог к этому принудить?». Даже если принять, говорил историк, что русь – это «скандинавская династия со своею дружиной, которая составила только высшее сословие, так называемую аристократию в стране славян, и тогда нет никакой вероятности, чтобы господствующий класс так скоро отказался от своей религии в пользу религии подчиненных. Удивительно, как эта несообразность не бросилась в глаза норманистам».

Вместе с тем он указывал, что «латинские летописцы, перечислявшие нападения скандинавов на Западную Европу, говорят обыкновенно о норманнах и совсем не знают скандинавской руси. И конечно, если бы она существовала, то была бы им известна». И это тогда, обращает внимание Иловайский, когда источники фиксируют Русии не только в пределах Восточной Европы (Днепровская, Азовско-Черноморская), но и на южных берегах Балтийского моря, на Дунае (Ругиланд в Паннонии), в Закарпатье (Угорская Русь, которая «есть живой протест против норманистов, и поэтому они вооружаются на нее всеми силами»), и что «скорее наша Русь могла послужить колыбелью для других европейских народов, носивших то же имя, так как это имя всегда принадлежало ей по преимуществу и на ней сосредоточилось окончательно» [55].

В наше время историк А.Г. Кузьмин привел многочисленные свидетельства иностранных источников, зафиксировавших в Восточной и Западной Европе (исключая Скандинавию) применительно ко второй половине I – началу II тысячелетия н.э. более десятка различных «Русий» (вначале ученый говорил о близких и родственных Русиях, но затем пришел к выводу, что они этнически разнились). Это прежде всего четыре Руси на южном и восточном побережьях Балтийского моря (о. Рюген, устье Немана, устье Западной Двины, западная часть нынешней Эстонии – провинция Роталия-Русия и Вик с островами Эзель и Даго), Русь Прикарпатская, Приазовская (Тмутаракань), Прикаспийская, Подунайская (Ругиланд-Русия-Русская марка), Русь Пургасова, которые западные авторы, если они о них говорят, именуют, как и Киевскую Русь, Ругиланд-Ругия-Руссия-Рутения (иногда Руйя-Руйяна), а их население – руги, роги, рутены, руйи, руяны, раны, рены, русь, русы, росомоны, роксоланы. К этим Русиям самое непосредственное отношение имели аланы-русь, связанные с иранским миром, и руги, имя которых почти повсюду было вытеснено именем «русь». Кузьмин отмечает, что руги-русь не были ни славянами, ни германцами (в VI в. Иордан, противопоставляя готов и ругов, не считает последних германцами), и относит их к вендо-герульским племенам, ассимилированным славянами примерно в VI–IX столетиях [56].

В 1871–1872 гг. Иловайский подчеркивал, что отразившие историю скандинавов саги, «столь много рассказывающие о походах норманнов, совершенно молчат об их плавании по Днепру и его порогам. Точно так же молчат о том и западные летописцы». А впервые на этот факт, также уничтожающий всю норманскую теорию, указал в 1867 г. В.Н. Юргевич: саги хранят «совершенное молчание... о плавании норманнов по Днепру и об его порогах». В связи с чем он задал весьма уместный в таком случае вопрос: «Возможно ли, чтобы скандинавы, если это были руссы, не знали ничего и нигде не упомянули об этом, по свидетельству Константина Порфирородного, обычном пути руссов в Константинополь?» [57]. А раз его скандинавы не знали, следовательно, они не имели к нему никакого отношения.

Однако с ними наши норманисты и сегодня все продолжают связывать становление пути «из варяг в греки» и уже в начале IX в. отправляют «отдельные отряды норманнов… Днепровским путем в Черное море…» [58]. Но подобные утверждения противоречат известным фактам, так что с такими утверждениями не соглашаются и норманисты, которые работают с источниками. Так, в 1931 г. В.А. Брим, совершенно резонно полагая, если считать варягов скандинавами, что «главной заинтересованной стороной» в следовании по этому пути должны быть последние, недоумевал, что «как раз скандинавские известия отличаются необычайной скудостью и часто неточностью». А в 1985 г. археолог Г.С. Лебедев вынужден был признать, что знаменитый путь «из варяг в греки» «как особая транспортная система в северных источниках не отразился…», и объяснял это тем, что он представлял собой явление восточноевропейское, и норманны познакомились с ним лишь тогда, когда он уже сложился «как центральная государственная магистраль» [59]. Иначе говоря, познакомились с ним тогда, как давно сложилась вся его топонимическая номенклатура, которая в первую очередь охватывала пороги, становившиеся огромным испытанием для всех, кто хотя бы раз прошел через них, и что, естественно, оставляло в памяти неизгладимый след.

Но всю полнейшую бездоказательность и надуманность вековых умствований норманистов демонстрирует принципиально важный факт, на который в XIX в. обратили внимание Н.И. Костомаров, С.А. Гедеонов и Д.И. Иловайский. А именно, что исландским сагам неведом никто из русских князей до Владимира Святославича (его бабку Ольгу-Аллогию они знают лишь по припоминаниям самих русских). К тому же ни в одной из них, подчеркивал Гедеонов, «не сказано, чтобы Владимир состоял в родстве с норманскими конунгами», но чего стоило бы ожидать при той, заметил историк, «заботливости, с которою саги выводят генеалогию своих князей». Более того, продолжает он, в них «не только нет намека на единоплеменность шведов с так называемою варяжскою русью, но и сами русские князья представляются не иначе как чужими, неизвестными династами» [60].

И факт наличия в сагах имени Владимира, княжившего в Киеве в 980–1015 гг., и факт отсутствия в них имен его предшественников, в том числе и знаменитого Рюрика, прямо говорят, что скандинавы начинают появляться на Руси лишь в годы правления этого князя, т.е. 120–130 лет спустя после призвания варягов – в самом конце X в. (первым викингом, побывавшим на Руси, саги считают Олава Трюггвасона [61], в будущем (995–1000) норвежского короля). В связи с чем они не имели никакого отношения к нашим варягам [62]. Как констатируют сами же норманисты, отзвуки собственной истории восточноевропейских стран и народов появляются у скандинавов, «лишь в сообщениях, относящихся к концу X–XI веку» [63] (на конец X в. как времени появления варягов на Руси указывает и археологический материал).

Как верно заметил М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории» (1766), если бы Рюрик был скандинавом, то «нормандские писатели конечно бы сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан». Затем Г. Эверс говорил, «что в древнейших северных писаниях не находится ни малейшего следа» к истине норманистов и что «как мог соотечественник Рюрик укрыться от людей, которые столько любили смотреть на отечественную историю с романической точки. После Одина вся северная история не представляет важнейшего предмета, более удобного возвеличить славу отечества». И, метко охарактеризовав отсутствие у скандинавов преданий о Рюрике как «убедительное молчание», действительно, лучше любых слов подтверждающее их полнейшую непричастность к варягам и руси, он резюмировал: «Всего менее может устоять при таком молчании гипотеза, которая основана на недоразумениях и ложных заключениях…» [64].

Выше отмечалось, что Иловайский был непоследователен в своем антинорманизме. Эта непоследовательность проявилась и в том, что он, отвергая в научных трудах норманскую теорию, проводил ее в своих знаменитых учебниках, пользовавшихся огромной популярностью и написанных блестящим слогом, с учетом возрастных возможностей, с тщательным отбором фактов, которые легко запоминались [65]. Но этот норманизм историка был вынужденным, т.к. он диктовался программами Министерства народного просвещения.

Так, например, в «Кратких очерках русской истории. Курс старшего возраста», к 1912 г. выдержавших 36 изданий (первое издание – 1860 г.), Иловайский объяснял учащимся, что плодом движения варягов-норманнов «на Восточную Европу было основание Русского государства». А далее, знакомя их с опытами решения вопроса «о том, кто были русы и откуда пришли князья», историк резюмировал: «Одни принимали финнов, другие за славян (из Померании); некоторые выводили их из литвы с устьев Немана и даже из козар. Однако полная достоверность остается на стороне скандинавского происхождения». То же самое излагал Иловайский в «Руководстве к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах)», выдержавшем с 1862 по 1916 г. 44 издания: новгородские славяне платили дань варягам-норманнам, а когда решили призвать себе князя, то «обратились для этого к соплеменникам тех самых варягов, которые заставляли их платить дань… к варяжскому племени руси…». Вызвались три

брата, которые пришли к восточным славянам со своими дружинами: «Подчиненная им земля с тех пор называется Русью» [66].

Вместе с тем Иловайский категорически не принимал версию, идущую от М.В. Ломоносова и в 1860–1870-х гг. блестяще доказанную С.А. Гедеоновым. Так, в 1871 г. он, лестно отзываясь об «Отрывках из исследований о варяжском вопросе» Гедеонова (1876 г. были переизданы в переработанном и расширенном варианте под названием «Варяги и Русь») и отметив их «сильную сторону» – «антискандинавскую», резюмировал, что их «положительная сторона» – мнение о пришествии варяжских князей с южнобалтийского Поморья – не найдет «себе подтверждения». В 1877 г. им вновь было подчеркнуто, что критика Гедеонова наносит норманской теории «неотразимые удары», заставившие ее сторонников сделать «некоторые довольно существенные уступки», но собственная версия ученого происхождения варягов вряд ли имеет «какую-либо будущность в нашей науке». А в 1880 г. Иловайский высказался совсем уже скептически в адрес «славяно-балтийской теории руси» Гедеонова, подчеркнув при этом, что если норманская теория имеет «за собой хотя некоторые основания», то еще менее состоятельна первая. По его словам, «мы считаем ее настолько безнадежною, что не желаем тратить время на ее опровержение» [67].

Но время подтвердило правоту и Ломоносова, и Гедеонова, а за ними и Вилинбахова, и Кузьмина, и других исследователей, в качестве родины варягов называющих южнобалтийское Поморье, где проживали славяне и славяноязычные народы, с которыми издавна и очень тесно общались восточные славяне. В ходе этих контактов южнобалтийские славяне появляются в Северо-Западной Руси, как показывают последние археологические раскопки, в VI–VII вв. (Городок на Маяте), а уже в конце VII – первой половине VIII в. они взяли под полный контроль, о чем говорит возведение ими уникальной каменно-земляной крепости в устье Любши (в 2 км севернее Старой Ладоги), торговые пути к Каспийскому и Черному морям, еще более упрочив свою монополию на эти пути основанием в середине VIII в. Старой Ладоги. В конечном итоге плодом самых разнообразных контактов между южнобалтийскими и восточноевропейскими славянами стало призвание в 862 г. из пределов первых Рюрика и его братьев, а с ними варягов и варяжской руси. Данный вывод подтверждают многочисленные отечественные, западноевропейские, иудейские и арабские источники, а также огромный археологический, антропологический, нумизматический и лингвистический материал [68].

Но эта правота восторжествовала по той также причине, что к разгрому норманской теории, мешавшей этому торжеству, приложил свой талант и эрудицию Иловайский. Лучше всего роль историка в данном деле обрисовал его противник академик А.А. Куник. Как с нескрываемой безысходностью он резюмировал в 1877 г., говоря о трудах С.А. Гедеонова, Д.И. Иловайского и И.Е. Забелина, вышедших в 1876 г.: они, подняв в «годину варяжского побоища», в «роковом» 1876 г. «такую бурю против *норманства* вообще», устроили «великое избиение норманистов», «отслужили панихиду по во брани убиенным норманистам» [69]. И если бы не контрреакция норманизма конца XIX – начала XX в. [70], его мимикрия затем в «советский антинорманизм», что позволило ему не только сохранить свои позиции, но и неимоверно их усилить, т.к. был очень серьезно дискредитирован антинорманизм истинный, то современная наука была бы свободна от скандинавского догмата начала Русского государства, при котором, как очень точно сказал Гедеонов, «научная разработка древнейшей истории Руси немыслима» [71]. А раз бы была свободна от этого догмата, навеянного шведским взглядом на русскую историю, высказанным в 1614–1615 гг. шведом П. Петреем: «От того кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции» (за что немецкий историк Г. Эверс назвал его «простодушным пустомелей» [72]), то бы весьма успешно решала многие вопросы нашей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. о «советском антинорманизме» подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 147-183; его же. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 120-158.

[2] Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1. С. 224-225, 228-229; его же. Норманская теория в современной буржуазной науке. М., Л., 1965. С. 3-5, 11, 14-18, 88-89, прим. 27 и 33 на с. 18 и 20; его же. Норманская проблема на современном этапе // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971. С. 44; его же. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 158; его же. Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983. С. 48-50; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 132-133, 134; Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент, биограф. очерка В.В. Фомин. М., 2004. С. 482, прим. 14. Здесь и далее разрядка, курсив и жирный шрифт в цитатах принадлежат авторам.

[3] Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 6-7, прим. 19 на с. 14, прим. 33 на с. 20; его же. Норманская проблема в советской историографии. С. 159-162, 164; его же. Норманская проблема в исторической науке 1970-х – 1980-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1986. С. 123.

[4] Авдусин Д.А. Современный антинорманизм // Вопросы истории (ВИ). 1988. № 7. С. 31-32.

[5] Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 529; Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы. С. 35-51.

[6] Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 69-70. См. также: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 8-47; его же. Начальная история Руси. М., 2008. С. 9-24.

[7] Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Послесловие // Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 242; их же. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 25.

[8] Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 91; Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 50.

[9] Мошин В.А. Варяго-русский вопрос. С. 15, 44; Фомин В.В. Ломоносов. С. 153-175; его же. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. С. 281-336, 353-496.

[10] Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. 1991. № 2/3. С. 7; его же. «Мир истории» или миф истории? // То же. 1993. № 1. С. 23-31.

[11] Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 14, 19.

[12] Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 257; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 84-85; Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Смоленский археологический семинар кафедры археологии МГУ и норманская проблема // Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 309.

[13] См. об этом подробнее: Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 109-113; его же.

Варяги и варяжская русь. С. 175-176, 381, 390; его же. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 385-388, 406-420.

[14] Клейн Л.С. Указ. соч. С. 231.

[15] Там же. С. 25, 33. См. также: Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 359-406.

[16] Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 81.

[17] Мошин В.А. Варяго-русский вопрос. С. 15-16, 46.

[18] Там же. С. 14.

[19] Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, М., 1996.С. 285.

[20] Иловайский Д.И Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 185, 187 (эта книга представляет собой сборник статей, опубликованных автором в 1871–1876 гг.); его же. Еще о происхождении Руси // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический журнал. Т. XVI. № 4. СПб., 1880. С. 643; его же. Историко-критические заметки // Русский Вестник. Т. 199. № 12. СПб., 1888. С. 6; Мошин В.А. Варяго-русский вопрос. С. 52.

[21] Шаскольский И.П. Норманская проблема на современном этапе. С. 43; его же. Норманская проблема в советской историографии. С. 152; его же. Норманская проблема в исторической науке 1970-х Ї 1980-х гг. С. 122-123; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги: новый этап изучения // Вестник ЛГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 3. Л., 1987. С. 12; Хлевов А.А. Указ. соч. С. 35; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. М., 2001. С. 45.

[22] Труды XV Археологического съезда в Новгороде, 1911. Т. I. Отд. III. М., 1914. С. 86.

[23] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 104-112, 159-160, 185-344, 415-417, 422, 441; его же. История России. Киевский период. Т. I. Ч. 1. М., 1876. С. 177, 179; его же. Еще о происхождении Руси. С. 638, 644, 646-648, 650; его же. Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXV. СПб., 1881. С. 3, 7, 17; его же. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е. М., 1882. С. 410-412, 416, 477; его же. Историко-критические заметки. С. 6-9; его же. Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М., 1902. С. 31-37, 103; его же. Основные тезисы о происхождении Руси // Труды XV Археологического съезда… С. 86-87.

[24] См. об этом подробнее: Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 91-93, 121-122, 128, 153-162; его же. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 415, 479-480; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. М., СПб., 2011. Прим. 30 и 31 на с. 479 и 482. См. также: Артамонов М.И. История хазар. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 394-398; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. Изд. 2-е. М., 1993. С. 73-75; Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. (История идеи) // Сб. РИО. Т. 4 (152). От Тмутороканя до Тамани. М., 2002. С. 14-39; Эрлихман В.В. Русь и варяги в Восточной Европе (IX–XII века) // То же. Т. 8 (156). С. 173; Королев А.С. Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // То же. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 88-102; его же. Приазовская Русь: история и современное состояние проблемы // Судьба России в современной историографии / Сб. научных статей памяти А.Г. Кузьмина. М., 2006. С. 64-77; Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси // Там же. С. 129-137.

[25] Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси // Варяго-русский вопрос в историографии. С. 555-565; то же // Начала русского мира / Труды Первой Международной конференции. 28-30 октября 2010 г. СПб., 2011. С. 7-17.

[26] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 189-190, 198, 208, 230-231, 233, 235-241, 250, 253, 265, 272-273, 277-284, 288-289, 291-294, 297-302, 304, 334-343, 416-417, 422, 441, прим. х на с. 278, прим. х на с. 338; его же. История России. Киевский период. С. 176, 179-182; его же. Еще о происхождении Руси. С. 638, 641, 646-649; его же. История России. Владимирский период. Т. I. Ч. 2. М., 1880. С. 339; его же. Вопрос… С. 2-3, 7-9; его же. Разыскания о начале Руси.

1882. С. 411, 415-418; его же. Историко-критические заметки. С. 7; его же. Вторая... С. 32-33; его же. Основные тезисы… С. 86.

[27] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. V. Вып. 1. СПб., 1851. С. 128-129; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. Приложения. С. 43-44; Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 228, 444, 624.

[28] ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846. С. 251.

[29] Потебня А.А. Этимологические заметки. Начальные сочетания лы-, ры-, лу-, ру- = основным +ал, +ар // Русский филологический вестник. Т. I. Варшава, 1879. С. 90.

[30] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 208; его же. Еще о происхождении Руси. С. 646-648; его же. Вопрос... С. 9-10; его же. Основные тезисы… С. 87.

[31] См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 279-322.

[32] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 270-271.

[33] Там же. С. 271-272.

[34] Там же. С. 216, 218, 303-310.

[35] Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Его же. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М., 1959. С. 398.

[36] Дополнения А.А. Куника // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875. С. 452, 457, 460; Браун Ф.А. Варяжский вопрос // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. V a. СПб., 1892. С. 573. См. также: Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 89, 96-99.

[37] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 105, 222-223, 268-269.

[38] Замечания А. Куника // Погодин М.П. Г. Гедеонов и его система происхождения варягов и руси. СПб., 1864. С. 64; Замечания А. Куника. (По поводу критики г. Фортинского). СПб., 1878. С. 6; Дополнения А.А. Куника. С. 430-442, 670-673, 688; Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 6; Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 80, 82-90.

[39] Иловайский Д.И. Еще о происхождении Руси. С. 638; его же. Разыскания о начале Руси. 1882. С. 476; его же. Начало Руси. М., 2006. С. 364, 381.

[40] Thunmann J. Untersuchungen ьber die Geschichte der цstlichen europaischen Vцlker. Th. 1. Leipzig, 1774. S. 374-377; Томсен В. Указ. соч. С. 87, прим. 16.

[41] Труды X Археологического съезда в Риге. 1896. Вып. 3. М., 1900. С. 118-119.

[42] Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 126-127, 267-269, 284-286, 289, 340.

[43] См. о несостоятельности скандинавского объяснения имени «Русь»: Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 78-162; его же. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 417-420, 473-480.

[44] Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 10. Л., 1967. С. 131.

[45] Кан А.С. Указ. соч. С. 40; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 106; Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 18; его же. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 24; Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 613; Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2012. С. 311-553.

[46] История Швеции. М., 1974. С. 77.

[47] Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1-2. М., 1826. С. 106; Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000. С. 62.

[48] Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб., 1897. С. 18, 44, 74, 127, 140, 144, 145; ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 13, 14, 34, 63, 115, 130-131, 135-136.

[49] Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 58, 62, 67; Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1998 г. М., 2000. С. 145-146; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 62; Свердлов М.Б. Ладога IX–XII вв. в общерусском контексте // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня – 2 июля 2003 г. СПб., 2003. С. 176; Кучкин В.А. Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время // Российская история. 2010. № 4. С. 195.

[50] См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 17-47; его же. Начальная история Руси. С. 9-19; его же. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 340-347.

[51] Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 274; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 58, прим. 111; Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 236; Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavika. Rоunik III. Svarek 2. Praha, 1931. С. 299; Мавродин В.В. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958. С. 7, 9; его же. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 154.

[52] Фомин В.В. «Варяжское заморье» русских летописей (X–XVII вв.) // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1995. С. 21-27; его же. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сб. РИО. Т. 8 (156). С. 146-168; его же. Варяги и варяжская русь. С. 336-341.

[53] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 229-230; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 212-225.

[54] Замечания А. Куника // Погодин М.П. Г. Гедеонов… С. 58-65; Дополнения А.А. Куника. С. 394; Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 07; Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 249-253, 286-288.

[55] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 194, 215, 218-219, 222, 224-225, 241-247, 262, 268-269; Погодин М.П. Новое мнение г. Иловайского // Беседа. М., 1872. Кн. IV. Отд. II. С. 103.

[56] См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 180-183; его же. Варяго-русский вопрос в трудах А.Г. Кузьмина // Судьба России в современной историографии. С. 42-63; его же. Пургасова Русь // ВИ. 2007. № 9. С. 3-17; его же. А.Г. Кузьмин и его вклад в изучение ранней истории Руси // Вестник Липецкого государственого университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2. Липецк, 2008. С. 131-144; его же. Начальная история Руси. С. 161-162, 175-177.

[57] Юргевич В.Н. О мнимых норманских именах в русской истории // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 48; Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 227, 316-317.

[58] Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 475-477, 481.

[59] Брим В.А. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. Л., 1931. Серия VII. Отделение общественных наук. № 2. С. 201; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 198.

[60] Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. [Б.м.] и [б.г.]. С. 29; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 82, прим. 149 на с. 415, прим. 235 на с. 440, прим. 294 на с. 456; Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 316-317.

[61] Кузьмин А.Г. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М., 1988. С. 162.

[62] Фомин В.В. Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // Сб. РИО. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. М., 2002. С. 238-239; его же. Южнобалтийское происхождение варяжской руси // ВИ. 2004. № 8. С. 155; его же. Варяги и варяжская русь. С. 376-400.

[63] Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // ВИ. 1985. № 10. С. 51-52; Джаксон Т.Н. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1995. С. 31, 52; ее же. Русь глазами средневековых скандинавов // Мир истории. М., 2002. № 4/5. С. 51; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 486.

[64] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 130; Ewers J.P.G. Vom Urschprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. 179-184; Эверс Г. Указ. соч. С. 148-151; Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 204-220.

[65] Бабич И.В. Иловайский Дмитрий Иванович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 260-261.

[66] Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Изд. 9-е. М., 1868. С. 9-10; его же. Руководство к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах). Изд. 8-е. М., 1868. С. 3-4.

[67] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. 1876. С. 188, прим. *; то же. 1882. С. 410-412, 417; его же. Еще о происхождении Руси. С. 650; его же. Начало Руси. С. 375.

[68] Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 422-461; его же. Ломоносов. С. 226-316; его же. Начальная история Руси. 78-223; его же. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 204-496; его же. О времени появления южнобалтийских славян в Северо-Западной Руси // Проблемы отечественной и всеобщей истории. К 80-летию д.и.н., профессора В.М. Важинского. Липецк, 2010. С. 18-25; его же. Варяго-русский вопрос и пути его разрешения // Начала русского мира. С. 56-66.

[69] Куник А.А. Известия ал-Бекри… С. X, 04, 016, 018, 039.

[70] Говоря о причинах контрреакции норманизма, следует иметь в виду, что «с конца XIX в., – как констатировал в 2003 г. А.Г. Кузьмин, – интерес к теме начала Руси заметно ослабел. Общественный интерес сдвигался ближе к современности, чему способствовало обострение социальных противоречий». Вместе с тем, добавлял он, в отечественной науке начинает преобладать историко-филологическая тематика, посредством филологии усилившая в ней германское влияние, «поскольку именно в Германии более всего занимались индоевропейскими проблемами, причем само направление сравнительного языкознания носило название “индогерманистики”, что как бы автоматически ставило в центр исследований Германию и германцев». А вслед за германскими и скандинавскими археологами шла, отмечал историк, «и зарождавшаяся русская археология» (Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2003. С. 81), выдавая, будучи ведомой (а такая ситуация сохранилась до наших дней), варяго-русские древности за скандинавские.

[71] Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 56.

[72] Петрей П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 91; Ewers J.P.G. Op. cit. S. 53, anm. 2.

2012. Вып. 2 (7). С. 45–54

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 412.5

ГЛАГОЛЫ ПРИОБЩЕНИЯ-ОТЧУЖДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Т.В. Гончарова

Аннотация

В статье предпринят семантический и лингвокультурологический анализ русских глаголов приобщения-отчуждения объекта с позиций ценностной картины мира русского народа.

Изучение языка в антропоцентрической парадигме привело к возникновению нового направления в языкознании – лингвистической аксиологии. Лингвистическая аксиология, отмечает Т.И. Вендина, имея своей целью реконструкцию системы ценностей как одной из составляющих этнических и культурных традиций, вписывается в круг проблем, решаемых этнолингвистикой, – проблем языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета. Изучение системы ценностей этноса (как глубинных, личностных, так и идеологизированных, общественных) дает возможность выявить своеобразие в его мировидении, мирочувствовании и миросозерцании [1].

Важным аспектом современных исследований в области лингвистической аксиологии является изучение этнически маркированных ценностей, что «позволяет выделить не только этническую специфику норм, но и групповые особенности осознания культурных ценностей» [2].

Непосредственным объектом нашего исследования является семантическое поле глаголов, условно названных глаголами *приобщения и отчуждения объекта.* Особое внимание к глагольной лексике объясняется тем, что «человек – центральная фигура языка, наиболее хорошо представлены в языке два его свойства ***действие и состояние*** (выделено нами. – *Т.Г.*)» [4], которые, в свою очередь, представлены прежде всего глаголами.

При этом необходимо подчеркнуть, что, «исследуя содержательную структуру глагола, имеющую, безусловно, идеоэтнический характер, можно получить представление о языковой картине мира, поскольку основной единицей концептуальной модели мира признается «актантно-ролевая структура глагола, в которой закреплены константы сознания» (А.А. Уфимцева)» [5].

Указанная группа глаголов выделяется в идеографических словарях в понятийной сфере, связанной с человеком, с его деятельностью в области экономики, торговли, повседневной жизни. Исходя из сказанного, данные лексемы можно отнести к глаголам *антропосферы*. Традиционно к этому классу слов относят такие единицы, субъектную позицию при которых могут замещать только обозначения человека, поэтому в предпринятом исследовании анализируются соответствующие лексико-семантические варианты.

Основную цель мы видим в том, чтобы наметить культурологические характеристики исследуемой нами группы глаголов. Учитывая, в том числе, и аксиологический подход к интерпретации культуры, рассмотрим глаголы *приобщения-отчуждения объекта* с точки зрения системы морально-этических координат.

Семантическое поле приобщения-отчуждения моделируется глаголами двух лексико-семантических групп: глаголами типа *давать* и типа *брать*. Чтобы квалифицировать данные лексические единицы как члены одного семантического поля, необходимо найти общий признак, который объединяет глаголы этих двух групп. Таким признаком можно считать признак передачи, поскольку передача свойственна приобщению в такой же мере, как отчуждению: если действие со значением «давать» обозначает дачу от себя, то действие глаголов взятия состоит в даче себе от кого-либо. Действие же глаголов типа *красть* реализуется в результате передачи чужой собственности себе, в свое распоряжение.

Однако признак передачи, объединяя все глаголы приобщения и отчуждения объекта, по-разному представлен в разных глагольных лексемах. Так, в словах типа *красть, грабить, экспроприировать* передача осуществляется вопреки желанию объекта, в отличие от глаголов *дарить, вручать* и т.п. Если признак передачи в словах не осложнен указанными явлениями, то они вступают в конверсивные отношения, образуя новую группировку в рамках семантического поля, названную нами лексико-семантическим блоком.

Под конверсностью в лингвистике понимается «обращение» высказывания, при котором меняются местами антецедент (предшествующий член) и консеквент (последующий член) [6]. В логическом плане конверсивы могут рассматриваться как части единого целого, как две последовательные фазы одного и того же процесса, состояния или одно и то же действие, по-разному представленное, – со стороны субъекта и со стороны объекта действия и, соответственно, по-разному названное [7]. С этой точки зрения в конверсивные отношения могут вступать все глаголы отчуждения объекта и лишь незначительная часть глаголов приобщения.

С учетом сказанного представляется интересным тот факт, что на протяжении многих веков своего существования русский язык создал множество широкоупотребляемых глаголов со значением «давать» (*давать, выдавать, отдавать, дарить, преподносить, уступать, снабжать, предоставлять, наделять, награждать, вручать, одаривать, вознаграждать, удостаивать, ссужать* и др.), в то время как для обозначения противоположного действия взятия используется всего несколько глаголов (*брать, принимать, получать, покупать*), вступающих со словами типа *давать* в конверсивные отношения.

Вместе с тем, сказанное позволяет предположить, что для русского языкового сознания более нравственным, более ценным является то, что связано с отдачей, с дарением.

Глубокое осознание поведенческих норм и ценностей, принятых в той или иной культуре, невозможно без обращения к ее истокам. Как отмечал выдающийся французский этнограф и социолог К. Леви-Стросс, «оригинальность каждой из культур заключается, прежде всего, в ее собственном способе решения проблем – перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, и потому современная этнология все сильнее стремится познать истоки этого таинственного выбора» [8]. Истоками культурных традиций служат философско-религиозные воззрения, призванные «объяснить необъяснимое для представителей конкретной культуры» и лежащие в основе мировосприятия или «картины мира» *(world view)*. Обычно их определяют как «ориентацию культуры по отношению к Богу, человечеству, природе, вселенной... вопросам жизни и смерти и прочим философским проблемам, влияющим на восприятие мира, разделяемое членами культурной группы», и акцент исследования может делаться на нормы, ценности, цели, «обладающие ядерным положением в ряду других и удовлетворяющие внутренне присущую человеку религиозную потребность» [9].

В традициях русской культуры основу отношений взаимозависимости составляют любовь и действенное внимание к индивидуальной личности. Русский религиозный философ

Г.П. Федотов отмечал, что на Руси православие попало на благодатную почву, и было усвоено, по крайней мере, высшими слоями народа в своей подлинной сущности именно как религия любви. Как подчеркивает этнограф М.М. Громыко, «исключительно широкое и устойчивое распространение среди русских имели взгляды и поступки, связанные с состраданием, сочувствием, оказанием помощи в самых разнообразных ее видах; это была целая система воззрений, основанных на евангельских идеях любви к ближнему и помощи ему; бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит; самоотверженной готовности положить жизнь свою за други своя. Это – система взглядов, но в то же время – это и черта национального характера: органичная потребность делать добро, столь естественная, что не воспринимается ни дающим, ни принимающим как что-то особенное, а зачастую даже не бывает замечена» [10]. Эти качества сближаются со знаменитой подмеченной еще Достоевским у Пушкина «всемирной отзывчивостью» русских, которая основана на православной вере и преломляется в отношениях сопричастности и искренней сердечности.

Основы бескорыстия, милосердия, щедрости, нестяжательства русские люди черпали из текстов Священного Писания: «Просящему у тебя *дай,* а у хотящего *занять* у тебя не отвращайся» (Матф. 6:42); *«Возьми* свое и пойди; я же хочу *дать* этому последнему то же, что и тебе» (Матф. 20:14); *«Давайте,* и *дастся* вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенную и переполненную отсыплют вам в лоно ваше; ибо какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Лука. 6:38); *«Продавайте* имения ваши и *давайте* милостыню. Приготовляйте себе вместилища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает» (Лука. 12:33); «Просите и *дано* будет вам... Ибо всякий просящий *получает*... Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него воды, *подал бы* ему камень?... Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие *давать* детям вашим, то тем более Отец ваш небесный *даст* блага просящим у Него» (Матф. 7:7); «Даром *получили,* даром и *давайте»* (Матф. 9:8). (Здесь и далее цитаты из Библии приводятся по изданию: Новый Завет. – «Жизнь с Богом». Bruxelles, 1989). И, наконец, нравственным императивом звучат слова Иисуса Христа, приводимые в Деяниях Апостолов: «Блаженнее давать, нежели *принимать»* (20:35).

Как видно из приведенных примеров, все глаголы, формирующие высказывания, лишены оценочности, которая «встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке» [11]. Тем не менее, каждое высказывание имеет ярко выраженный оценочный характер, что создается наличием слов с оценочной коннотацией: *благо, добро, даром, неоскудевающий*.

Особенно ярко нравственно-этическая оценка ситуации даяния-взятия проявляется в комментариях к библейским текстам, сделанных отцами церкви. Так, в «Толковой Библии», первое издание которой было предпринято в начале прошлого века в Санкт-Петербурге, находим следующий комментарий по поводу известного изречения *«Блаженнее давать, нежели принимать»*: «...Этихъ словъ, усвояемыхъ Господу, нѣтъ въ евангеліяхъ. Они заимствованы, вѣроятно, изъ устнаго преданія и выражаютъ ту мысль, что христіанская благотворительность, дѣлая человека лучшимъ въ нравственномъ отношеніи и поставляя его въ лучшія опредеденныя закономъ Божіимъ, отношенія къ ближнимъ и къ Богу, служитъ наиболѣе надежнымъ средствомъ къ привлеченію благоволенія Божія и к достиженію земнаго счастія и небеснаго блаженства.

“Когда томимому голодомъ ***даютъ*** пищу, или дрожащему отъ холода теплую одежду: не чувствуетъ ли онъ себя на то время счастливымъ? Но Господь увѣряетъ насъ, что въ то же время блаженнѣе тотъ, кто ***даетъ***. Гдѣ можно найти сіе блаженство? Въ Боголюбимомъ и человѣколюбимомъ сердцѣ. Въ чемъ состоитъ сіе блаженство? Въ чувствѣ дѣлаемаго и сдѣланнаго добра, в свидѣтельствѣ совѣсти о исполненіи въ насъ воли Божіей, въ радости о ближнемъ, нами обрадованномъ. Человѣкъ, сохраняя въ себѣ, хотя не въ совершенствѣ, образъ всеблагаго Бога, по Которому сотворенъ, радуется о всемъ добромъ и тогда, когда

только слышитъ о немъ: посему естественно блаженствовать ему, когда дѣлаетъ оное" (Филаретъ, митр. Моск.).

"Одна степень блаженства – отказаться отъ всего, другая – доставлять себѣ необходимое, третья – доставлять не только себѣ, но и другимъ, четвертая – ***не брать*** и тогда, когда проповѣдуешь и имѣешь возможность ***брать.*** Не сказано однако же, что ***брать*** – худое дѣло, но что лучше ***не брать***". (Феофил., срв. Злат.).

Въ примѣненіи къ данному случаю – проповеди Апостольской – разбираемое общее изреченіе Господа имѣетъ слѣдующій частный смыслъ: блаженнѣе ***давать*** духовныя блага, чѣмъ ***принимать*** воздаяніе за нихъ временными благами; блаженнее – полное безкорыстіе въ дѣлѣ проповеди, нежели – хотя и не несправедливое пользованіе возданіями поучаемыхъ» [12].

Приведенные примеры убедительно подтверждают выводы Т.И. Вендиной, сделанные на основе анализа глаголов старославянского языка, о том, что «в глаголе, пожалуй, ярче, чем в имени, выражена идея поисков спасения личности, христианского самосовершенствования духа, ибо сама грамматическая природа глагола подсказывает, что должен делать человек на пути восхождения к Богу» [13].

Известно, что в религиозной литературе особенно ощутима сила слова, то, что в науке принято называть прагматической функцией речи, или функцией воздействия [14]. Так, исследователи говорят о необходимости выделения и изучения религиозно-проповеднического стиля, подчеркивая, что для языка религии характерна прежде всего экспрессивная функция: подобно поэзии и музыке он призван воздействовать прежде всего на эмоциональную сферу человека, в том числе словами и выражениями, принадлежащими высокому стилю, нередко архаичными [15]. Отметим также факт, неоднократно констатируемый в лингвистической литературе, указывающий на то, что экспрессивность неразрывно связана с оценочностью.

Кроме того, оценочность некоторым приведенным суждениям (*Блаженнее давать, нежели принимать*) придает структурная схема предложения. Так, исследователями отмечается, что инфинитивно-подлежащные модели занимают особое место в передаче оценочной ситуации. Оценочная семантика заложена здесь уже в семантике структурной схемы, что подтверждается компонентным анализом оценочного предиката, в котором обязательно присутствует оценочная сема, коррелирующая с основанием нравственно-этической оценки в семантическом комплексе высказывания [16]. Таким оценочным предикатом является слово *блаженнее,* при этом следует обратить внимание на особую значимость этого слова как в церковнославянских текстах, так и в современном русском языке (Блаженство как религиозное понятие – это «высшее счастье, высшая моральная ценность. Если дохристианский мир ценил мудрость, красоту, справедливость, силу, богатство, более ценил внешнее в человеке, чем внутреннее, то Христос указывал на внутреннее состояние человека как на необходимое условие Блаженства, которое состоит в свободе от привязанности к земным благам (нищета), постоянном духовном поиске (духовная нищета), плаче (как более адекватном положению вещей), кротости (а не агрессивности), поиске правды (а не выгоды), милосердии (а не справедливой расправе), миротворчестве, чистоте сердца (а не чувственности), готовности пострадать за истину» [17].

Библия давно стала неотъемлемой частью русской культуры, а христианские заповеди – нормой поведения людей. В связи с этим в русском языке появились фразеологизмы, являющиеся, по словам М.И. Фоминой, «библейско-евангельскими "осколками» цитат"» [18]. Высокий нравственный смысл даяния, дарения выражен, в частности, во фразеологической единице *не оскудеет рука **дающего***.

Следует сказать и о том, что «национальная специфика фразеологического образа отражает образ жизни и характер народа, его духовную историю, своеобразные традиции, обычаи ***в специальном отборе лексических компонентов*** той или иной фразеологической единицы» (выделено нами. – *Т.Г.*) [19]. Интересным в плане изучения нашей проблемы оказывается отмеченный исследователями факт, что в русском религиозном сознании заметное место за-

нимает так называемая «оделяющая» функция Бога, которая репрезентируется в русском языке пословицами и поговорками, включающими лексическую единицу *Бог* в сочетании с глаголом *давать* и его производными, а также со словом *дар* [20]; [21]. Так, в словаре «Пословицы и поговорки русского народа», созданном В.И. Далем, по свидетельству Л.И. Зубковой, зафиксировано более 200 таких единиц: *За терпение Бог дает спасение, Что душа пожелала, то и Бог дал, Бог дал, Бог взял, За добро Бог плательщик, Бог даст волю, забудешь и неволю* и др. Отмечено также большое количество пословиц, в которых содержится обращение к Богу с просьбами: *Дай-то, Боже, чтоб все было гоже, Дай Бог покой да хлеб святой, Дай Бог любовь и совет* и др. При этом «разнообразный характер просьб объясняется неоднозначностью субъектов, выступающих в качестве носителей оценочных норм, наличием несовпадающих мотивировок оценки и оценочных стереотипов» [22].

Некоторые выражения, связанные с оделяющей функцией Бога, стали этикетными формулами: «*Дай Бог кому*» – выражение пожелания чего-либо хорошего, «*Как Бог даст*» употребляется в значении «как придется, как получится». Выражения могут быть знаками ментальных состояний, например, «*Бог даст*» – выражает надежду на изменение к лучшему [23].

Интересный материал в этом плане представляют и данные Русского ассоциативного словаря, согласно которому в ассоциативно-вербальную сеть слов-стимулов *щедрость, милосердие, Бог, благотворительность* входит слово-реакция *давать* в различных его формах. Составляя на основе данных различных словарей тематическое поле «православие», каким оно представляется «среднестатистической русской языковой личности», исследователи обнаружили, что наряду со словами *воскреснуть, Христос, святой, верить, свет, ангел, икона, небо, Спаситель* и др. в него входит и слово ***дано*** (*от Бога*) [24].

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим, что ценностные характеристики глаголов приобщения объекта обусловлены широким культурным (социокультурным, лингвокультурным) контекстом.

Заманчиво было бы предположить, что конверсивные отношения захватывают все семантическое пространство изучаемых глаголов, и тогда глагольная лексика представляла бы достаточно строгую систему. Однако языковая реальность оказывается сложнее и многообразнее логических схем в той же степени, насколько разнообразен и неоднозначен окружающий нас мир. В результате вне границ лексико-семантического блока, но в рамках семантического поля приобщения-отчуждения объекта оказывается большая часть глаголов типа *брать*.

Весьма характерным и интересным явлением, обнаруженным нами при изучении семантики этих слов, является то, что компонентный состав лексического значения указанных глаголов формируют, как правило, такие семантические признаки: «субъект действия», «мотивация», «оценка действия». Действие, называемое глаголами типа *брать*, предельно субъективировано, оно определяется чаще всего личностными качествами самого субъекта, что наиболее отчетливо проявляется в семантике следующих глаголов: *хватать, хапать, цапать, урывать, подцеплять, отхватывать, грабастать и др.*

Глаголы, входящие в эту группу, обозначают самые разнообразные ситуации приобретения, в том числе, связанные и с негативной стороной человеческих действий и поступков и имеющие семантический компонент «этико-юридической оценки действия» (*присвоить, прикарманить, зажилить, замотать, зажать и др.*).

Другие семы в значении глаголов взятия являются достаточно специализированными и связаны с законным или незаконным, с точки зрения правосудия, характером действия. Это, с одной стороны: *ограбить, обокрасть, лишить, умыкнуть, увести, утянуть, угнать,* а с другой – *конфисковать, изымать, отторгать, отчуждать, экспроприировать и др.*

Совершенно особую и очень интересную проблему составляет прагматический потенциал изучаемых лексем. Здесь же мы ограничимся только констатацией того, что большинство глаголов взятия (примерно 75%) стилистически маркированы принадлежностью к разговор-

ной, просторечной и грубопросторечной лексике и наряду со стилистической окраской содержат такие элементы коннотации, как оценочность (как правило, отрицательную), эмоциональность и экспрессивность. В то же время хорошо известно, что особенно богатой сферой коннотативного значения обладают те понятия, которые жизненно необходимы человеку, с которыми он сталкивается ежедневно, и чем большее значение имеет явление в жизни человека, тем более узуально его оценочное значение, закрепляющее эту значимость. На основе этой значимости формируются культурные стереотипы [25]. Обозначая отрицательное поведение человека, негативные явления жизни общества, анализируемые глаголы выступают в роли «слов-разоблачителей» [26]. Таким образом, по словам Н.Д. Арутюновой, «сам язык сближает слова и дела» [27].

Аксиологические проблемы неизменно являются предметом рассмотрения в лингвокультурологических исследованиях, посвященных изучению языковой картины мира. Так, О.А. Корнилов предлагает определение национальной языковой картины мира как «запечатленного в лексике соответствующего языка видения всего сущего», уточняя, что «видение = чувственное восприятие + логическое осмысление + ***оценивание*** (выделено нами. – *Т.Г.*), а все сущее = объективный материальный мир + все привносимое в него человеческим сознанием (***субъективные оценки*** /эмоциональные и ***ценностные*** / и мифические категории)» [28].

Поскольку, по мнению многих исследователей, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов, то и ее описание оказывается неразрывно связанным с изучением концептосферы языка как совокупности концептов, причем обращает на себя внимание тот факт, что, давая разнообразные определения концепта, современные исследователи неизменно включают в его структуру «оценки», «ценностное отношение» [29], подчеркивают, что концепт «открыт для оценок, для разнообразных характеристик» [30]. Описывая русскую языковую картину мира, лингвисты рассматривают специфические ценностные концепты *совесть, честь, достоинство, добро, благо, подвиг* и др. К таким национально-специфическим концептам относится и концепт *щедрость*.

Следует отметить, что в моделировании концепта *щедрость* особую роль играют глаголы отчуждения-приобщения объекта, поскольку одним из путей описания концепта является изучение его лексической репрезентации, в ходе которого выявляются лексемы, способные передавать в языке идейное содержание концепта.

Н.В. Семенова в статье «О русской щедрости» справедливо отмечает: «Мы с полным основанием можем сказать, что щедрость закреплена в русском сознании в виде особой ментальной единицы – особого концепта, который напрямую соотносится с милосердием, широтой, великодушием. Культурологи, однако, дополняют этот «концептуальный ряд» и говорят, что щедрость связана также с религиозностью, соборностью и отзывчивостью. При этом наиболее важной считается тесная связь с родственным концептом *милосердие*, поскольку она четко указывает на соблюдение свято чтящейся в Православии, пронизывающем всю русскую культуру, заповеди “возлюби ближнего своего как самого себя”. Православным русским человеком щедрость воспринимается исключительно как ***высшая форма проявления милосердия, любви к ближнему*** (выделено автором. – *Т.Г.*)» [31]. Исследователь указывает, что «семантическим прародителем» современного слова *щедрость* является лексема **щедрота** (или чаще **щедроты**), фиксируемая старославянскими и древнерусскими словарями не позже XI в. и имеющая значение *милосердие, сострадание, милость* [32].

В.И. Даль, определяя значение слова *щедрый*, отмечает, что это прежде всего «милостивый, милосердный на помощь, на подарки, на раздачу милостыни, пособий» и в качестве примера приводит слова из псалма: *«Щедръ и милостивъ Господь»* [33].

Современные толковые словари, представляя семантическую структуру слова *щедрость,* отсылают к прилагательному *щедрый;* причем «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой так определяет это слово:

1. Охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т.п., не жалеющий тратить, расходовать что-либо. *Несмотря на свои ограниченные средства, он [Тит Никоныч] имел вид щедрого барина: так легко и радушно бросал он сто рублей, как будто бросал тысячи.* И. Гончаров, Обрыв. // *перен.* (метафорический); *на что* и *в чем.* Легко, охотно раздающий, расточающий что-л. *Щедрый на похвалы.*

2. Большой по размерам, значительный по ценности. *Щедрое вознаграждение. Щедрые подарки. Щедрая помощь.*

3. Богатый, обильный чем-л. *Казалось, тут все есть для счастья. Щедра природа. Благодатна почва.* Горбатов, Филиппины // Сильный в своем проявлении. *Пыль висела над городом, и солнце, уходившее за горизонт, затопило улицу во всю ее длину ярким, чересчур щедрым блеском.* Гл. Успенский, Растеряевские типы и сцены [34].

В статье рассматриваемого словаря приводится фразеологизм: *щедрою рукой* – не жалея, не скупясь. *На каждой станции сама выходит путаница: – Скорей перепрягайте лошадей! И сыплет щедрою рукой червонцы челяди ямской.* Н. Некрасов, Русские женщины.

Как видим, слово *щедрый* активно развивает семантическую деривацию, помимо основного номинативного значения появляются переносные, образные. Однако концепт *щедрость*, по данным современных словарей, обладает исключительно «светским» наполнением: *щедрый* – не жалеющий тратить, причем прежде всего в материальном смысле (тратить деньги, средства, имущество), а уж затем в духовном.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой материальный компонент концепта *щедрость* заявлен еще более очевидно:

Щедрый. 1. Широко оказывающий материальную помощь, не скупой. *Щедрый человек.* 2. Ценный, обильный. *Щедрые подарки* [35].

Словарная дефиниция «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова представляет лексему *щедрость* как свойство *щедрого* человека. Лексема же *щедрый* представлена следующим образом:

1. Охотно оказывающий помощь деньгами, имуществом, не скупой.

2. Ценный, богатый.

3. *на что.* Охотно раздающий что-либо, расточающий. *Щедрый на обещания. Щедрый на похвалы* [36].

Думается, что русская щедрость свое современное толкование в какой-то степени восприняло от лексемы **щедрота**.

Таким образом, даже эти небольшие эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что лексическая репрезентация концепта *щедрость* определяется прежде всего глаголами *приобщения-отчуждения объекта.*

Анализ семантической структуры глаголов передачи, проводимый на основе дефиниций, данных в толковых словарях, показывает, что некоторые из этих глаголов содержат семантические компоненты, эксплицированно указывающие на щедрость. Это прежде всего лексемы *дарить, даровать, жаловать, жертвовать, одаривать, раздаривать, надаривать, наделять, подносить, презентовать, преподносить,* в структуре лексических значений которых методом ступенчатой идентификации можно выделить семантические компоненты «безвозмездно» «добровольно», «бескорыстно», «в качестве подарка».

Таким образом, используя, с одной стороны, системный подход к изучению глагольной лексики, а с другой – соотнося ее с системой ценностных ориентиров, можно постепенно эксплицировать те знания о мире, тот совокупный общественный опыт, который имплицитно присутствует в каждом из этих слов.

Совершенно очевидно, что большое количество глаголов дарения позволяет понять ценностные приоритеты русского народа, поскольку, как считает В.И. Карасик, «чем более значимой для общества является та или иная ценность, тем более вариативна детализация норм, связанных с этой ценностью» [37].

Интересным, на наш взгляд, представляется тот факт, что репрезентантами концепта *щедрость* являются не только глаголы дарения, но и лексемы, в содержательной структуре которых нет указания на безвозмездность передачи – *давать, отдавать, вручать* и др.

В.И. Карасик предлагает выделять с позиции аксиологической лингвистики ценностно насыщенные и ценностно нейтральные тексты [38]. Конечно же, к ценностно насыщенным, в первую очередь, можно отнести тексты Священного Писания. Ранее цитированные тексты Священного Писания дают возможность сделать вывод о том, что глаголы *давать, отдавать, вручать* играют решающую роль в репрезентации концепта *щедрость*.

Значимость щедрости, идущей не от избытка и оттого еще большей по своей внутренней ценности проявляется в идиоме *лепта вдовицы*. В комментариях к текстам Священного Писания читаем следующее по поводу известного евангельского рассказа о пожертвовании в сокровищницу иерусалимского храма: «Господь, имѣя въ виду мнимое благочестіе книжниковъ, – людей зажиточных – о котором Онъ только что говорил, не приминулъ указать ученикамъ Своимъ на примѣре вдовы, которая ***отдала все, что имѣла***, и которая поэтому своим пожертвованіем возвысилась надъ богачами, клавшими много больше, но все же жертвовавшими только самую малую часть своего достоянія» [39].

Глаголы передачи выступают вербализаторами концепта *щедрость* не только в текстах Священного Писания. Русский человек и сегодня высоко оценивает свойство «быть щедрым», что проявляется, в частности, и в современных высказываниях, которые также могут быть квалифицированы как ценностно насыщенные тексты. Так, современная поэтесса Карина Филиппова, к сожалению, рано ушедшая из жизни, в книге «Бумеранг» (2006) так формулирует тактику поведения человека в драматических ситуациях, соотнося ее с Божьими заповедями:

Что помогало мне
в моих паденьях?
Сопротивленье,
компромиссы, деньги?
Всегда спасала Божья благодать,
Сознание – ***отдать, отдать,***
отдать…

«***Отдать*** – это дать себе в подарок», – так определила свое жизненное кредо Белла Ахмадулина [40].

«Можно задыхаться от миллионов, а можно быть счастливым, ***отдав их***» – из интервью Валентина Гафта газете «Аргументы и факты» [41].

Все это, в конечном итоге, соотносится со Словом Божиим, которое увещевает нас: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лука. 12:15).

Е.В. Бабаева считает, что языковыми маркерами ценностей является, в том числе, и взаимосвязь с другими культурными концептами [42]. Логичность концептуальной системы определяет возможность перехода «от одного концепта к другому, определение одних концептов через другие, построение новых концептов на базе имеющихся» [43]. Значимым с этой точки зрения представляется тот факт, что глаголы передачи, обладая определенной ценностной характеристикой, могут употребляться при описании абстрактных по семантике лексем морально-нравственной сферы. Так, Ч. Филлмор, моделируя прототипную ситуацию «милосердие», констатирует следующее: «Мы, независимо от любого конкретного употребления этого слова, знаем, что кто-то ***дал*** что-то кому-то, что при этом дающий делал это не по обязанности. Получатель в результате акта милосердия также ***не брал*** на себя какие-то обязательства по отношению к дающему, и дающий при этом полагал, что его действие выгодно для получающего... А предложение типа “Он сделал это из милосердия” раскрывает нам нечто о внутренней жизни ***дающего*** в момент вручения дара – нам как бы

сообщается, что дающий не испытывал никаких внешних стимулов делать то, что он сделал, что он не ожидал никакой награды за это и что он чувствовал, что его поступок окажет кому-то помощь» [44].

Это, как нельзя лучше, соотносится с характеристикой щедрости, данной Владимиром Соловьевым: «*Щедрость* по внешним проявлениям совпадает с ***великодушием*** и ***бескорыстием*** (выделено нами. – *Т.Г.*), но имеет другую внутреннюю основу – альтруистическую. ***Добродетельно-щедрый*** человек есть тот, который из ***справедливости*** или ***человеколюбия*** делится своим имуществом с другими (ибо, поскольку он делает это из тщеславия или из высокомерия, тут нет добродетели). Но при этом такой человек может быть даже до скупости привязан к тому имуществу, которое он раздает, и в таком случае его нельзя, строго говоря, назвать бескорыстным; следует только сказать, что в нем ***альтруистическая добродетель щедрости*** побеждает порок корыстолюбия» [45].

Итак, с полным основанием можно сказать, что аксиологическая составляющая концепта *щедрость* неразрывно связана с глаголами передачи, аксиологический потенциал которых, в свою очередь, определяется тем, что они устанавливают связь между объективной ситуацией и социально-нравственными эталонами, хранящимися в концептуальной картине мира.

В целом же проведенное исследование семантического поля глаголов приобщения-отчуждения объекта в их соотнесенности показало, что в русском языке указанные глаголы отражают особое видение мира, особенности русского национального самосознания, его направленность на духовность и нравственность, они формируют ценностную картину мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вендина Т.И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1998. С. 41.

[2] Вепрева И.Т. Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И.Т. Вепревой. Екатеринбург, 1997. С. 30. См. в связи с этим также: [3].

[3] Гончарова Т.В. Аксиология как одно из направлений современного социогуманитарного знания // Русский язык: история и современность. Липецк, 2008. С. 223-236.

[4] Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М., 2007. С. 100.

[5] Богданова Л.И. Зависимость форм актантов от семантических свойств русских глаголов. Автореф… дис… докт. филол. наук. М., 1999. С. 3.

[6] Апресян Ю.Д. Синонимия и конверсивы // Русский язык в национальной школе. 1970. № 6. С. 8.

[7] Кондаков Ю.М. Логический словарь М., 1970. С. 142.

[8] Цит. по: Касьянова К. О русском национальном характере Екатеринбург, 2003. С. 30.

[9] Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и англичан. М., 2005. С. 18-19.

[10] Цит. по: Кузьменкова Ю.Б. Указ. соч. С. 62.

[11] Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография М., 1995. С. 136.

[12] Толкова҃ Библі҃, или комментарій на вс҄ѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Зав҄ѣта. Т. 3. Изд. 2-е. Стокгольм, 1987. С. 153.

[13] Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 157.

[14] Куликова И.С., Салмина Д.В. Миссионерское Евангелие: добро или зло?: (Филологическая критика). СПб., 2000. С. 12-13.

[15] Там же. С. 13.

[16] Маркелова Т.В. Семантика и прагматика выражения средств оценки в русском языке // Филологические науки (ФН). 1995. № 3. С. 72.

[17] Цит. по: Куликова И.С., Салмина Д.В. Указ. соч. С. 125-126.

[18] Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. С. 360.

[19] Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // ФН. 1990. № 6. С. 59.

[20] Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986. С. 134.

[21] Зубкова Л.И. «Оделяющая» функция Бога в русской паремиологии как отражение национально-культурного сознания // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж, 2002. С. 251-253.

[22] Там же. С. 252.

[23] Там же. С. 253.

[24] Куликова И.С., Салмина Д.В.Указ. соч. С. 25.

[25] Вепрева И.Т. Указ. соч. С. 96.

[26] Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке // ФН. 1990. № 2. С. 67.

[27] Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 3.

[28] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 283.

[29] Стернин И.А. Значение и концепт: сходства и различия // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова / Сб. статей. М., 2006. С. 491.

[30] Шведова Н.Ю. К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова / Сб. статей. М., 2006. С. 507.

[31] Семенова Н.В. О русской щедрости // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. № 52. С. 68.

[32] Там же. С. 70.

[33] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1955. С. 652.

[34] Словарь русского языка: в 4-х т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. 4. М., 1984. С. 740.

[35] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 936.

[36] Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940. С. 1382.

[37] Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы: материалы науч.-метод. семинара. Новосибирск, 2004. С. 28-32.

[38] Там же.

[39] Толкова҃ Библі҃... С. 76.

[40] Ахмадулина Б. Ответы без вопросов. «Мой долг еще не исполнен» // Аргументы и факты (АиФ). 1997. № 15. С. 8.

[41] Гафт В. Обнажать душу или тело? // АиФ. 2006. № 32. С. 3.

[42] Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж, 2002. С. 25-34.

[43] Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М., 2007. С. 233.

[44] Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Зарубежная лингвистика. III. «Новое в лингвистике». «Новое в зарубежной лингвистике». Избранное. М., 1999. С. 348-349.

[45] Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Его же. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 194.

2012. Вып. 2 (7). С. 55–57

УДК 410

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

О.А. Дормидонтова

Аннотация

В статье освещаются теоретические основы изучения когнитивных процессов концептуализации и категоризации мира. Рассматриваются основные понятия данных процессов, такие как «концепт» и «категория». Особое внимание уделяется структуре категорий – их прототипическому устройству. Выявляется роль концептуализации и категоризации в формировании языковой картины мира.

Концептуализация как процесс познавательной деятельности связана с осмыслением сущностей мира, внутреннего мира человека, а также «любых воображаемых возможных миров» [1]. Она направлена на «выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении» [2], т.е. концептов. В настоящее время большинство исследователей рассматривают концептуализацию как «мысленное конструирование предметов и явлений, приводящее к формированию определенных представлений о мире в виде концептов» [3].

Концепт понимается как содержательная единица мышления, своеобразный квант структурированного знания, которыми человек оперирует в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания действительности [4].

Концептуализация представляет собой двусторонний процесс, связанный с осмыслением информации, поступающей к человеку по различным каналам, и ведущий к формированию концептов. В этой связи Н.А. Беседина полагает, что «вполне логично рассматривать концептуализацию динамически: как процесс и как результат когнитивной переработки информации человеком», который приводит к порождению новых смыслов, а также к образованию «концептуальных структур и всей концептуальной системы человека» [5].

На наличие концептуальной системы в мозгу (психике) человека указывают многие исследователи. Так, Н.Н. Болдырев рассматривает ее как систему определенных представлений человека о мире, как многообразие концептов в сознании человека и механизмов их формирования и взаимодействия [6].

Для другого когнитивного процесса – категоризации – главным компонентом является категория. В «Кратком словаре когнитивных терминов» Е.С. Кубрякова определяет категорию следующим образом: «Категория – одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [7]. Соответственно, категоризация понимается как «процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат клас-

сификационной (таксономической) деятельности» [8]. В этом смысле процессу категоризации подвергаются не только объекты реального внешнего мира, но и объекты, существующие идеально. Категоризацию относят к основным понятиям когнитивной лингвистики, «которые раскрывают общие принципы познавательного процесса и формирования знаний» [9].

Процесс образования и выделения категорий направлен на выявление минимальных содержательных единиц человеческого опыта и на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды. Решающая роль в этих процессах принадлежит человеку как интерпретатору окружающей действительности. Воспринимая, а затем концептуализируя и категоризируя реальный мир, человек отражает его, а точнее, строит проекцию реального мира с помощью языка. Учитывая этот факт, исследователи в области когнитивной лингвистики употребляют термин «языковая категоризация» и, соответственно, «языковая категория», подчеркивая тем самым знаковую природу данного процесса.

Каждая категория содержательно многопланова и существует лишь в единстве с другими категориями. Сообразно онтологическому треугольнику «мир – человек – язык», Н.Н. Болдырев объединяет языковые категории в три типа: лексические или аналоговые, грамматические и модусные или оценочные. В лексических категориях реализуется гносеологическая функция языка. Грамматические и лексико-грамматические категории раскрывают онтологическую модель языка. Модусные или оценочные категории связаны с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и воспроизводят оценочную модель мира [10].

При изучении структуры категорий в когнитивной лингвистике обращают внимание на их прототипическое устройство. Одно из самых важных отклонений от традиционных представлений о категоризации, обнаруженное создателем прототипической теории значения Э. Рош, а также развивающими эту идею Дж. Лакоффом и Ч. Филлмором, касается внутренней структуры категории и отношений между ее членами.

Э. Рош, сделав предположение о том, что категории как мыслительные реалии имеют некую внутреннюю структуру и отношения между категориями выстраиваются не только по вертикали («выше» – «ниже»), но и по горизонтали («более типичное» – «менее типичное»), продемонстрировала неравноправность членов одной категории. Одни из них (прототипы), будучи эталонными представителями данного класса явлений и воплощая все наиболее характерные признаки категории, формируют ее центр; другие представители этого класса, обладающие лишь некоторыми из свойств, присущих прототипам, отстоят от центра и образуют периферию. Прототип представляет собой некую ментальную репрезентацию, когнитивный ориентир категории, присущий представителям той или иной лингвокультуры. Иначе говоря, прототип есть не что иное, как «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание» [11]. Конкретное распределение по «типичности» варьируется от культуры к культуре.

Прототипический подход, как отмечает Н.Н. Болдырев, не является универсальным, но обладает мощной объяснительной силой теоретического обоснования системного описания категорий естественного языка [12]. С помощью данного подхода удается показать, на каком когнитивном основании выделяются категории, что представляют собой организующие их концепты, как структурируется в сознании соответствующий фрагмент картины мира или какие форматы знания в нем реализованы.

Результаты концептуализирующей и категоризирующей деятельности человека находят свое отражение в языковой картине мира, поэтому для современной лингвистики представляется особенно важным изучение процессов концептуализации и категоризации мира и выявление их специфики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологи // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сборник научных трудов. Вып. 2. Тамбов, 2002. С. 14.

[2] Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. РАН. Институт языкознания. М., 2004. С. 319.

[3] Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. С. 22.

[4] Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90.

[5] Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты. Тамбов:, 2006. С. 84-85.

[6] Болдырев Н.Н. Концептуализация отрицания в языке // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы междунар. симпозиума. Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 189.

[7] Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Указ. соч. С. 45.

[8] Там же. С. 42.

[9] Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. С. 66.

[10] Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка / Сб. науч. трудов. Посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005.

[11] Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. С. 83.

[12] Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике / Сб. мат-лов. 26-28 сентября 2006. Тамбов, 2006. С. 34.

2012. Вып. 2 (7). С. 58–65

УДК 8-343.4

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА *САМОПРОСВАТАНЬЕ / СВАТОВСТВО* В ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материалах эпических жанров)

И.П. Черноусова

Аннотация

В статье исследуется концепт самопросватанье / сватовство в русской волшебной сказке и былине. Сравнительный анализ концепта самопросватанье / сватовство в разных эпических жанрах позволил выявить и описать особенности содержания и языкового выражения этого концепта, которые восходят к этнографической реальности, подвергшейся «пересемантизации» в фольклоре.

Одной из важных проблем современной лингвистики, формирующейся в рамках антропоцентрической парадигмы, является выявление специфики национальной концептосферы и составляющих ее концептов. Решение этой задачи возможно, если будут исследованы разные типы концептов в различных языковых и текстовых формах. Актуальным является изучение фольклорных концептов (ФК) – ментальной структуры хранения и передачи традиционных культурных смыслов. ФК явились фактором формирования традиционных формул: типизированный характер семантики устнопоэтических концептов, детерминированный структурой традиции, обусловил образование в их пределах формул как стабильного средства выражения данной семантики. «Специализированным средством выражения традиционных фольклорных концептов явились устно-поэтические формулы – устойчивые языковые и речевые образования» [1]. Традиционные формулы – репрезентанты фольклорных концептов и константы фольклорно-языковой картины мира – части фольклорной картины мира (ФКМ), эксплицируемой в языке фольклора. ФКМ представляет собой фрагмент концептуальной картины этноса, одну из ипостасей картины мира носителей фольклорной традиции. Так как это прежде всего художественная картина мира, ее формирование осуществлялось в результате перекодировки, пересемантизации нефольклорного материала (мифологического и этнографического) через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики [2]. ФКМ – «перекодированная» форма традиционной народной культуры.

Мы исследуем концепт *самопросватанье / сватовство*, получивший языковое выражение в сказке – в лексико-грамматической формуле, характеризующейся воплощением семантически однородного содержания в типовых синтаксических конструкциях, включающих опорные слова и словосочетания, в былине – в формульном диалоге (ФД), характеризующемся типовой последовательностью и типовым соединением реплик, состоящих из традиционных формул.

Материалом для исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания фольклора, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах [3], Великорусские сказки в записях И.А. Худякова [4], Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина [5], Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова в двух книгах [6], Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом в трех томах [7], Древние российские стихотворения, собранные Кир-

шею Даниловым [8], Беломорские былины, записанные А. Марковым [9], Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, в трех томах [10].

Описание обручения в волшебной сказке принадлежит, как считает Е.Н. Трубецкой, «к числу высших откровений сказочной символики» [11]. Из дальних стран прилетают красные девицы в виде уток, колпиц или голубиц на озеро купаться, после чего они вновь из девиц оборачиваются птицами и улетают обратно. По языческим представлениям славян, если человек жил праведно, то душа превращается в голубя, а если в грехе, то в черного ворона или в грустную кукушку [12]. Образ девицы в виде птицы связан с мифологемой «душа – птица». Жених подстерегает их на берегу, выбирает невесту и похищает оставленную ею одежду (сорочку, платье), обувь (туфельки) или крылья, тем самым он пленит ее, лишает возможности отлететь обратно и возвращает ей похищенное лишь под условием обручения. Плененная героем вынуждена предложить ему вступить в родственные или свойственные отношения, тем самым она обязуется оказывать ему в дальнейшем помощь.

Здесь в волшебной сказке отразился существовавший в Древней Руси один из наиболее древних способов заключения брака – похищение невесты женихом у воды, отмеченный и в «Повести временных лет»: «…И ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся». Обряд похищения невесты «у воды» совершался на праздниках в честь богини «женитвы» Лады, которые начинались ранней весной, «на Красную горку», и продолжались до середины лета – дня Ивана Купалы. Но в сказочном мире этот обряд подвергся «пересемантизации» и «формулизации» (Путилов). («Фольклорное творчество вбирает богатый мир этнографической действительности, подвергая его перекодировке» [13]).

Самопросватанье – предложение девушки себя в жены герою. Концепт *самопросватанье* в волшебной сказке выражается лексико-грамматической формулой, образованной при помощи синтаксического параллелизма:

Кто взял мои крылья (сорочку, платье), отзовись (выходи сюда).
Коли (если) [наименование пола и возраста] –
то будь [наименование родства]:
Коли (если) стар(-ый) человек (старичок) – будь мой дедушка (батюшка),
[коли (если) старая старушка – будь моя бабушка (матушка),
если пожилой мужичок – будь мой дядюшка,
если пожилая женщина – будь моя тетушка,
коли средних лет – будешь братец (дядюшка),
коли красная девица – будь родная сестра],
коли ровня мне (добрый / молодой молодец, млад человек) –
будь (будешь) мой (бого)суженый (жених, милый / сердечный друг,
родной / обрученный муж) / пойду за него замуж.

В анализируемой формуле варьируются контекстуальные синонимы: *крылья – сорочка, платье; дедушка – батюшка; бабушка – матушка; братец – дядюшка* (общий традиционный смысл «родственники»); *добрый – молодой; суженый – жених, друг, муж; родной – обрученный*, общеязыковые синонимы: *милый – сердечный* [14], синтаксические синонимы: *отзовись – выходи сюда, старый человек – старичок, молодой молодец – млад человек.*

В приведенной формуле вызова признаки семейного статуса надстраиваются над признаками пола и возраста. «Кто бы ни был таков» персонаж, он либо является родственником или свойственником, либо выдает себя за них, либо оказывается им [15].

«Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек – будешь мне родной батюшка, коли средних лет – будешь братец любимый, коли ровня мне – будешь милый друг!» [16].

«Отзовись, – говорит, – кто взял мои крылышки? Коли стар человек – будь мне батюшка, а старушка – будь мне матушка, коли млад человек – будь сердечный друг, а красная де-

вица – будь родная сестра!» Услыхал эту речь стрелок и приносит ей золотые крылышки. Марья-царевна взяла свои крылышки и промолвила: «Давши слово, нельзя менять; иду за тебя, за доброго молодца, замуж! Вот тебе кустик – ночь ночевать, а другой кустик – мне» [17].

«Кто взял мое платье, отзовись, не бойся! Если ты старый старичок – будь мой дедушка, если старая старушка – будь моя бабушка, если пожилой мужичок – будь мой дядюшка, если пожилая женщина – будь моя тетушка, если же молодой молодец – будь мой суженый» [18].

«Скажись, отзовись, кто взял мои крылышки, если старый старичок – будь мне батюшкой, если средних лет – милым дядюшкой, если ж добрый молодец – пойду за него замуж» <…> «Вот твои крылышки!» – «Ну скажи теперь, добрый молодец, нареченный муж, какого ты роду-племени и куда путь держишь?» – «Я – Иван гостиный сын, а путь держу к твоему батюшке, царю Некрещеному Лбу». – «А меня зовут Василиса Премудрая» [19].

«Если старше меня, будь брат родной, а если ровня моя, так будь муж родной!» [20].

«Хто это надо мной шутит? Стара старушка, дак пусь мне бабушка; буде красна девиця, пусь мне сестриця; а буде молодой молодець, дак пусь мне богосужоной жених. А знаю, хто шутит: Иван хресьёньской сын. А чего ты долго к батюшку не едешь, он по тебе скучаицьця, смотри поежжат за тобой» [21].

Если в сказках к самопросватанью героиню вынуждает герой тем, что он ее пленил, то в былинах женщины сами добровольно проявляют инициативу в любовно-брачных отношениях и сами предлагают себя в жены героям. В волшебной сказке случай, когда героиня в облике животного вынуждает героя взять ее замуж или предлагает сама себя в жены, представлен единичными примерами: *«Лягушка, лягушка! Отдай мою стрелку». Она говорит ему: «Возьми меня замуж!»* [22].

Уточка ему отвечает (говорит): «Не стреляй в меня, возьми меня замуж за себя». Он ей отвечает: «Как мне тебя взять замуж, ты птица, а не человек». Она ему говорит: «Не беспокойся. Если возьмешь, то будет у тебя много птицы» [23].

В исследованном фрагменте сказочной картины мира можно установить пережитки верований и обычаев глубокой древности, следы древнего магического мышления. Любовная связь с чудесной женой, наделенной сверхзнанием и способностью принимать облик птицы / животного (лягушки) оборачивается для героя источником его преуспевания и удачливости. В дальнейшем вещая невеста, ставшая женою, преодолевает все волшебные препятствия на пути суженого, выручает его из всякой беды, исполняет все наложенные на него «службы». Все последующее счастье героя добывается не его собственною силою и подвигом, а достается ему даром, как бы в виде приданого за женою.

Концепт *самопросватанье* в сказке и былине имеет одно и то же значение, но разное языковое выражение.

Самопросватанье отмечено в былинах в разных ситуациях и не имеет формульного выражения.

1) Племянница или дочь князя Владимира Забава Путятична, ослепленная блеском терема, богатством Соловья Будимировича и его красотой, забывает о всяких условностях и приличиях древнерусской свадебной обрядности, которые появились на Руси после принятия христианства, и прямо предлагает себя в жены Соловью. Такое поведение невесты не получает одобрения со стороны жениха:

А говорит тут Забава дочь Путятична:
– Ах, молодец, ты заулишен добр!
Кабы взял за себя, я бы шла за тебя.
Говорит Соловей сын Будимирович:

– А совсем ты мне, Забава, в любовь пришла,
А одным ты мне, Забава, не люба,
Что сама себя, Забава, ты просватываёшь [24].
«Чево-де ты, Запава, испужалася,
Мы-де оба на возрасте».
«А и я-де, девица, на выдонье,
Пришла-де сама за тебя свататься» [25].

2) Забава, освобожденная Добрыней от Змея, предлагает себя в награду, признаваясь ему в любви. Он завоевал ее расположение своим подвигом, но вместе с тем она инстинктивно чувствует, что между нею и Добрыней лежит пропасть. В отказе Добрыни раскрывается то, что их разделяет. Возможность брака героя с девушкой, освобожденной от змея, сознательно отвергается народом в былине, в отличие от сказки.

– За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком, –
И назвать тебя Добрыня нуньчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимыим, –
А назвать тебя Добрыня нуньчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нынь другом да любимыим, –
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
– Ах ты молода Забава дочь Потятична!
Вы есть роду княженецкаго,
Я есть роду христианьскаго.
Нас нельзя назвать же другом да любимыим [26].

3) Марья в облике прекрасной лебеди, которая является ее колдовской личиной, взятой для того, чтобы соблазнить и погубить Потыка, предлагает себя замуж, изъявляет желание принять православную веру и золотой венец. Она выходец из иного царства, которое в былине становится выражением отвратительного, нечистого, недостойного русского человека мира. Героиня, выходец из царства смерти и мрака, является из этого мира и предлагает себя герою в жены, чтобы увлечь его в царство смерти. Борьба за невесту в сказке превращается в борьбу против невесты в былине.

– Ай Михайла Потык сын Иванович!
Не стреляй-ко ты же белою лебёдушки.
Я есть же нонь не белая лебедушка,
Есть же я да красна девушка,
Марья лебедь белая да королевична,
Королевична да я подолянка.
Не убей-ко ты меня же нонь подолянки,
Ты возьми меня нонь во замужество,
Ты свези-тко нонь меня во Киев-град,
Проведи-тко меня в верушку крещоную.
Примем мы с тобою по злату венцю,
Станем мы же век с тобой коротати [27].

4) Маринка дважды в былине предлагает себя Добрыне. Первый раз Добрыня отказывается стать ее любовником. Второй раз Маринка, превратив Добрыню в золоторогого тура, обещает вернуть ему человеческий облик, если он на ней женится. В отличие от сказки, здесь, наоборот, героя вынуждают жениться. Добрыня соглашается, чтобы получить власть и расправиться над Маринкой.

– Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Сделаем, Добрынюшка, со мной любовь!
Отвечает тут Добрыня сын Никитинич:
– Ах ты душенька Маринушка Кайдальевна!
Я тебе-ка-ва не полюбовничок [28].

В третьем и четвертом примерах героини, предлагая себя в жены, не хотят этого брака искренне. Они стремятся к браку, чтобы погубить героя.

В былине кроме самопросватанья чаще встречается сватанье (сватовство) в сюжетах «Дунай», «Иван Годинович», «Женитьба Добрыни» и др.

Сватовство – действие по значению глаголов *сватать* и *свататься;* обряд предложения брака [29]. С точки зрения этимологии, *сватовство* образовано от слова *сват.* Общеслав. является суффиксальным производным от той же местоименной основы, что и *свой.* Ср. *свояк, свойский, свой человек* [30].

Сватовство в былине – обращение сватов (реже жениха) к отцу невесты с разрешением отдать дочь замуж. Концепт *сватовство* в былине выражается ФД, который имеет следующее строение:

[1. – Ты / вы чего / пошто приехал(-и)?]
2. – [Я / мы приехал(-и) о (за) добр-ом(-ым) дел-е(-ом) о (за) сватовств-е(-ом) / сватом (за-/по-)свататься] на твоей дочери / племяннице [называется имя].
Отдай с чести, с радости,
Без бою, драки кроволитные.
Не (от-)дашь с чести, с радости (добром / волей),
Боем [дракой кроволитною / нечестью] возьм-ем(-у)».

В качестве варьируемых элементов выступают синонимы: общеязыковые *(для чего – почто* (устар. и прост.) [31]), синтаксические *(о добром деле о сватовстве – за добрым делом за сватовством – сватом свататься),* словообразовательные *(свататься – засвататься, дашь – отдашь),* контекстуальные *(с чести, с радости – добром, волей* – общее традиционное значение «честное сватовство»; *боем – дракой кроволитною, нечестью* – «нечестное сватовство»).

Б.Н. Путилов отмечал, что «эпос о сватовстве не воссоздает реальный обряд и не следует ему. Но правила и нормы, по которым происходит эпическое сватовство, ситуации, в которые попадают его участники, соотносятся с определенной системой представлений о браке, которые в конечном счете восходят к этнографической реальности и вместе с тем отталкиваются от нее, так что в результате складывается своя «обрядность», соответствующая общим нормам и понятиям эпического мира» [32].

Сватовство в былине оценивается как доброе дело:

«Ты здравствуешь, король е лиховинския!
Мы приехали к тебе о добром деле о сватовстве
На молодой Опраксии королевичной,
За ласкова князя за Владимира» [33].

«Батюшка король хороброй Литвы!
А поехал я за добрым делом, –
Засвататься на твоей дочери на Опраксии» [34].
«Мы за добрым за делом приехали за сватовством» [35].

В этой формуле участие дружины в сватовстве князя представлено как добыча ему невесты путем военного набега. Р.С. Липец отмечает, что это близко к поведению «дружины» жениха в свадебном русском обряде, связанном с архаичными обычаями реального участия группы сверстников в устройстве брака одного из них [36].

– Ай же вы удалыи молодцы!
Вы чего сюда теперь приехали?
– А приехали посвататься
На твоей ли любимой на дочери,
А й на этой Настасье Митриёвичной.
Есть ли волей не дашь, мы боём возьмём.
Испроговорит купец им богатыи:
Ай же вы удалыи добры молодци!
У меня за три годы Настасьюшка просватана
За того царя за Кощерища,
А вы возьмите увезите, вам бог подаст [37].

– Ужъ ты здраствуй-ко, дороднёй доброй молодецъ!
Я не знаю твоёго ни имени, ни отчины,
А не звеличети да по отечесьву. –
«Мня по имени зовутъ Добынюшкой Никитичемъ».
– Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ?
А посломъ ко мнѣ пріѣхалъ пословать изъ города изъ Кіева,
Отъ ласкова князя Владимера? –
«Не посломъ-то я пріѣхалъ къ тебѣ пословать,
Не служить-то я пріѣхалъ вѣрой-правдою,
Я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе.
А отдай-ко ты Настасью за меня всё въ замужесьво,
Ужъ ты съ чести вѣдь за меня, съ радости;
Ише съ чести не отдашь, дакъ я боёмъ возьму,
Съ той да дракой кроволитною» [38].

«Ужъ ты здраствуй-ко, король да Лёховиньськія!»
– Ужъ ты здраствуй-ко, Здунай ты сынъ Ивановичъ!
Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ жа?
А служить-то мнѣ пріѣхалъ всё постарому, попрежному
А да той же вѣрой, всё вѣдь правдою? –
«Не служить-то я пріѣхалъ тебѣ не постарому, не попрежному
Я не вѣрой служить тебѣ, всё не правдою,
Не посломъ-то я пріѣхалъ посланъ жа;
А какъ я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе

На твоей-то на любимою на дочери
А на той жо Опраксеи-королевичьни –
За того жа за нашого князя Владимера,
За Владимера да стольнё-кіевська.
Ты отдай-ко ею съ чести, съ радости,
Безо драки отдай да кроволитныя,
Не проливай крови напрасныя;
Ужъ ты съ чести не отдашь, дакъ мы боёмъ возьмёмъ,
Той да дракой кроволитною» [39].

В былине «Дунай» нашли отражение исторические события (женитьба князя Владимира на Рогнеде – будущей матери Ярослава Мудрого), но с существенными «поправками»: в былине Дунай, а не Добрыня сыграл в сватовстве решающую роль.

Итак, нами отмечены отличия в значении одноименного концепта *самопросватанье* в разных жанрах: в сказке героиню к самопросватанью вынуждает герой, в былине женщины по собственной инициативе предлагают себя в жены героям, в некоторых случаях с целью погубить богатыря. В былине кроме самопросватанья отмечено сватанье (сватовство), которое оценивается как доброе дело, но представлено как добыча невесты путем военного набега. Особенности содержания и языкового выражения этого концепта восходят к этнографической реальности, подвергшейся «пересемантизации» в фольклорном мире. В результате трансформаций древних семейно-брачных обрядов, являющихся пережитками язычества, в сказке и былине создается своя «обрядность», соответствующая нормам фольклорной картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Артеменко Е.Б. Фольклорная формула в аспекте ее функционирования и генезиса // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. II.Воронеж, 2003. С. 64.

[2] Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб, 1994. С. 122.

[3] Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3-х т. Изд. 6-е. М., 1957.

[4] Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. М., Л., 1964.

[5] Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина. М., 1991.

[6] Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: В 2 кн. СПб., 1998.

[7] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е. Т. 1-3. М., Л., 1949–1951.

[8] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., Л., 1958.

[9] Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

[10] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского в 3-х т. Изд. 2-е. М., 1909–1910.

[11] Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Его же. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 477.

[12] Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004. С. 141.

[13] Путилов Б. Н. Указ. соч. С. 117.

[14] Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Около 11 000 синонимических рядов. Изд. 11-е, перераб. и доп. М., 2001. С. 207.

[15] Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 138.

[16] Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. II. С. 187.

[17] Там же. С. 145-146.

[18] Там же. С. 155.

[19] Там же. С. 200.
[20] Великорусские сказки Пермской губернии. № 20.
[21] Северные сказки. № 60.
[22] Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. II. С. 332.
[23] Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. С. 175.
[24] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... Т. III. С. 28.
[25] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 14.
[26] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом… Т. I. С. 139-140.
[27] Там же. С. 159-160.
[28] Там же. С. 125.
[29] Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. III. М., 1983. С. 38.
[30] Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 402.
[31] Александрова З.Е. Указ. соч. С. 147.
[32] Путилов Б.Н. Указ. соч. С. 123.
[33] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом… Т. I. С. 330.
[34] То же. Т. II. С. 185.
[35] Там же. С. 256.
[36] Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 98.
[37] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом… Т. II. С. 674.
[38] Беломорские былины… С. 370.
[39] Там же. С. 395.

2012. Вып. 2 (7). С. 66–75

УДК 374.24

ИНОЯЗЫЧНАЯ ДИСКУССИЯ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Л.Ю. Денискина

Аннотация

В статье приводится педагогически ориентированный анализ понятия «дискуссия», целью которого является уточнение характерных черт, типов, видов и форм дискуссий, используемых на языковых факультетах.

Ключевым элементом нового педагогического мышления, утверждающего полисубъектную сущность образовательного процесса, становится гуманизация, основным смыслом образования – развитие личности. А это означает изменение задач, стоящих перед педагогом. Если раньше он должен был передавать знания, то гуманизация выдвигает другую задачу – способствовать всеми возможными способами развитию интеллектуальных и творческих способностей студентов. Гуманизация требует изменения отношений в системе «преподаватель-студент», установления связей сотрудничества; студент должен стать соавтором преподавателя в учебном процессе. Подобная переориентация влечёт за собой изменение методов и приёмов преподавания.

В настоящее время в методике, педагогике, психологии всё больше внимания уделяется диалогическому взаимодействию на занятии. Проводится множество экспериментов, идёт интенсивный поиск и внедрение различных технологий для построения учебного процесса таким образом, что определённые его этапы будут содержать дискуссионное общение студентов между собой.

Особое место при этом в учебном процессе занимает дискуссия в силу её одновременно обучающих и развивающих возможностей. Однако именно дискуссия разработана недостаточно основательно, а, следовательно, не так часто применяется в учебных заведениях.

К сожалению, зачастую студенты воспринимают как должное то, чему и как их учат, ни в какой мере не претендуют на самостоятельность и независимость от преподавателя. Исполнительность, подражание преподавателю – характерные признаки традиционного обучения. А такие важные структурные элементы свободной учебной деятельности, как целеполагание, планирование, рефлексия, самооценка, практически полностью монополизированы преподавателем. Кроме того, на занятиях иностранного языка продолжают господствовать фронтальные методы работы; учебное взаимодействие развертывается здесь преимущественно между преподавателем и каждым отдельным студентом; основные усилия преподавателя направлены на организацию индивидуальных действий каждого студента; они учатся рядом, но не вместе, не сотрудничая друг с другом.

Чтобы студенты не потеряли интерес к обучению, необходимо построить учебный процесс так, чтобы на некоторых этапах они контактировали не только непосредственно с преподавателем, но и друг с другом. Сегодня надо учить диалогу между людьми, учить сосуществовать и взаимодействовать друг с другом, не столько отстаивать свое мнение, сколько со-

мневаться в нем. Это становится возможным, когда отдельные занятия проходят в форме учебных иноязычных дискуссий.

Понятие «дискуссия» происходит от латинского *discussio* (исследование, рассмотрение, разбор) и означает публичный спор, целью которого является выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск, выявление истинного мнения, нахождение правильного решения спорного вопроса. Это наиболее распространенное определение понятия, которое дается многими словарями.

Дискуссию определяют как «форму организации публичной речи, в процессе которой сталкиваются различные, как правило, противоположные точки зрения» [1], как «одну из важнейших форм коммуникации, плодотворный метод решения спорных вопросов и вместе с тем своеобразный способ познания. Она позволяет лучше понять то, что не является в полной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования» [2]. Дискуссию также считают «эффективным способом убеждения, так как ее участники сами приходят к тому или иному выводу» [3].

Однако в логике данной статьи мы будем рассматривать определения интересующего нас феномена *педагогического* характера. Дискуссия – это «1) способ организации совместной деятельности с целью интенсификации процесса принятия решения в группе; 2) метод обучения, повышающий интенсивность и эффективность учебного процесса за счёт активного включения обучаемых в коллективный поиск истины; 3) психотерапевтический приём воздействия на позиции и установки субъекта в специально созданной дискуссионной группе» [4].

Дискуссия представляет собой серию утверждений, по очереди высказываемых несколькими лицами, общающимися друг с другом. Заявления участников дискуссии должны относиться к одному и тому же предмету или теме. Это придает общению необходимую связность.

Тема дискуссии формулируется в некотором утверждении. Оно исток дискуссии, ее исходный пункт. Б.Ц. Бадмаев и А.А. Малышев предлагают различать три типа дискуссий: 1) императивный (подводит участников к общему согласию); 2) конфронтационный (приводит к четкой формулировке противоположных точек зрения); 3) информационный (позволяет проникнуть в суть спорного вопроса) [5].

Исследователи отмечают несомненное влияние дискуссии на развитие личности, указывая, что особенно при дискуссионном, полемическом обмене мнениями развивается не только сама по себе способность убедительно высказываться, но и мышление.

Итак, дискуссия – это одна из организационных форм обучения, содержанием которой является обсуждение проблемы с целью нахождения компромисса, общего решения путём выявления, сопоставления различных точек зрения.

Однако зачастую понятие *дискуссия* приравнивается и используется как синоним слову *спор*. Иногда её ещё называют *полемикой*, *диспутом*, *дебатами*, *прениями.* Это не совсем верно, так как у полемики, диспута, дебатов, прений несколько иные цели, социальная значимость предмета спора, количество участников, а также форма проведения.

Рассмотрим немного подробней, что стоит за каждым из этих понятий, чтобы окончательно убедиться, что они отнюдь не синонимичны.

Диспут (от латинского *disputare* – рассуждать) первоначально означал публичную защиту научного сочинения, написанного для получения учёной степени. Сегодня диспут – это публичный спор на научную и общественно важную тему.

Полемика носит другой характер. Полемика – это не просто спор, а такой, при котором имеет место конфронтация, противостояние, противоборство сторон, идей, речей. Исходя из этого, полемику можно определить как борьбу принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента. Она отличается от всех других видов спора именно своей целевой направленностью.

Участники дискуссии, сопоставляя противоречивые суждения, стараются придти к единому мнению, найти общее решение, установить истину. Цель полемики иная: надо одержать победу над противником, отстоять и утвердить собственную позицию.

Использование дискуссии как формы учебной работы столь многообразно, а ее название столь популярно, что им нередко обозначают самые разные способы организации учебной деятельности, лишь бы они включали обмен высказываниями. Чтобы разграничить эти виды работы, им даются определения путём выявления и фиксации видимых признаков. В отечественной литературе наиболее полно основы образовательного процесса в форме дискуссии изложены М.В. Клариным [6]. Главной чертой дискуссии, по его мнению, является то, что она представляет собой целенаправленный и упорядоченный обмен идеями, суждениями, мнениями в группе ради поиска истины, причем все – каждый по-своему – участвует в организации этого обмена. Таким образом, дискуссия диалогична по самой своей сути – и как форма организации обучения, и как способ работы с содержанием учебного материала.

Цель проведения дискуссии: развитие критического мышления студентов, формирование их коммуникативной и дискуссионной культуры.

К другим характерным чертам дискуссии М.В. Кларин относит следующие:

1) целенаправленность дискуссии – это не подчинение её задачам, которые важны только учителю, но ясная для каждого ученика устремлённость к поиску нового знания-ориентира (для последующей самостоятельной работы), знания-оценки;

2) взаимодействие в дискуссии строится не просто на поочерёдных высказываниях, вопросах и ответах, но на содержательно направленной самоорганизации обучающихся – то есть их обращении друг к другу для углубленного и разностороннего обсуждения самих идей, точек зрения, проблемы;

3) сущностной чертой дискуссии является диалогическая позиция педагога, которая реализуется в предпринимаемых им специальных организационных усилиях, задаёт тон обсуждению, соблюдению его правил всеми участниками;

4) дискуссия является одной из важнейших форм образовательной деятельности, стимулирующей инициативность обучающихся, развитие рефлексивного мышления;

5) применение дискуссии рекомендуется в том случае, когда обучающиеся обладают значительной степенью зрелости и самостоятельности в приобретении знаний и формулировании проблем, в подборе и чётком представлении собственных аргументов, в предметной подготовке к теме дискуссии;

6) на первых порах использования дискуссии усилия педагога сосредоточены на формировании дискуссионных процедур. Впоследствии в центре его внимания оказывается не только выявление различных точек зрения, позиций, способов аргументации, их соотнесение и составление более объёмного и многопланового видения явлений, но также сопоставление интерпретаций сложных явлений, выход за пределы непосредственно данной ситуации, поиск личностных смыслов. Чем больше обучающиеся приучаются мыслить, исходя из контрастных сопоставлений, тем значительнее становится их творческий потенциал;

7) дискуссия уступает изложению по эффективности передачи информации, но высокоэффективна для закрепления сведений, творческого осмысления изученного материала и формирования ценностных ориентаций.

Дискуссия не должна сводиться к набору монологических высказываний, однако она не предполагает и неупорядоченной многоголосицы. Таким образом, дискуссия должна быть выстроена как групповой диалог, подчинённый определённой задаче. При этом возникают определённые сложности, а именно: как правильно сочетать упорядоченность хода обсуждения с отсутствием регламентации. То есть, с одной стороны, обмен мнениями между участниками должен происходить свободно, – так, что для стороннего взгляда ход обсуждения может показаться хаотичным. А, с другой стороны, хаотичный разброс реплик – крайность, которую нужно избегать, как нужно избегать и другой крайности – сведения дискуссии к по-

следовательному обмену вопросами и ответами между студентами и преподавателем, когда дискуссия перестаёт быть настоящей дискуссией.

Опыт организации дискуссий, накопленный в мировой практике, психолого-педагогических разработках показывает, что дидактические функции дискуссии связывают с двоякого рода задачами.

Так, к задачам, которые решаются в ходе дискуссии, М.В. Кларин относит: 1) задачи конкретно-содержательного плана: осознание обучающимися противоречий, трудностей, связанных с обсуждаемой проблемой; актуализация ранее полученных знаний; творческое переосмысление возможностей их применения, включения их в новый контекст и т.д.; 2) задачи организации взаимодействия в группе (подгруппе): распределение ролей в группах-командах; выполнение коллективной задачи; согласованность в обсуждении проблемы и выработка общего, группового подхода; соблюдение специально принятых правил и процедур совместной поисковой деятельности и т.д.

Педагогически важными являются результаты, получаемые «на пересечении» конкретно-содержательной деятельности и деятельности по взаимодействию в группе:

- переработка сведений, информации специально для убедительного изложения;
- представление своей точки зрения как позиции, её аргументация;
- выбор и взвешивание подходов к решению проблемы;
- возможное применение подхода или точки зрения как результат осознанного выбора и т.д.

Анализ работ, посвященных учебной дискуссии, позволяет утверждать, что до сих пор нет ее единой классификации, что авторы выделяют различные виды дискуссии, беря за основу разные критерии [7].

Таблица

Классификация видов дискуссии

Автор классификации	*Критерий, положенный в основу классификации*	*Виды дискуссии*
Поль Сопер	количество участников	*массовая *групповая *симпозиум
М.В. Кларин	степень инициативности участников	*дискуссия с преподавателем в роли ведущего («эволюционирующая») *дискуссия с учащимся в роли ведущего *дискуссия без ведущего (самоорганизующаяся)
С.И. Поварнин	цель	*из-за истины *для убеждения кого-либо *для победы *спор ради спора
	количество участников	*спор-монолог (человек говорит сам с собой) *спор-диалог *спор-полилог массовый групповой
	фактор организации	*организованная *неорганизованная (стихийная)
	форма ведения	*устная *письменная (печатная)

Изучив предложенные классификации и критерии, положенные в их основу, мы приходим к выводу, что критерием, адекватным задачам проведения дискуссии, можно считать уровень ее организации. Мы не можем брать в качестве критерия количество участников, так как участвовать должны все и пассивных слушателей не должно быть (классификация П. Сопера).

Говоря о классификации М.В. Кларина, мы считаем допустимым проведение дискуссии со студентом в качестве ведущего (особенно на 4-5 курсах), в то время как дискуссии без ведущего по понятным причинам лучше избегать.

Как мы уже выяснили, функциями дискуссии являются установление взаимоотношений в группе, мотивация к высказыванию пассивных участников, проверка усвоения материала, уровня развития навыков и умений, следовательно, все студенты должны принимать участие в обсуждении. Чтобы развивать самостоятельность в подготовке, защите собственной точки зрения, поисковую активность, можно организовать дискуссию таким образом, что каждый студент будет иметь возможность высказаться перед всей аудиторией. Таким образом, возможно провести дискуссию, не деля всех участников на малые группы.

Однако в современном обществе очень важно уметь работать в группе, уметь быть частью коллектива, поэтому для проведения некоторых других дискуссий всех участников можно разделить на две-три малые группы в зависимости от того, сколько точек зрения предполагает тема. Дело в том, что некоторые проблемы будут настолько спорными, что выявится очень много различных позиций по отношению к ним, в то время как другие проблемы будут предполагать лишь две-три. И в этом случае предпочтительным кажется выделение групп; внутри каждой будет сформирована общая точка зрения, которая затем будет представлена всей аудитории одним или двумя представителями группы.

Рассмотрим теперь возможные *формы дискуссии*, которые предлагает М.В. Кларин:

- *круглый стол* – беседа, в которой «на равных» участвуют все члены небольшой группы (обычно около пяти человек) и во время которой происходит обмен мнениями, как между ними, так и с «аудиторией» (остальной частью учебной группы);

- *заседание экспертной группы* – обычно 4-6 участников с заранее назначенным председателем: вначале всеми участниками группы обсуждается намеченная проблема, а затем они излагают свои позиции всей аудитории. При этом каждый участник выступает с кратким сообщением;

- *форум* – обсуждение, сходное с «заседанием экспертной группы», в ходе которого эта группа вступает в обмен мнениями с аудиторией (учебной группой);

- *консилиум* – анализ рассматриваемой проблемы с различных ролевых позиций участников обсуждения. На консилиуме рассматриваются различные аспекты проблемы, не противоречащие друг другу, а взаимодополняющие за счет педагогически целесообразного распределения ролей;

- *мозговой штурм* – предполагает поиск решения за счет выдвижения идей участниками обсуждения. Его ценность в том, что каждый участник имеет возможность предложить самое смелое решение и ожидать, что оно будет обсуждено.

Необходимо отметить, что обсуждение может предварять дискуссию. В педагогической литературе описаны такие формы дискуссии:

- *дебаты* – явно формализованное обсуждение, построенное на основе заранее фиксированных выступлений участников – представителей двух противостоящих, соперничающих команд – и опровержений;

- *судебное заседание* – обсуждение, имитирующие судебное разбирательство (слушание дела).

Мы составили наиболее подробный перечень различных видов обсуждения, хотя в практике они нередко обозначаются одним и тем же словом – *дискуссия.* Несколько особняком среди них стоит так называемая «техника аквариума».

Такое название получил особый вариант организации коллективного взаимодействия, который выделяется среди форм учебной дискуссии. Эта разновидность дискуссии обычно применяется при работе с материалом, содержание которого связано с противоречивыми подходами, конфликтами, разногласиями.

Процедурно «техника аквариума» выглядит следующим образом:

1) постановка проблемы, ее представление группе исходит от преподавателя;
2) преподаватель делит группу на подгруппы. Обычно они располагаются по кругу;
3) преподаватель либо участники каждой из групп выбирают представителя, который будет сообщать позицию группы другим участникам;
4) группам дается время, обычно небольшое, для обсуждения проблемы и определения общей точки зрения;
5) преподаватель просит представителей групп собраться в центре аудитории, чтобы высказать и отстоять позицию своей группы в соответствии с полученными от нее указаниями. Кроме представителей, никто не имеет права высказаться, однако участникам групп разрешается передавать указания своим представителям записками;
6) преподаватель может разрешить представителям, равно как и группам, взять таймаут для консультаций;
7) «аквариумное» обсуждение проблемы между представителями групп заканчивается либо по истечении заранее установленного времени, либо после достижения решения.

После такого обсуждения проводится его критический разбор всеми участниками. Данный вариант проведения дискуссии интересен тем, что здесь делается упор на самом процессе представления точки зрения, ее аргументации. Включенность всех участников достигается участием каждого в начальном групповом обсуждении, после чего группа заинтересованно следит за работой и поддерживает связь со своими представителями. В поле внимания всех участников находятся всего пять-шесть говорящих, это сосредоточивает восприятие на основных позициях. Последующее обсуждение позволяет преподавателю выделить как содержательные, так и процедурные моменты дискуссии. «Техника аквариума» не только усиливает включенность студентов в групповое обсуждение проблем, развивает навыки участия в групповой работе, совместном принятии решений, но и дает возможность проанализировать ход взаимодействия участников на межличностном уровне.

Минусом данной техники можно назвать большие временные затраты на подготовку и проведение дискуссии и недостаточный уровень сформированности у студентов умений ведения дискуссии как в языковом плане, так и в психологическом.

М.В. Кларин считает, что возможно сочетать дискуссию с другими видами нестандартной работы. Так, он предлагает учителям *проблемную дискуссию с выдвижением проектов*. Эта модель была развита в преподавании естественно-научных дисциплин в духе проблемного обучения, направленного на развитие у учащихся видения проблемы, опыта поиска решений, воплощения идей в виде проектов. Такое содержание учебной работы было развернуто в разработках педагогов, которые стремились преодолеть пассивность детей при фронтальной, общеклассной организации обучения. Данный подход кажется особенно удачным, потому что все занятия в рамках нашей методики – проблемны, т.е. студенты вместе с преподавателем стараются найти решение определенной проблемы, поставленной на занятии; потому что содержание учебного материала содержит противоречия, которые нужно разрешить в течение занятия. Все эти решения как раз можно проработать в имитируемых, а возможно, и в реально воплощаемых проектах. Ход данной дискуссии во многом аналогичен обсуждению в обычной дискуссии, однако здесь преподаватель уделяет относительно меньше внимания процедурам взаимодействия, больше сосредотачиваясь на выдвижении идей, которые будут впоследствии развернуты в конкретные *задания–проекты*. В подобном варианте дискуссия направлена не столько на общую ориентацию в спектре возможных подходов и их аргументации, сколько на переработку самого содержания каждого из подходов, намеченных при об-

суждении. Нам видится, что такая модель дискуссии носит скорее неорганизованный характер в том смысле, что студент заранее не знает темы и вопросов для обсуждения, не знает своей роли. Однако ему дается задание на дом просмотреть и повторить весь пройденный материал по циклу проблем. Тогда одна из основных функций этой модели дискуссии – систематизация и обобщение, а так же контроль усвоенного речевого материала.

Постановка проблемы исходит от преподавателя в начале мероприятия. Он может назвать конкретную проблему (например, «Почему проблемы экологии актуальны для нашего города?»). Вначале студенты работают индивидуально: каждый записывает приходящие в голову идеи. После того как студенты записали свои идеи, преподаватель делит ребят на небольшие группы (по четыре-пять человек) и дает им задание просмотреть все записи, выбрать однудве продуктивные идеи и развить их. Каждая группа выделяет представителя, который изложит предлагаемые соображения всей аудитории. Студенты в течение десяти-пятнадцати минут обсуждают идеи в группах, специально проговаривая подходы к их воплощению. Преподаватель наблюдает за работой группы, и когда она подходит к концу, просит студентов перейти к общему обсуждению, в котором позицию каждой группы представляет один участник. Время выступления ограничивается, что побуждает докладчика сосредоточиться на главном и избрать емкий, лаконичный и выразительный способ изложения.

После выступления представителей всех групп преподаватель просит ребят подумать, какие из идей стоило бы реализовать на практике. Продумывание может быть коллективным и проходить в форме общей дискуссии в течение заранее оговоренного времени (обычно около 10-15 минут). На этом работа над данной проблемой может закончиться. Однако возможен переход к следующему этапу после того, как студенты остановились на тех идеях, воплощение которых им кажется наиболее плодотворным. Преподаватель просит их разбиться на группы и распределить необходимые дела в виде групповых заданий-проектов. Выполнение таких заданий может проходить и за пределами аудитории, вне учебного заведения.

Так, после обсуждения причин загрязнения городской среды, одна группа студентов может взять на себя опрос городских жителей о насущных экологических проблемах (предварительно составив список вопросов), другая группа – представить дайджест публикаций из периодических изданий разного уровня, где затрагиваются аналогичные проблемы, третья – изложить «официальную точку зрения», т.е. мнение городских властей о существующих проблемах и путях их решения и т.д.

При всех возможных вариантах данный способ организации занятия ориентирован прежде всего на выдвижение творческих идей и их последующую разработку. Важная организационная черта: последовательное сочетание индивидуальной работы (первичное выдвижение идеи), работы в малых группах и, наконец, общегруппового обсуждения. В результате идеи, высказываемые каждым студентом, впрямую или в преобразованном виде включаются сперва в обсуждение в малой группе, затем в общую дискуссию. В результате более замкнутые, стеснительные участники будут постепенно привыкать ко все большей аудитории, получая психологическую уверенность в своих силах, и не будут исключаться из хода обсуждения. Кроме того, очень важно, что весь материал будет повторен, переосмыслен, проговорен еще несколько раз, что позволит восполнить возможные пробелы в знаниях некоторых студентов, которые по какой-либо причине что-то не усвоили.

М.В. Кларин выделяет также дискуссию в сочетании с игровым моделированием. Подобная модель так же дает широкие возможности, так как и дискуссия и деловая игра имеют целый ряд преимуществ. Мы уже говорили о преимуществах дискуссии, поэтому хотелось бы остановиться немного подробнее на преимуществах, которые дает нам также использование деловой (ролевой) игры как формы проблемного обучения.

1) Игра – это всегда «радость», удовольствие, положительные эмоции». В игре человек «выше самого себя обычного» (Л.С. Выготский).

2) Игра связана с возникновением игрового интереса, характеризующегося:

- удовольствием от контактов с партнерами по игре;
- удовольствием от демонстрации своих возможностей как игрока партнерам;
- азартом ожидания непредвиденных игровых ситуаций и последовательных разрешений в ходе игры;
- необходимостью принимать решения в сложных и часто неопределенных условиях;
- удовлетворением успеха – промежуточного или окончательного;
- удовольствием от необычной формы получения знаний, развития умений.

3) Условность игровой деятельности способствует раскрепощению интеллекта, преодолению психологического барьера общения, снятию многих комплексов.

4) Учебные задачи выступают перед игроком не в явном виде. Играя, он не ставит учебных задач, но в результате игры он обязательно чему-то научается.

5) Более тонко и особенно четко начинает работать память, мышление, внимание, воображение.

6) Игра повышает мотивацию (коллективную и индивидуальную, социальную и профессиональную, результативную и процессуальную, мотивацию достижения успеха и познавательную»).

7) Игра вызывает большую познавательную активность.

8) Игра способствует формированию и сплочению коллектива.

9) В деловой игре усваиваются знания, и они усваиваются не «про запас», не для будущего применения, не абстрактно, а в динамике развития сюжета игры.

10) Знания прочно закрепляются, так как они получены путем напряженных усилий своей собственной мысли, в условиях, максимально приближенных к реальным.

Таким образом, становится совершенно очевидным использование дискуссии в сочетании именно с деловой игрой.

Преподаватель заранее дает тему и дает время подумать дома, определить свою позицию. Опять же заранее выясняет сколько «лагерей» в результате образуется. Это необходимо для того, чтобы затем быстро на мероприятии разделить студентов на группы для обсуждения. Обязательно нужно выбрать тему с таким расчетом, что должно быть три различные позиции по проблеме, иначе успеха не будет.

Перед началом обсуждения преподаватель напоминает тему, ставит вопросы для обсуждения, делит участников на группы, для каждой из них определяется своя роль, которую студенты должны будут разыгрывать.

Группы располагаются в разных участках аудитории. Каждая группа выбирает лидера, представляющего интересы всей группы на дальнейшем обсуждении. В течение 10 минут студенты обсуждают свою позицию, вырабатывают свою аргументацию. Лидеры каждой группы посылают от двух до четырех «дипломатов» для предварительных переговоров. Посланники должны выяснить отношения будущих партнеров по обсуждению к поставленным вопросам и убедить их изменить свои позиции при помощи как аргументации, так и взаимных уступок. Преподаватель переходит от группы к группе, наблюдает за ходом работы, отвечает на вопросы, сообщает недостающие сведения, побуждает студентов к самостоятельным решениям.

Затем группы прекращают обмен «дипломатами» и проводят внутреннее обсуждение, пытаясь определить возможное поведение партнеров в последующей дискуссии.

После этого каждый лидер представляет позицию своей группы с возможными внесенными поправками, отстаивая свой вариант, свою точку зрения. Противники могут критиковать, предлагать свои конструктивные решения.

В заключение подводятся итоги, обсуждаются возможные соглашения, которых удалось достигнуть.

И, наконец, в качестве третьего варианта модели учебной дискуссии предлагается направляемая (структурированная) дискуссия как учебный спор-диалог. Разработка данного вари-

анта проводилась в исследованиях психологов и педагогов, работавших на протяжении 80-х гг. XX в. с группами учителей в США и Канаде. Результатом продолжавшихся более десяти лет дидактических разработок стала своеобразная модель учебного спора-диалога.

Характерные черты модели лучше всего вырисовываются в сопоставлении с другими видами учебной деятельности, включающими обсуждение. В принципе дискуссию можно рассматривать как используемое в учебных целях столкновение точек зрения, выводов и умозаключений, которые не совместимы друг с другом, так что придерживающиеся их участники стремятся выработать общую точку зрения.

Для уяснения специфики структурированный учебный спор-диалог можно сопоставить с такими способами учебной работы, как достижение консенсуса и дебаты. Так, например, поиск компромиссов (достижение консенсуса) означает свертывание дискуссии ради выработки компромиссной единой точки зрения для общего подхода. Дебаты связаны с выбором фигуры эксперта, который оценивает выдвигаемые точки зрения. По сути дела нередко преподаватель выступает именно в роли такого эксперта-судьи, превращая тем самым дискуссию в дебаты. И, конечно, наибольший контраст учебному спору-диалогу составляет индивидуальная работа студентов с учебными материалами без обмена мнениями, взаимодействия друг с другом.

Подобная модель дискуссии позволяет актуализировать и устно воспроизвести изучаемые сведения, отстоять свою точку зрения, обменяться знаниями с другими участниками. Сюда также входят анализ, критическая оценка и отбор информации, построение индуктивных и дедуктивных умозаключений, синтез, интеграция имеющихся сведений, выработка фактических и оценочных заключений и, наконец, выработка итоговой, общей точки зрения, вызывающей согласие всех сторон.

В организации учебного процесса по модели «учебный спор-диалог» можно выделить несколько основных моментов.

1) Выбор темы. Критерием отбора является возможность преподавателя подготовить две подкрепленные учебными материалами (т.е. аргументируемые) расходящиеся позиции, точки зрения. Эти позиции, естественно, должны быть доступны освоению студентами.

2) Подготовка учебных материалов. Для каждой из двух отраженных в учебном споре-диалоге позиций обычно готовятся следующие материалы: постановка задачи для каждой из команд; описание последовательности спора-диалога, а также тех совместных действий, которые входят в каждый из его этапов; характеристика отстаиваемой позиции, сопровождаемая перечнем основных аргументов в ее пользу; по возможности источники данных.

3) Организация самого спора-диалога. Важнейшим требованием является создание обстановки сотрудничества, а также разнородность состава подгрупп. Обычно, чтобы создать нужную обстановку, преподаватели прибегают к случайному распределению студентов на подгруппы, дают установку на то, чтобы подгруппа обязательно выработала общее мнение, а также подготовила общий доклад, на основе которого оценку получают все члены подгруппы. Исследователи особенно настоятельно отмечают значение разнородности подгрупп: юноши-девушки; дети из богатых и малообеспеченных семей, различных этнических групп. Разнородность усиливает поляризацию точек зрения в подгруппе и, в конечном итоге, помогает прийти к лучшему пониманию того, как можно выявлять и преодолевать расхождения и разногласия.

4) Руководство ходом спора-диалога. Преподаватель инструктирует участников обсуждения в парах, выделяя при этом следующие основные моменты:

- освоение точек зрения;
- изложение точек зрения;
- обсуждение проблемы;
- смена точек зрения;
- выработка решения.

В заключение хотелось бы заметить, что учебная дискуссия является очень сложной организационной формой, поскольку требует решения речемыслительных задач средствами иностранного языка, овладения специальными дискуссионными умениями и определенной предварительной работы, в процессе которой происходит целенаправленная подготовка студентов к обсуждению проблемы.

Поначалу, трудности и неудачи в проведении иноязычных дискуссий неизбежны, поскольку эта форма общения является одной из самых непрогнозируемых по результатам. Вместе с тем, дискуссия – одна из наиболее интересных и захватывающих форм общения, которая имеет место практически во всех сферах человеческой деятельности. Ее систематическое использование на занятиях приведет студентов к осознанию и принятию факта существования множественности позиций, взглядов, систем ценностей, к формированию собственной коммуникативной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бадмаев Б.Ц., Малышев А.А. Психология обучения речевому мастерству. М., 1999. С. 210.

[2] Горский Д.П. и др. Краткий словарь по логике. М., 1991. С. 46-47.

[3] Оконь В. Введение в общую дидактику. М., 1990. С. 217-236.

[4] Рогов Е.И. Дискуссия // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 272.

[5] Бадмаев Б.Ц., Малышев А.А. Указ. соч. С. 211.

[6] Кларин М.В. Инновации в обучении: метафоры и модели: Анализ зарубежного опыта. М., 1997. С. 181-212.

[7] Кларин М.В. Указ. соч.; Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996; Сопер П. Основы искусства речи. М., 1995.

2012. Вып. 2 (7). С. 76–81

УДК 410

ТЕХНИКА АДАПТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ЯЗЫК КОМИКСОВ НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ ГИ ДЕ МОПАССАНА «ПЫШКА»

Г.Н. Завьялова

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению комикса как особого поликодового текста, выявлению его основных композиционных элементов, а также анализу основных механизмов информационной и языковой компрессии текста, лежащих в основе переложения литературного текста на язык комикса, на материале комикса Ли-Ан по одноименной новелле Ги де Мопассана «Пышка».

На протяжении последнего столетия было создано немало специфических поликодовых систем, построенных на соединении текстов различной семиотической природы. Важное место в современной культуре заняли такие средства массовой коммуникации как комикс. Сегодня комикс делает первые шаги по просторам российской культуры, он восторженно принят подрастающим поколением, но вызывает настороженное отношение у филологов, видящих в нем конкурента художественной литературы. Комиксы стали сферой научных интересов многих лингвистов. Общая теория комикса была разработана такими лингвистами, как Ж. Дюран (J.-B. Durand), Ж. Шнайдер (J.-B. Schneider). В отечественной лингвистике проблемами поликодовых текстов занимался А.Г. Сонин. Проблема комикса как литературного текста изучалась S. Mac Cloud, C. Cadet, R. Charles. Лингво-стилистический и структурно-композиционный анализ новеллы Ги де Мопассана «Пышка» изучался в работах А.В. Маркина, З.И. Хованской, Л.Л. Дмитриевой.

В последнее время широкое распространение во Франции получило явление переложения литературных произведений на язык комиксов. Систематический характер этот вид адаптации получил лишь во второй половине XX в. с признанием комикса особым элементом западной культуры. Первая систематизированная коллекция под названием Classiques en Images вышла в конце 40-х гг. во Франции и предложила на суд аудитории переложение классических пьес Корнеля, Расина и Мольера. В работе над этим проектом приняли участие признанные мастера жанра, а его успех привел к созданию в 1954 г. новой серии, Aventures mondiales, в рамках которой за 5 лет вышло около 30 альбомов с произведениями самых разных авторов: от Флобера до Пушкина, от Стивенсона до Мериме. Во Франции существует специальная организация, занимающаяся адаптациями литературных произведений на язык комиксов, «Romans de toujours» [www. romans-de-toujours.com]. Уже адаптированы произведения Л. Толстого, Ж. Верна, В. Гюго, Г. де Мопассана и других классических авторов. Но до настоящего времени не выявлены и не уточнены механизмы, лежащие в основе адаптации литературных произведений на язык комиксов.

Комикс – особая повествовательная форма, обладающая максимальной очевидностью означаемого, которая достигается за счет своеобразного кода, построенного на сопряжении вербального и пиктографического, на изоморфизме текста, рисунка, идеограммы [1]. Комикс – это жанр современного искусства, сочетающий изобразительный ряд с литературным текстом. По мнению А.Г. Сонина, за последнее столетие цивилизация породила три общественно значимых феномена, официально занесенных в список искусств: это кино, телевидение и комикс. Нетрудно заметить, что все три производят «гибридные вербально-иконические» тексты [2].

Основными композиционными элементами комикса являются: страница, кадр, баллон, текст внутри баллона, эллипсис.

- **Страница как базовое повествовательное объединение в комиксе** называется планшет (planche). Все страницы комикса связаны между собой единством места, времени и общность героев.
- **Кадр является минимальным структурным элементом повествования** («case» или «vignette»). Кадры связаны между собой пространственным синтаксисом, который называется монтажом («montage»). Монтаж придаёт странице одновременно повествовательное, ритмическое и эстетическое единство.
- **Баллон как носитель текстовых сообщений**, включает в себя речи персонажей. Они играют большую роль в композиции кадра, поэтому баллон не только участвует в композиции, но и может помочь в ее построении.
- **Текст внутри баллона как литературная составляющая комикса.** Человек, читающий комикс, видит на рисунке текст, ремарки, реплики персонажей, надписи, вывески, таблички.
- **Эллипсис как средство связи между кадрами**. В своем труде «Невидимое искусство» Скотт Макклауд привлекает внимание читателя к основному механизму при прочтении комиксов – эллипсису. Кадры комикса разделяют одновременно и пространство, и время, предлагая читателю просмотреть лишь отдельные моменты, не связанные между собой. Но механизм эллипса позволяет читателю связать все эти моменты, добавляя недостающие, чтобы полностью смоделировать ситуацию.

Выделяется 5 типов связывания между двумя кадрами:

- момент за моментом – действие мало меняется в двух соседних кадрах;
- действие за действием – более существенная разница между двумя кадрами;
- от одного объекта к другому – фокализация меняется в пределах одной темы, читатель должен установить связь между кадрами, чтобы повествование имело смысл;
- от сцене к сцене – события кадра очень удалены друг от друга, требуются усилие и дедукция, чтобы обнаружить связь между кадрами;
- от фиксированной точки к фиксированной точке – связь между различными моментами одного события.

Автор, создающий комикс с помощью этих способов связывания, увеличивает сложность прочтения произведения.

Соотношение композиционных элементов новеллы и комикса.

Всю новеллу можно разделить на 8 периодов, которые соответствуют определенным пунктам композиционного строения произведения. В комиксах этим периодам соответствует определенное количество страниц с кадрами, которые должны количественно соответствовать количеству страниц в новелле.

Композиционный анализ новеллы и комикса «Пышка»

Период	Эпизоды	Кол-во страниц в новелле	Кол-во страниц в комиксе	Кол-во кадров
1. Начальная ситуация (Situation initiale)	1.Вторжение прусских солдат в Руан (L'invasion des Prussiens à Rouen).	5	4	23
	2.Первый день в дилижансе, знакомство путешественников. (La 1ère journée en diligence: les voyageurs font connaissance)	11	14	126
	3.Первая ночь в гостинице (La première nuit à l'auberge)	8	6	61
2. Завязка (Eléments perturbateurs)	1. Прусский офицер запрещает вновь отправиться в путешествие. L'officier allemand refuse de laisser repartir les voyageurs.	3	3	31
	2.Путешественники узнают причину отказа офицера. (Les voyageurs apprennent la cause du refus de l'officier)	2	2	25
3. Развитие действия (Dynamique d'actions	1.Третий день в гостинице. Начало заговора. (Troisième jour à l'auberge. Complot.)	8	6	58
4. Разрешение конфликта (Résolution)	1.Четвертый день. Пышка уступает уговорам путешественников. (Quatrième journée : Boule de Suif cède)	3	5	50
5. Финальная ситуация (Situation finale)	1.Отправление дилижанса и унижение Пышки (Cinquième jour : départ de l'auberge et humiliation de Boule de Suif)	4	6	53

Анализ комикса и развития действия новеллы показал, что действие по комиксу не нарушено в своей последовательности, все описано достаточно подробно, насколько это позволяют средства комикса. Сохранены все структурно-композиционные элементы, их объем в новелле соответствует объему в комиксе.

Французский исследователь Ж. Трамсон выделяет два типа адаптации: текстуальный (буквальный) и поэтический (критический) [3]. Наиболее распространенной формой является текстуальная адаптация, которая позволяет выделить ключевые сцены произведения, что не позволяет потерять нить повествования. Буквальные адаптации объединяют текст, слабо компенсируя это введением пиктографического компонента. Адаптация новеллы Ги де Мопассана «Пышка» является именно текстуальной адаптацией. Что касается другого типа адаптации – поэтического, то здесь первостепенную важность приобретает верность духу, а не букве оригинала. Такое переложение возможно лишь на основе глубокого понимания эстетических и этических ценностей, заложенных автором произведения. К таким адаптациям

можно отнести «Одиссею» Лоба и Пишара. В них герои, не теряя своих корней и своеобразия, становятся ближе к современному читателю. Настоящее мастерство автора комикса проявляется при этом в умении передать воспринятый им на основе символической интуиции авторский смысл через средства, отличные от средств художественной литературы, вызвав у читателя реакцию, аналогичную той, что возникает при прочтении оригинала.

Компрессия как метод сокращения объема текста.

Компрессия представляет собой упрощение, обусловленное законом речевой экономии, требованиями жанра, особенностями информационного носителя в процессе обработки или порождения текста. Она осуществляется за счет повышения информативности языковых единиц и элиминирования тех компонентов, которые могут быть восстановлены из невербальной части текста, без изменения его информационной стороны. Текст до и после компрессии несет одну и ту же информацию об объекте описания. Но, уменьшая число языковых компонентов (морфем, слов, предложений), компрессия оказывает существенное влияние на сигнификативную сторону текста, перестраивая его грамматическую и семантическую структуру. В процессе перестройки компрессируемые компоненты «передают» свои функции остальным компонентам, функциональная нагрузка которых значительно возрастает.

Предельное количество опускаемой информации зависит от текстовой нормы. В разных текстах она будет разной. В целом компрессия текста выражается в уменьшении формально-грамматических средств связи и повышении информативности речевых единиц.

Выделяются информационная (содержательная) и языковая компрессия текста.

Среди **информационных** приемов компрессии текста основными являются:

- Разделение информации на главную и второстепенную, исключение несущественной и второстепенной информации:

Новелла	Комикс (стр. 9, кадр 1)
Sa réputation de filou était si bien établie, qu'un soir **à la préfecture**, M. Tournel, auteur de fables et de chansons, esprit mordant et fin, une gloire locale, ayant proposé aux dames qu'il voyait un peu somnolentes de faire une partie de **"Loiseau vole"**, le mot lui-même vola à travers **les salons du préfet**, puis, gagnant ceux de la ville, avait fait rire pendant un mois toutes les mâchoires de la province.	- Tu sais ce que l'on dit dans les salons **de la préfecture.** - Et il jouait à **Loiseau vole**?

- свертывание исходной информации за счет обобщения (перевода частного в общее):

Новелла	Комикс (стр. 15, кадр 3)
Tout le monde souffrait comme lui depuis longtemps, et le **violant besoin de manger,** augmantant toujours, avait tué les conversations	j'ai faim

Языковая компрессия может проявляться на фонетическом, морфологическом, лексическом, словообразовательном, синтаксическом и семантическом уровнях.

1. Фонетическая компрессия проявляется в нарушении фонетической нормы в связи с быстрым потоком речи и некоторой степенью ее развязности.

2. Морфологический уровень характеризуется использованием особых морфем для создания усеченных разговорных форм слов и высказываний.

3. Лексический уровень отмечается использованием кратких, часто одноморфемных слов, слов широкой семантики, междометий, местоимений и т.д.

замена предложения или его части указательным местоимением:

Новелла	Комикс (стр. 6, кадр 3)
Il était parfois bien élevé, et, par politesse, plaignait la France, **disait sa répugnance en prenant part à cette guerre.**	L'officier ulhain qui loge chez nous est très agréable. Et poli avec **ça.**

замена фрагмента предложения синонимичным выражением:

Новелла	Комикс (стр. 10, кадр 3)
Par un hazard étrange, toutes les femmes se trouvaient sur le même banc: la comptesse avait encore pour voisine **deux bonnes soeurs qui égrenaient de long chapelets en marmottant des Pater et des Ave.**	Et juste à côté de la fortune - **la religion**.

4. Синтаксическая компрессия предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллипсиса, грамматической неполноты, бессоюзия. Под синтаксической компрессией понимаются также упрощение, членение, парцелляция, присоединение и другие процессы, способствующие уменьшению размера высказывания.

- исключение уточняющих и поясняющих конструкций:

Новелла	Комикс (стр. 12, кадр 7)
Quant à Loiseau, il s'était arrangé pour **vendre** à l'Intendance française tous les **vins communs** qui lui restait en cave, de sorte que **l'Etat lui devait une somme formidable** qu'il comptait **bien toucher au Havre**	-C'est comme moi. **L'armée me doit une somme formidable. Je lui ai vendu tout mon vin commun et j'espère bien être payé au Havre!**

- исключение фрагмента предложения:

Новелла	Комикс (стр. 9, кадр 7)
Il était resté, **tout le temps de l'Empire**, chef de l'opposition bienveillante, uniquement pour **se faire payer plus cher son raillement à la cause qu'il combattait avec des armes courtoises.**	Et, en effet, M. Carre-Lamadon **sut monnayer grassement son raillement à l'emperieur.**

- слияние нескольких предложений в одно:

Новелла	Комикс (стр. 6, кадр 2)
La ville même reprenait peu à peu de son aspect ordinaire. Les Français ne sortaient guère encore, mais les soldats prussiens grouillaient dans les rues. Du reste, les officiers de hussards bleus, qui traînaient avec arrogance leurs grands outils de mort sur le pavé, ne semblaient pas avoir pour les simples citoyens énormément plus de mépris que les officiers de chasseurs, qui, l'année d'avant, buvaient aux mêmes cafés.	- **Finalement qu'ils soient français ou prussiens, les officiers sont tous les mêmes.**

- замена сложноподчинённого предложения простым:

Новелла	Комикс (стр. 13, кадр 5)
…mais **ils ne trouvèrent même pas de pain**, car le paysan, défiant, cachait ses résèrves dans la crainte d'être pille par les soldats qui, n'ayant rien à se mettre sous la dent, pregnant par force ce qu'ils découvrait.	-Alors? - Rien. - **Pas même de pain.**

Однако авторы комикса не ограничились методами языковой и информационной компрессии текста. Среди других методов, использованных авторами, можно выделить следующие: переход текста в изображение, переход текста в прямую речь, авторские добавления.

1. Переход текста в изображение.

Так, например, слова новеллы: «L'homme reparut avec sa lanterne tirant au bout d'une corde un cheval triste qui ne venait pas volontiers» в комиксах не находит вербального отражения, имеется изображение кучера, ведущего лошадь к экипажу.

2. Переход текста в прямую речь.

Новелла	Комикс
Loiseau affirma qu'il payerait mille francs pour un jambonneau.	- je donnerais bien mille francs pour un jambonneau (стр.14, кадр 8)
Mais Boule de suif, d'une voix humble et douce, proposa aux bonnes soeurs de partager sa collation.	Mes soeurs? Peut-etre que vous aussi?

3. Авторские добавления.

Так, например, в новелле нет слов: «Et bien, Jaques, tu en a une sacrée diligence, là!», которые в комиксе выполняют связывающую функцию.

Анализ комикса показал, что авторы используют для адаптации методы как языковой, так и информационной компрессии. Таким образом, текст в комиксе не только значительно сократился в объеме, подчиняясь структурным особенностям комикса, но также стал менее стилистически маркированным, в отличие от текста оригинала.

Комикс представляет собой особую повествовательную форму, которая достигается за счет своеобразного кода, построенного на сопряжении вербального и пиктографического, на изоморфизме текста, рисунка, идеограммы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сонин А.Г. Комикс как новая форма художественного повествования // Культура и текст. Вып. 2. Лингвистика. Часть 1. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 1996.

[2] Там же.

[3] Tramson J. Adaptation et traduction: quelles contraintes pour la littérature de jeunesse? // Adaptation et traduction: itinéraires et contacts de cultures. № 33. 1998. C. 84.

2012. Вып. 2 (7). С. 82–87

УДК 410

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

О.В. Шаталова

Аннотация

В статье обозначаются аспекты прагматического развития теории языковой личности: использование принципов синтаксического моделирования речевого облика в политтехнологии и педагогике, применение синтаксического анализа в юрислингвистике как приема идентификации личности.

Развитие функционального и коммуникативного синтаксиса убедительно доказывают прагматическую необходимость формирования методов и приемов анализа синтаксического представления личности, создания комплексной методики, позволяющей оценивать эмоциональный и интеллектуальный потенциал говорящей личности, проявляющийся в синтаксической организации речи.

В условиях современной коммуникации значимость публичного проявления личности в различных формах не только не оспаривается, но и подчеркивается специалистами, связанными с оценкой отношения к политическим, экономическим, морально-правовым аспектам развития общества представителями разных социальных слоев населения: политологами, социологами, психологами, специалистами по формированию личностного образа, или имиджа (PR).

Особенно активно развивается концепция формирования речевого облика политического деятеля в условиях публичного общения. Традиционно публичной сферой общения считается коммуникация, формирующаяся при непосредственном контакте оратора и аудитории, количественный состав которой превышает десяток, либо ситуация проведения интервью, которое в целом адресовано не столько собеседнику, сколько массовой аудитории, участвующей в данной коммуникации опосредованно. Политический дискурс сегодня является объектом междисциплинарных изысканий. Ученые обозначают в качестве его основной черты манипулятивность и пытаются выявить те средства, которые формируют собственно план воздействия политической речи на массовое сознание: манипулятивные маркеры (В.В. Богданов, И.С. Черватюк), стратегии и тактики речевого воздействия (О.С. Иссерс, В.В. Красных, Е.И. Шейгал), «риторические трюки» (И.О. Вагин), «лингвистические ловушки» (К. Гуд). В каждой из перечисленных концепций (а также многих других) в той или иной степени присутствует апелляция к языковой репрезентации личности, так как всевозможные коммуникативные методики публичного общения базируются на формировании речи, через которую открыто или латентно просвечивает специфика мышления человека.

Актуализацию данного аспекта развития теории языковой личности можно выявить на различных уровнях: научно-исследовательском, методическом и прикладном.

Так, с начала XXI в. политическая коммуникация как особая лингвокультурная область и языковая личность политика как составной компонент политического дискурса являются неизменным предметом внимания и обсуждения профессиональных лингвистов:

1) на многочисленных конференциях, в том числе имеющих серийный характер (например, «Социальные варианты языка», проводимая Нижегородским государственным лингвис-

тическим университетом им. Н.А. Добролюбова), обсуждаются вопросы, связанные с оценкой и формированием личности политического деятеля, со спецификой реализации принципа диалогичности в политическом пространстве и пр.;

2) лингвистические школы как форма бытования Российского научно-исследовательского потенциала также регулярно и последовательно формируют программу с учетом проблематики речевой организации политического дискурса: проблема изучения языковой личности на диалектном материале успешно решается на протяжении более 20 лет Томской лингвистической школой, где под руководством Е.В. Иванцовой на основе понятия языковой личности происходит становление новой области научного познания – антрополингвистики, или лингвистической персонологии [1]; летняя лингвистическая школа Кемеровского государственного университета обращается к проблематике языковой репрезентации личности политика регионального и федерального уровней);

3) проводятся научные исследования на соискание степени кандидата и доктора наук, посвященные изучению лингвистической реализации образа политика как в рамках русскоязычного политического дискурса, так и на материале сравнительно-сопоставительного характера [2];

4) издаются монографии, посвященные исследованию специфики языкового представления личности общественного деятеля. При этом традиционно описание языковой личности ограничивается лексическим, когнитивным и риторическим аспектами, т.е. теми параметрами языковой личности, которые, благодаря фундаментальному направлению, определенному Ю.Н. Карауловым, стали уже каноническими. Так, например, Ю.В. Ковалев, используя метод шкалирования и 30-мерную матрицу, представляет модель описания речевого портрета политика, в основание которой положены речевая, или коммуникативная, и содержательная составляющие [3]. Однако в описании содержательной составляющей языковой личности политического оратора синтаксические характеристики не учитываются. В масштабном исследовании М.В. Гавриловой при описании специфики реализации языкового облика В.В. Путина отмечается парцелляция как стилистическо-синтаксическая фигура, при характеристике языковой личности Б.Н. Ельцина синтаксический аспект не затрагивается [4]. Функционально-прагматическая необходимость практической реализации концепции языковой личности определяет введение в курс обучения высшей школы отдельных дисциплин, посвященных формированию лингвистического облика общественного деятеля и, как следствие, создание учебных программ, пособий, комплексных монографий методического характера [5].

В связи с реформаторскими тенденциями в сфере образования и науки политический дискурс и способы репрезентации языковой личности общественного деятеля становятся предметом исследования студентами и учащимися старших классов школ. В качестве примера приведем исследование учащейся 11 класса А. Ревенко «Речевой портрет политика: А.Г. Хлопонин», тезисы которого были опубликованы в сборнике НОУ за 2010 г. в Красноярске и получили положительную рецензию Е.В. Осетровой (www.gazeta.sfu-kras.ru), которая в течение ряда лет занимается вопросами языковой личности и исследованием речи представителей политики.

Нельзя оставить без внимания и такой аспект бытования теории языковой личности, который развивается в недрах средств массовой коммуникации самопроизвольно, без коррекции со стороны лингвистов-профессионалов. В СМИ, особенно электронных [www.psyh-portret.ru; www.e-generator.ru], реализуются проекты психолого-лингвистического характера, направленные на формирование того или иного образа политического деятеля путем создания его речевого портрета (или лже-портрета в зависимости от уровня профессиональной лингвистической подготовки автора подобного проекта, а также его морально-нравственной чистоплотности). Достаточно объемный сегмент современного Интернет-пространства – это реализация всевозможных коммерческих и некоммерческих образовательных проектов. При этом правомерность реализации данных проектов и профессионализм авторов / преподавателей в условиях современной коммуникации не всегда соответствует требованиям профессионализма, однако пред-

лагаемый разнообразными учебными Интернет-проектами спектр образовательных курсов достаточно широк, включая и такие, например, курсы, как «Речевой анализ современного политического дискурса» (Институт Повышения Эффективности – www.inseff.ru).

Актуальность прагматическо-прикладного направления в развитии теории языковой личности в политическом дискурсе подчеркивается и тем, что в современных исследованиях наряду с понятием «речевой портрет» вводится понятие «речевой имидж» и обозначается, что «соотношение понятий «речевой портрет» и «речевой имидж» можно считать одной из важных теоретических лингвоперсонологических проблем, актуальных для теории связей с общественностью и рекламы, политической лингвистики и медиалингвистики», так как речевой имидж поддается коррекции и трансформируется с учетом потребностей и задач, которые стоят перед публичной языковой личностью.

Итогом работы в данном направлении должно стать выявление отдельных специфических элементов речевого портрета как средств формирования речевого имиджа, который обеспечит публичной языковой личности коммуникативный успех или коммуникативную неудачу.

Однако в существующих научно-методических и ориентированных на практику реализации теории языковой личности работах основной акцент традиционно делается на лексической форме репрезентации личности с частичным обращением к формам стилистической организации речи, в рамках чего происходит своеобразное «точечное подключение» отдельных синтаксических характеристик: так, например, при перечислении средств, с помощью которых говорящий может индивидуализировать речь, подчеркнуть специфику своего «речевого типа», в одном ряду называются «прецедентные тексты, образные средства, вводные конструкции, специфика организации речи» и др. [6], что свидетельствует об отсутствии достаточно строгой и последовательной классификации явлений, представляющих разные уровни языка в рамках описания языковой личности. Между семантическими и коммуникативными категориями обнаруживается пробел, что противоречит собственно природе языка, который наряду с поляризацией явлений на всех уровнях формирует последовательное взаимодействие единиц: в теории поля, применимой фактически ко всем уровням языка, представлено учение о промежуточных или синкретичных формах существования языковых единиц с целью устранения категоричного противопоставления единиц. На наш взгляд, именно включение в систематическое описание языковой личности синтаксических характеристик позволяет устранить существующие функциональные пробелы.

В рамках политического дискурса синтаксическая организация речи, как наиболее грамматикализованная, т.е. имеющая возможность непрямого воздействия на адресата, специфической манипуляции восприятием речи адресатом, предоставляет широкие возможности для реализации коммуникативно-прагматических задач, выступающих в качестве основных в рамках общественно-политического дискурса.

Интенсификация исследования теории синтаксической языковой личности политика имеет прагматический потенциал не только в направлении формирования образцового облика политика федерального уровня, но и прежде всего в аспекте реализации практических программ, направленных на формирование и коррекцию языкового образа регионального общественного деятеля.

В современной действительности роль общественно-политического деятеля подвергается однозначному пересмотру: в условиях изменения социально-психологических ориентиров нивелируется идеологическая сущность личности, занимающей руководящий пост, но подчеркивается толерантность и мобильность сознания и направленности деятельности. В связи с этим представление о чиновнике как о «полуграмотном мещанине, выучившем несколько фраз, актуальных лозунгов и рассматривающего их как руководство к действию» [7], однозначно устарело и требует коррекции как в плане изменения распространенных стереотипов, так и в плане собственно культурно-речевой трансформации личности, определяющей лицо современного политического дискурса.

Принципы самопрезентации языковой личности в современной лингвистической и психолингвистической литературе не имеют четкой квалификации. Иначе говоря, не существует методик, согласующих между собой, унифицирующих в единой концепции семантический, логический, коммуникативный, социально-прагматический подходы в организации языкового представления личности.

Современный этап научного исследования говорящей личности носит описательно-фиксирующий характер, позволяющий выявлять особенности той или иной языковой личности (индивидуальные или типологические), в некоторой степени систематизировать полученные результаты.

Однако предложить конкретные образцы, модели формирования той или иной языковой личности, создать актуальные в свете новейших тенденций развития научного знания базовые алгоритмы репрезентации (самопрезентации) языковой личности лингвистика пока не в состоянии. Следствием данного положения является интуитивное использование различных языковых средств, независимо от формальной и фактической степени владения говорящим возможностями языка.

В тех же случаях, когда лингвистические единицы являются своеобразным орудием создания определенного языкового образа, облика, имиджа (в сфере массовой публицистики, в общественно-политической среде), носитель языка, даже будучи профессиональным филологом, как правило, оперирует в основном средствами лексики и фразеологии. В качестве дополнительных эмоционально-экспрессивных приемов организации текста используются в основном отдельные стилистические приемы, которые связаны с внешним оформлением текстового пространства (абзацы, метаграфика оформления) или носят расширенно-культурологический характер (цитирование, интертекстуальность и пр.). Собственно же синтаксическая организация текста не регулируется, остается в рамках индивидуально понимаемых границ синтаксического оформления речи.

Данное положение, с одной стороны, огранивает возможности формирования конкретного образа, интеллектуально-эмоционального представления облика говорящего для восприятия в определенной коммуникативной среде. С другой стороны, именно в том, что синтаксическая координация речи недостаточно осознанно осуществляется носителем языка, скрыт потенциал идентифицирующих методик, прагматическая значимость которых возрастает в связи с развитием такого направления как юрислингвистика.

В границах обозначенного направления располагается решение различных прагматических задач, в частности, установление авторства текста. Данный аспект практического применения теории синтаксической характеристики языковой личности актуализируется в современных условиях массовой коммуникации: принципы «открытой и свободной» журналистики, система создания и функционирования текстов в Интернет-среде создают базу неограниченного формата для различного рода социальных, морально-этических, психологических конфликтов, разрешение которых возможно только при соответствующем установлении автора какого-либо текста [8]. Анализ синтаксической организации языковой личности позволяет оценить принадлежность того или иного текста определенному лицу, так как комплексно характеризует и лексико-фразеологический аспект организации текста, и грамматический уровень структуры языковой личности. Синтаксический аспект, в силу своей абстрагированности, закрепленности в устойчивых синтаксических формулах, наиболее объективен в представлении индивидуальных параметров мышления и языковой репрезентации эмоционально-интеллектуальной структуры личности. Подобные формы оценивания различных текстов прагматически наиболее востребованы именно в среде СМИ, в сфере функционирования так называемых социальных технологий, в политическом языковом дискурсе.

Хотя, несомненно, приемы синтаксического анализа, выявления специфического синтаксического проявления той или иной говорящей личности могут быть актуализированы и при оценке художественных текстов, при установлении авторства как проблемы, связанной с современными законодательными и этическими нормативами охраны авторских прав.

В становлении и развитии полноценной психологической, интеллектуальной и социальной личности, по неоспоримому мнению ученых различных специальностей, значительную роль играет школа. При этом именно в процессе школьного образования, коммуникации, носящей достаточно закрытый и в то же время многосторонне ориентированный характер, формируется языковая личность.

Полноценное развитие компетенций языковой личности способствует формированию таких характерологических черт личности, которые востребованы современной действительностью, являются обязательным условием социализации личности. Таким образом, в задачи прагматического функционирования теории языковой личности входит формирование следующих спектральных показателей личности: функциональная языковая грамотность; межкультурная коммуникативная компетентность; поликультурная мобильность.

Гуманитарная направленность развития современной науки, базирующаяся на принципах антропоцентризма, однозначно определяет ведущую роль именно филологического знания в развитии обозначенных критериев личности. Следовательно, роль теории языковой личности в образовательном процессе возрастает.

Синтаксический аспект развития языковой личности оказывается при этом на передовых позициях, так как именно синтаксис как форма организации мышления позволяет оценивать различные явления действительности комплексно: во взаимосвязях и взаимодействиях.

Еще Ф.И. Буслаев в своем основном научно-методическом труде «О преподавании отечественного языка», говоря о значимости изучения родного языка, подчеркивал влияние языковых категорий на формирование мышления личности, на формирование типа и способа мышления: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем и развивать (личность) духовные способности учащегося» [9]. Ф.И. Буслаев обращает внимание на зависимость грамматических категорий и психологической составляющей личности: «Для детей логические категории являются гораздо понятнее в языке, в грамматике, чем в отвлеченных умствованиях», откуда следует вывод, что «грамматические упражнения по своему содержанию суть самые лучшие и живительные логические упражнения» [9].

Исследование же художественного текста, который представляет собой по сути обращение к специфике отражения определенной психологической и языковой личности посредством языка в ткани текста, Ф.И. Буслаев ставил в непосредственную зависимость от языковых категорий: «Все, что относится в словесном произведении к внешнему выражению, подлежит грамматике. Что же касается до внутреннего содержания, до истины, нравственности, изящества, то идет в особые науки, каковы философия, юриспруденция, история, эстетика и проч. Потому, чтобы не разбегаться во все стороны и не толковать обо всем, следственно, о многом кое-как, лучше всего учитель должен строго определить себе ту точку зрения, с которой он может смотреть на писателя, не выходя из области своего предмета: а его область – грамматика, в обширном смысле принимаемая. В ней, в периодах, в предложениях и т.п. учитель найдет и свою эстетику, и философию, и нравственность, и историю» [9].

Современной педагогической науке известны результаты практических исследований, подтверждающих значимость развития синтаксической составляющей языковой личности [10].

Значимость синтаксической компетентности развивающейся личности, иными словами, значимость формирования адекватной современным образовательным и научным условиям языковой личности акцентируется и основных законодательных требованиях к уровню подготовки выпускников средней школы. Так, перечень элементов содержания, проверяемых на экзамене по русскому языку за курс основной школы [www.fipi.ru], составленный на основе Федерального компонента государственных стандартов основного общего и среднего (полного) образования (приказ Минобразования России № 1089 от 5.03.2004 г.) для проведения Государственной (итоговой) аттестации в 2011 г., включает 80 контролируемых элементов, из которых 36 напрямую связаны с синтаксической компетенцией.

Формирование синтаксической составляющей языковой личности студента является одним из условий не только развития интеллектуально-духовного облика специалиста, но и ус-

пешной социализации. Особенно значимым является данный постулат для студентов гуманитарных факультетов.

Студент-гуманитарий как представитель того социального круга, который ответствен за сохранение культурного уровня нации, должен являть собой языковую личность, языковая (в частности – стилистическая) компетентность которой не подлежит сомнению. Тем более что способность квалификации языковых средств в рамках того или иного стиля является одним из признаков профессиональной адекватности.

Следовательно, способность выразить свою мысль в соответствии с нормами становится одним из необходимых условий формирования профессиональной личности лингвиста. Особенно принципиален данный аспект в связи с тем, что современная коммуникативная среда не позволяет личности гуманитарной ориентированности (профессиональной и/или психологической) отграничиться от технической (в частности, компьютерной) сферы. Гуманитарий, адекватно вписывающийся в систему современной коммуникации (а в ситуации студента – имеющий целеустановку адекватной профессиональной реализации), обязан владеть полным спектром языковых навыков, позволяющих интегрировать гуманитарные и технические знания. То есть формирование языковой личности студента-гуманитария требует развития технической и технократической составляющей.

Таким образом, изучение синтаксиса с позиций формирования языковой личности в школе и тем более в вузе способствует развитию навыков мышления, комплексного восприятия явлений культуры и действительности, что осознается современной наукой, методикой и закрепляется образовательным законодательством.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2006. № 291. С. 5-11.

[2] Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса. Автореф... дис… канд. филол. наук. Волгоград, 2002; Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ). Автореф… дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002; Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: Речевые жанры и речевые стратегии. Автореф... дис... канд. филол. наук. М., 2003; Сагайдачная Е.Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков: На материале текстов публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша. Дис… канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009; и др.

[3] Ковалев Ю.В. Как измерить речевую культуру политического оратора // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М., 1997. С. 34-35.

[4] Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина) СПб., 2004. 296 с.

[5] Будаев Э.В. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.

[6] Волкова Т.К. К проблеме типологизации публичных языковых личностей // Молодой ученый. 2008. № 1. С. 161-164.

[7] Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004. 323 с.

[8] Шаталова О.В. Синтаксическая характеристика как методологический прием идентификации языковой личности / III Селищевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева (Елец, 22-23 сентября 2011 г.). Елец, 2011. С. 288-293.

[9] Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1867. С. 7.

[10] Буланова С.Ю. Особенности формирования лингвистической и языковой компетенций младших школьников при изучении синтаксиса // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 87-93.

2012. Вып. 2 (7). С. 88–96

УДК 81'373.613

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на материале английского языка)

Б.Д. Ходжагельдыев, О.С. Шурупова

Аннотация

В статье рассмотрено явление заимствования в целом, подвергнуты анализу основные виды заимствований из английского языка в современном русском языке и причины их появления. Авторы обращают внимание как на положительную, так и на негативную роль неологизмов-англицизмов в современном культурном контексте России.

В последние десятилетия все больше стираются границы между разными народами, все более интенсивным становится общение между представителями различных наций и государств. Нельзя не согласиться с мыслью С.Г. Тер-Минасовой, что величайшие открытия человеческого гения, неслыханные, небывалые технические достижения, которыми ознаменована современная эпоха, в конечном счете направлены на одно – «облегчение, улучшение – оптимизацию общения» [1]. А значит, серьезным изменениям подвергаются языки людей, находящихся в постоянном взаимодействии.

Русский язык находится в постоянном движении, и наиболее явными, заметными оказываются изменения в его лексике и фразеологии, т.е. «в том ярусе языковой системы, который всегда “находился на переднем крае”, где новое оказывалось мгновенным откликом на процессы, протекающие в жизни самого общества» [2]. В ходе языковой эволюции неизбежными становятся процессы ухода в пассивный запас языка устаревших слов, появление новых слов, заимствования из других языков. Как отмечает Н.В. Ярцева, процессы заимствования «с большей или меньшей интенсивностью протекали в языке всегда, во все периоды его функционирования. Но в настоящее время эти процессы оказались в высшей степени активными, поскольку активно изменилась наша жизнь» [3]. Если учесть, что в последнее время, согласно подсчетам ученых, объем знаний, которыми располагает человечество, удваивается каждые десять лет, то будет понятен стремительный рост словаря, во многом происходящий за счет появления в нем заимствованных слов.

Думается, говоря о составе и функциях современных заимствований, нельзя не обратиться к анализу самого понятия «заимствование». Согласно определению, данному в Лингвистическом энциклопедическом словаре, заимствование – «элемент чужого языка… перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [4]. Обычно заимствования приспосабливаются к системе языка, в который они вошли, так что со временем их иноязычное происхождение не ощущается его носителями и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. Будучи результатом длительного исторического взаимодействия языков, заимствования занимают значительное место в лексике большинства из них. Помимо собственно заимствований, т.е. слов, появившихся одновременно с усвоением носителями языка и культуры нового понятия или предмета, в языке неизбежны проникновения, или иноязычные слова, которые являются синонимами к уже существующим в данном языке единицам. В таком случае происходит

разграничение значений двух синонимов и наблюдаются сдвиги в их исходной семантике. К собственно заимствованиям примыкают структурные заимствования, или кальки, в которых заимствованная структура облекается исконным материалом: «правописание» («орфография»), «синий чулок» ('blue stocking') и т.д.

Роль заимствований в том или ином языке зависит от его истории. Так, 70% лексики современного английского языка состоит из заимствованных слов, что объясняется условиями, в которых он развивался, причем, по свидетельству исследователей, 41% заимствованной лексики в английском языке представляет собой научные и технические термины. Как утверждает А.В. Арнольд, «the part played by borrowings in the vocabulary of a language depends upon the history of each given language, being conditioned by direct linguistic contacts and political, economic and cultural relationships between nations. English history contains innumerable occasions for all types of such contacts… The Roman invasion, the introduction of Christianity, the Danish and Norman conquests, and, in modern times, the specific features marking the development of British colonialism and imperialism combined to cause important changes in the vocabulary» [5]. Кроме того, заимствования из каждого конкретного языка объясняются не только историческими контактами между народами, но и относительной близостью двух языков: «the number and character of borrowings do not only depend on the historical conditions, on the nature and length of the contacts, but also on the degree of the genetic and structural proximity of languages concerned. The closer the languages, the deeper and more versatile is the influence» [6]. Несомненно, заимствования сыграли немаловажную роль и в истории русского языка.

Описывая различные эпохи развития русского литературного языка, В.В. Виноградов подчеркивает, что «светско-литературный язык общества, которое притягивалось к поверхности европейской цивилизации» [7], неизменно пополнялся заимствованиями из европейских языков, когда происходили изменения общественного быта, появлялись новые представления и новые формы экспрессии. Так, в заимствовании из голландского, немецкого, французского и других языков множества слов для обозначения новых предметов, процессов, понятий в сфере государственной жизни, быта и техники выразились западнические тенденции Петровской эпохи. «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» насчитывает более трех тысяч лексических единиц. Анализируя изменения, которым тогда подвергся русский язык, В.В. Виноградов делает любопытное психологическое наблюдение: «Западноевропейские слова привлекали как мода. На них лежал особый стилистический отпечаток новшества. Они были средством отрыва от старых традиций» [7]. В язык активно проникали не только необходимые обозначения новых реалий; в глаза бросается своеобразный прием дублирования слов, характерный для Петровской эпохи: «рядом с иностранным словом стоит его старорусский синоним или новое лексическое определение, замкнутое в скобки» («акциденции (или доходы)», «эконому (домоуправителю)», «бараки (или шалаши)», «инструкции (или приказание)» [7]. Уже тогда, помимо обширной группы слов, связанной с появлением новых предметов и отношений, которым необходимо было подобрать названия, в язык входили лексические единицы, заимствование которых сопровождалось размежеванием их с близкими по смыслу исконными или ранее заимствованными словами.

Следует отметить, что подобные тенденции продолжали существовать и позднее, в XIX столетии, когда, по словам В.В. Виноградова, «русская общественная мысль нередко входила в контакт или столкновение с разными западноевропейскими теориями, открытиями и достижениями» [7]. С Запада в Россию проникали различные политические и экономические учения, усвоение которых не могло обходиться без использования иноязычных слов. Тогда выбор в пользу заимствованного слова по сравнению с исконно русским определялся идеологическим и политическим расслоением русского общества. Так, по свидетельству В.В. Виноградова, речь разночинцев, считавших себя людьми прогрессивными, изобиловала заимствованными из европейских языков естественно-научными терминами [7].

На протяжении XX в. русский язык пополнился многочисленными заимствованиями из различных языков, прежде всего из английского («глиссер», «детектор», «комбайн», «контейнер», «телевидение», «пикап», «троллейбус», «джаз», «коктейль», «регби», «прессинг», «стайер», «хобби» и др.), среди которых оказались не только научные и технические термины, но и слова, имеющие отношение к политике, спорту, искусству. Однако процесс заимствования проходил с разной степенью активности. Так, послевоенные годы характеризовались отрицательным отношением общества ко всему иностранному в целом, что было связано с общей идеологической борьбой против космополитизма [8]. Иноязычные технические, научные, спортивные и даже кулинарные термины насильственно изгонялись из практики и заменялись исконно русскими. Так, русскими словами и словосочетаниями «угловой удар», «вратарь», «полузащитник» были вытеснены тогда заимствованные лексические единицы «корнер», «голкипер», «хавбек», причем подобранные в соответствии с законами русского языка замены сохраняются в нем до сих пор. В самом факте заимствования тогда усматривали измену родному языку. Основную массу заимствованных в этот период слов составили интернациональные наименования терминологического характера, без которых оказалось невозможным обойтись и которые пополнили книжный и нейтральный слои лексики.

По словам Н.В. Ярцевой, «процесс перестройки, распад СССР, смена государственной системы изменили сами условия функционирования русского языка, его коммуникативно-прагматический характер… Когда широкое распространение получили аудио- и видеотехника, компьютер, Интернет, иноязычное слово стало неотъемлемой частью словаря даже на бытовом уровне, не говоря уже об уровне специальном, научно-техническом» [3]. Информационный взрыв сделал неизбежными многочисленные прямые заимствования из английского языка, представленные во всех сферах современной жизни:

– политической («имидж», «лобби», «мэр», «политкорректность» и т.д.);

– финансовой («венчурный», «инвестор», «стагфляция», «трансакция» и т.д.);

– деловой («аутсорсинг», «аутстаффинг», «офис-менеджер», «ресепшн», «пилотный», «секьюрити» и т.д.);

– торговой и предпринимательской деятельности («бартер», «брокер», «бизнесмен», «бизнеследи», «бизнес-центр», «буст», «бэкворелэйшн», «девелопер», «дилер», «каверинг», «лизинг», «маркетинг», «менеджер», «мерчандайзинг», «паблик релейшн», «пиарщик», «премиум», «таймшит», «трейдер», «холдинг», «чартер» и т.д.);

– технической («блютуз», «мазер», «препринт», «плеер», «пейджер», «таймер», «флаттер» и т.д.);

– компьютерной («айтишник», «айпэд», «айфон», «аккаунт», «блогер», «букридер», «википедия», «гаджет», «дедлайн», «даунлоуд», «интерфэйс», «квэст», «лаптоп» (можно отметить, что эта лексема закрепилась лишь в речи программистов, тогда как большая часть носителей языка использует для обозначения связанного с ним понятия слово «ноутбук», которое в русском языке утратило свое английское значение «блокнот»), «покет-бук», «принтер», «релиз», «сайт», «сканер», «фэйсбук», «фрэнд» и образованное от него в русском языке «зафрэндить», «юзер», «ютуб» и т.д.);

– бытовой («автопати», «барбекю», «бизнес-ланч», «бигмак», «бэбиситтер», «геймер», «кейтеринг», «кофе-брейк», «ланчбрейк», «лузер», «паб», «спа» (данное слово пришло в русский язык через английский, однако происходит от латинского «Sanitas pro Aqua», что означает «водолечение»), «секонд-хэнд» «сэндвич», «тур», «фастфуд», «хот-дог», «челендж», «шопинг» и т.д.);

– строительной («таунхаус» и т.д.);

– поп-искусства («блокбастер», «брэнд», «гламур», «драйвер», «клипмейкер», «креатив», «мейнстрим», «паблисити», «релиз», «сингл», «таблоид», «фьюжн», «шоу-бизнес», «экшн» и т.д.);

– средств массовой информации («масс медиа», «прайм тайм» и т.д.);
– спортивной («армрестлинг», «аутсайдер», «драйв», «экстрим» (из спортивной последние три слова проникли в бытовую сферу и сферу поп-искусства), «фитнес», «шейпинг» и т.д.);
– моды («аргайлл», «винтажный», «деним», «принт», «топлесс» и т.д.);
– а также междометия («бай», «вау», «йес», «о'кей», «супер», «упс», «хай» и т.д. (встречаются, в основном, в речи молодежи).

Использование многочисленных англицизмов можно признать характерной чертой современного русского языка, особенно делового стиля. Конечно, как писал еще К.И. Чуковский, заимствованные слова «вызывают досадное чувство, когда ими пользуются зря, бестолково, не имея для этого никаких оснований» [9]. Однако в настоящее время тенденция, связанная с заимствованием не только обозначений новых реалий, но и многочисленных дублетов уже имеющихся в языке единиц, к сожалению, сохраняется. Следует отметить, что далеко не все носители языка имеют серьезные основания для использования многих англицизмов и полностью понимают значение новых слов. «Даже для изучающего английский язык на продвинутом уровне не всегда возможно распознать, какие англицизмы легли в основу, например, такого словосочетания: было столько хайов (high price)» [10]. Даже владеющих английским языком способны поставить в тупик реклама «*Экофлэты* на Рублевке», «Совершенно новый *секонд-хэнд*», «Шедевр *купажа* с вкусовой *доминантой* кенийской арабики», «Недорогая женская одежда DressXs оптом» или фразу «…Сегодня *лакшари* нарасхват» ('luxury' – роскошь). Многие слова, например, названия фирм и магазинов преподносятся нам в английском правописании, что делает невозможным их понимание, а нередко и правильное произнесение рядовым носителем русского языка: «R-style», «Online Trade», «Compulink» в Москве, «Savage», «Caparol», «Colin's», «Ultra Connect» в Липецке.

Более того, иностранные названия многих магазинов, написанные кириллицей, иногда с привлечением латинских букв, представляют собой некую «смесь английского с нижегородским»: «ЭкZOOтика», «Diamant», «Бapinn», «Pegapд»; «Бэст кансалтинг груп», «Сингл», «Кей», «О'кей», «Рет». Так, не совсем понятным оказывается название последнего магазина, где продается компьютерная техника, поскольку если это переданное буквами русского алфавита английское слово «red» («красный»), то в его написании допущена серьезная ошибка, а если данное название восходит к лексеме «rat» («крыса»), весьма загадочным представляется его смысл. Носителю языка, столкнувшемуся с подобным словоупотреблением, невольно приходится задуматься над проблемой, какое именно отношение крысы имеют к компьютерной технике, в том числе к той, которая там продается. Сомнения вызывает и информация на упаковке кефира BioБаланс: «Наиболее изученная в мире лактобактерия LGG». Не только рядовой носитель языка, но и филолог не может не терзаться сомнениями, какая именно бактерия ему предложена и почему ее название не удосужились или намеренно не пожелали перевести на русский язык. Справедливыми представляются слова В. Касаркина: «Многие коммерсанты и рекламисты, похоже, до сих пор не понимают, что они работают не просто в стране, а в части света, развивающейся по особым законам. Здесь находится мощнейший духовный и интеллектуальный источник мира. Пора понять – будущее в России… за теми, кто говорит по-русски. Без знания русского языка, религии, истории, нравов и обычаев народов, населяющих Россию, в российском социуме делать нечего» [11].

К сожалению, по свидетельству исследователей, определенную лепту в бездумное, подчас засоряющее язык использование англицизмов вносят и политики. Так, в статье Б.Д. и Т.В. Ходжагельдыевых «Заимствования из английского (заметки “юзера”)» приводится список обескураживающих рядового носителя русского языка слов и фраз: «…это маленький фри-флоу» (free flow), «…если у них есть какой-нибудь инсайт» (insight), «…в том числе и покет бук гейм» (pocket book game), «…у меня есть свой пользовательский контент» (content), «…столько стоит кейте-

ринг в России» (catering), «…мощнейший драйвер» (driver), «…опять же локейшн» (location), «…обозначить мейнстрим» (mainstream) и т.д. [10].

Нередко неясными представляются значения даже наиболее часто используемых современным человеком иноязычных слов. Так, например, противоречивые толкования получает лексическая единица «гламур», укоренившаяся в русском языке настолько, что от нее, в полном соответствии с его законами, успели образоваться производные «гламурный», «гламурненько» и т.д. По словам А. Соповой, «в речи представителей модной индустрии и шоубизнеса “гламур” и производные от него занимают чуть ли не 50% всего словарного запаса. И, что самое интересное, при этом никто не может дать ему внятного определения. Большинство активных пользователей этого слова вкладывают в него примерно тот же смысл, какой вкладывала Эллочка-людоедка в слово “шикарно”. Итак, “гламур” – это всего лишь русская транскрипция английского 'glamour', что переводится как “шарм”, “обаяние”, “очарование”. Словарь Вебстера толкует гламур как “ускользающую, загадочно-волнующую и зачастую иллюзорную привлекательность, которая будоражит воображение и разжигает вкус к необычному, неожиданному, красочному или экзотическому”. Второе значение слова – “странно-соблазнительная атмосфера романтического волшебства, околдовывающего, непостижимого, неодолимо-магнетического очарования; личное очарование в сочетании с необыкновенной физической и сексуальной привлекательностью”» [12]. Однако в русском языке данное слово получает противоречивые толкования: в речи молодежи это слово используется в своем первоначальном значении, тогда как в словоупотреблении представителей старшего поколения оно нередко сопровождается негативной оценкой. «Гламурный» часто оценивается как не только и не столько как модный и стильный, сколько вызывающий и пошловатый. В этой связи вызывает интерес название липецкого магазина детской одежды «Гламурики»: его владелец, по-видимому, адресует свою продукцию исключительно детям и представителям молодежи, забывая о том, что люди средних лет тоже могут приобрести детскую одежду на правах родителей или дедушек и бабушек, или намеренно вычеркивая их из числа потенциальных покупателей.

Серьезные сомнения вызывает необходимость закрепления в русском языке слова «автопати»: большинство носителей языка не в состоянии объяснить его значение. Относительно легко расшифровав вторую часть этого англицизма ('party' – вечеринка), рядовой человек испытывает трудности с объяснением первой. Нередко в этом слове усматривают морфему «авто» и связывают его с лексемами «автомобиль», «автомобилист». Так, представители старшего поколения на просьбу объяснить значение данного слова растерянно предполагают, что это праздник автомобилистов. Однако лексема происходит от английского словосочетания 'after party' («после вечеринки») и означает «продолжение вечера, начатого в одном клубе, в другом увеселительном заведении». Если после окончания вечеринки ее участник не желает отправляться домой и едет в другой клуб, его ожидает автопати. Однако нельзя не отметить, что написание этого слова должно было бы быть иным, например, «афтепати». По нашему мнению, звучит данное слово не совсем празднично и в русском литературном языке достаточно средств, чтобы выразить мысль о нескончаемом ночном веселье, не прибегая к этому заимствованию. Во всяком случае, с этой задачей сумели справиться и А.С. Пушкин, изображавший бесконечный вечер Онегина, «странствующего» по ресторанам и балам («Евгений Онегин»), и Л.Н. Толстой, описавший ночное времяпрепровождение петербургских повес, во главе с Долоховым («Война и мир»), и даже современный писатель Е.В. Гришковец, герои романа которого тоже успевают посетить несколько ресторанов за ночь («Рубашка»).

В наши дни в русском языке появилось слово «креативный», которое происходит от английского 'creative' и является лексическим дублетом слова «творческий». Разумеется, не мог не возникнуть вопрос: так ли уж необходимо новое слово, если в языке уже присутствует лексическая единица, служащая для обозначения сходного понятия. Впрочем, как отмечает

А. Сопова, «“креативный” – это не просто “творческий”, это как бы “творческий” в превосходной степени. Плюс нестандартный, небанальный, свежий, талантливый. Вот все это в совокупности и есть то, что вкладывают в понятие “креативный”. Это слово очень распространено в журналистской среде, где служит высшей похвалой. “Молодец, креативно написал”. Или так: “А ну-ка, набросай какой-нибудь креативчик на эту тему. Ты же у нас креативная личность”. В общем, неплохое словечко. Звучит, правда, как-то непривычно. Почти как “креозот”. Но тех, кто гонится за модой в словотворчестве, это не смущает. Так, в русскоязычной среде ни для кого уже давно не в диковинку вполне официальная должность под названием “креативный менеджер”. Или совсем карикатурный пример – рекламный слоган украинского коньяка: “Первый креативный коньяк в стиле фьюжн”. То, что коньяк никак не может быть ни “креативным”, ни “фьюжн”, понятно и ежу. Но, видимо, создатель этого шедевра рассудил, что чем больше модных словечек, тем лучше» [12].

Слово «фьюжн» тоже имеет английское происхождение (от 'fusion' – смешение, слияние). По замечанию А. Соповой, «в русской транскрипции это слово традиционно использовалось для обозначения музыкального стиля, сочетающего в себе джаз и рок. Но остромодным оно стало в качестве названия кулинарного течения, объединяющего в себе то ли азиатскую и европейскую кухни, то ли вообще все что угодно с чем-то еще. Никто пока что до конца не понял. Но слово от этого не стало менее популярным» [12]. По мнению исследователя, заявление современного поклонника иноязычной лексики о любви к фьюжн может означать все, что угодно, вплоть до «…Я просто без ума от борща с ананасами» [12].

Вызывает некоторое удивление активное использование слов «винтаж», «винтажный» в значении «старинный». Возможно, люди, предпочитающие иностранное слово его русскому дублету считают, что англицизм звучит более стильно и современно. Однако подобное словоупотребление не может не поставить любителя заимствований в неловкое положение. Так, не совсем понятно, что хотели сказать владельцы магазина вполне современных, а вовсе не старинных или подержанных головных уборов, называя его «Винтаж». Странным человеку, понимающему значение английского слова 'vintage', может показаться и репертуар музыкальной группы «Винтаж». Судя по названию, ее члены должны были бы исполнять песни 70-х или даже 30-х гг. прошлого века. К тому же у неискушенных в английском языке слово «винтаж» не может не вызывать таких ассоциаций, как «винт», «винтовка» и т.д.

Англицизмом является слово «топ» (от английского 'top' – вершина). В русском языке оно стало производящей основой для большого количества слов: «топ-менеджер», «топ-модель», «топ-десятки» (в спортивной сфере) и т.д. Наконец, из английского языка пришло модное сейчас слово «экстрим», которое в оригинале звучит как «extreme» («чрезвычайный, исключительный»). По наблюдениям А. Соповой, «в русском языке это слово поначалу использовали исключительно в околоспортивном сленге для обозначения видов спорта, связанных с повышенным риском, травматизмом и адреналином. Экстремальные виды спорта. Звучит сильно. Неудивительно, что эффектное слово быстро перекочевало в повседневный язык, и им стали характеризовать любое явление, выходящее за рамки обыденности и требующее от тех, кто в него ввязался, определенного мужества. Экстремальная журналистика, экстремальные путешествия, экстремальные нагрузки» [12]. Однако в русском языке продолжают существовать синонимы «опасный», «тяжелый», и сомнительным представляется, что язык нуждается в их замене.

Русскому уху непонятны и неприятны слова «юзать» («использовать»), «биколор» (Е.И. Белая приводит в своей статье «О бесцеремонном обращении с национальным достоянием России» слова журналиста, который, рассказывая о праздновании Дня Победы в Липецке, произнес: «Георгиевский биколор будет прикрепляться к каждой машине» [13]), «девелопер» («развивающий») и т.д. Нелепо звучит фраза «Все мы коммуницируем» – к сожалению, услышанная нами во время научной конференции. Количество обращений к подобным словам политиков и журналистов, т.е. людей, которые оказывают влияние на народные

массы и нередко служат примером для подражания молодежи, но, как показывает их речь, лишенных языкового чутья, принимает сегодня угрожающие размеры.

Разумеется, в настоящее время многочисленные заимствования из английского языка проникают не только в русский, но и в большинство языков мира, чему способствует целый ряд социально-исторических причин, очевидных для современного человека. Английский язык стал глобальным уже во времена Британской империи, которая в XIX–XX вв. правила огромной частью мира. В наши дни в результате глобализации экономики растет число международных компаний, для сотрудников которых удобно использование единого языка. Английский – это язык «электронной деревни». Наконец, «хотя доля его в Интернете уменьшается (сейчас менее 50% сайтов – на английском языке, а десять лет назад их было более 90%), это происходит потому, что все более массово подключаются новые народы и страны, но язык международного общения по-прежнему и практически исключительно – английский. Неслучайно во многих странах, в том числе в России, ставится вопрос о том, чтобы сделать именно английский язык обязательным в начальном и среднем образовании. Однако продвижение одного языка в качестве глобального, интенсивное заимствование его единиц весьма опасно, поскольку может привести к гибели других языков. Ученые считают, что на Земле каждые две недели умирает язык и к концу нынешнего столетия умрут от 50 до 90% современных языков.

Возможна ли гибель русского языка, полное вытеснение его английским или так называемым Ранглиш (Russian English – русский английский)? Быть может, Россия должна пойти по стопам Франции, где приняты охранные законы в защиту национального достояния, в том числе языка, или Исландии, жители которой создают названия для новых предметов и явлений, пользуясь исключительно средствами родного языка (так, специальная комиссия разрабатывала замену интернациональным словам «телефон» – «нить», «компьютер» – «предсказатель чисел», «межконтинентальная баллистическая ракета» – «летящая на большие расстояния огненная дубина» и т.д.)? Думается, нельзя не согласиться со словами Л.В. Щербы, утверждавшего, что процессы взаимодействия литературного языка и диалектов, а также различных языков «совершенно закономерны и необходимы» и «только благодаря этим изменениям литературный язык и может выполнять свою функцию – выражать наши мысли и чувства» [14]. Литературный язык сопротивляется новшествам, и, таким образом, всегда находится в состоянии борьбы. По мысли Л.В. Щербы, «трудно сказать, кто в этой борьбе оказывается победителем. Ибо, конечно, литературный язык принимает многое, навязанное ему… и таким образом и совершается его развитие, но лишь тогда, когда он приспособил новое к своей системе, подправив и переделав его соответствующим образом» [14]. Слова Т. Энтони об английском языке: «It matured as it flourished, swelling with fresh words imported from Earth's farthest corners. It changed» [15], справедливы и в отношении русского языка. Как бы ни относились люди к заимствованиям из английского, многие из них необходимы, поскольку представляют собой обозначения реалий, прочно вошедших в наш быт, и способны только обогатить наш язык.

Если то или иное иноязычное слово стало изменяться в соответствии с законами русской грамматики, а также сделалось производящей основой для нескольких производных, как случилось со словами «гламур» («гламурный», «гламурно»), «компьютер» («компьютерный», «компьютерщик»), «супер» (просторечное «суперский»), это означает, что язык принял его и оно непременно будет занимать определенное место в его активном запасе в течение того или иного временного периода. По словам К.И. Чуковского, «русский язык так своенравен, силен и неутомим в своем творчестве, что любое чужеродное слово повернет на свой лад, оснастит своими собственными, гениально экспрессивными приставками, суффиксами, подчинит своим вкусам, а порою и прихотям. Действительно, иногда и узнать невозможно то иноязычное слово, которое попало к нему в оборот:… из латинского *хартулярium* (оглашаемый священником список умерших) он сделал *халтурщика* – недобросовестного,

плохого работника. Из скандинавского *эмбэтэ* – чистокровную русскую *ябеду*, из английского *ринг ды Белл! – рынду бей*, из немецкого *кринге́ля – крендель*. Язык чудотворец, силач, властелин, он так круто переворачивает по своему произволу любую иноязычную форму, что она в самое короткое время теряет черты первородства, – не смешно ли дрожать и бояться, как бы не повредило ему какое-нибудь залетное чужеродное слово» [9]. Однако Л.В. Щерба подчеркивает: «беда, если разнородное, бессистемное по существу новое зальет литературный язык и безнадежно испортит систему его выразительных средств, которые только потому и выразительны, что образуют систему» [14]. Продвижение английского языка в качестве глобального, бездумное заимствование англицизмов весьма опасно, ибо может привести к нивелированию национальных культур, появлению некоего усредненного видения мира, лишенного национальных особенностей. Язык тесно связан с национальной культурой, являясь ее частью и одновременно оказывая на нее воздействие, и, если не сопротивляться непрестанному воздействию глобального языка и культуры, «вместо буйного яркого разноцветья лугов человечество получит аккуратно подстриженную зеленую лужайку» [1]. Поэтому нам необходимо избегать бездумного употребления новых слов, если им можно найти достойную замену среди единиц родного языка.

Как многие отечественные лингвисты, так и рядовые носители русского языка, как правило, занимали в отношении заимствований крайние позиции: либо горячо одобряли их (Н.М. Карамзин), либо протестовали против большинства иноязычных слов, даже необходимых для обозначения новых реалий (А.С. Шишков, В.И. Даль). Среди носителей русского языка было немало людей, сурово стоявших на страже его чистоты и подобных герою романа А.И. Солженицына «В круге первом» Сологдину, избегавшему употребления заимствованных «птичьих слов». Как утверждает К.И. Чуковский, «в наших… спорах о родном языке больше всего поразительна их необыкновенная страстность. Чуть только дело дойдет до вопроса о том, не портится ли русский язык, не засоряется ли он такими словами, которые губят его красоту, самые спокойные люди вдруг начинают выходить из себя. С гневом и тоской заявляют они, что наш выразительный, звучный и красивый язык переживает ужасный период упадка и что требуются какие-то чрезвычайные меры, чтобы вернуть ему прежнюю величавую мощь» [9]. Думается, наиболее уместной в этом споре является срединная позиция. Заимствование слов, в том числе из английского языка, является вполне естественным процессом, способствующим дальнейшему развитию русского языка. По словам Д.Н. Шмелева, некоторые иноязычные слова, «благодаря меньшей их “отягощенности” многозначностью и различного рода ассоциациями, легче подвергаются терминологизации, относительно свободно вмещаются в нужные “клеточки” стилистико-семантической “матрицы”, обогащая синонимические ряды единицами новых смысловых оттенков» [16]. Помимо этого, заимствования из английского языка, многие из которых представляют собой односложные или двусложные слова, помогают реализации закона экономии языковых средств. Русскому человеку часто бывает легче произнести «бизнес-ланч», чем «деловой обед», «хот-дог», нежели «сосиска в тесте», «лифт», чем «самоподымальщик».

Однако, несмотря на впитывание новых слов, русский язык сохраняет свою самобытность. Он настолько богат, что его гибель невозможна, и тот факт, что многие из слов, казавшихся ненужными и непонятными «отцам», прочно укореняются в речи «детей», не способен серьезно повредить ему. Напротив, на протяжении его истории несколько раз наблюдались периоды, когда язык особенно активно вбирал в себя заимствования из того или иного языка, причем только часть новых единиц приживалась в его словаре. Ушли из русского языка такие слова, как заимствованное из немецкого «фриштик» («завтрак»), французское «индижестия» («несварение желудка»), английское «голкипер» («вратарь»). Можно с уверенностью утверждать, что из него уйдут и многие из тех англицизмов, обилие которых вызывает сегодня беспокойство. Вряд ли наши потомки будут пользоваться такими словами, как «девелопер», «юзать» или «контент», поскольку русский язык, по образному определению К.И. Чу-

ковского, «живой как жизнь», постепенно отбирает из бесчисленного количества новых единиц только действительно необходимые ему, остальные же мало-помалу отсеиваются. Его носителям, разумеется, надо стремиться развить у себя хороший языковой вкус, бережно используя иноязычные слова и избегая засорения своей речи неоправданными заимствованиями, дублирующими лексические единицы, уже имеющиеся в языке, а главное, как призывал К.И. Чуковский, «повышать качество своего сердца, своего интеллекта» [9], ибо культура речи неотделима от общей культуры каждого из нас.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М., 2007. С. 239.

[2] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 10.

[3] Ярцева Н.В. Культурологическая оценка масштаба и характера расширения словарного состава русского языка последних десятилетий // Современный русский язык в лингвокультурологическом пространстве. Липецк, 2007. С. 65, 67.

[4] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 158.

[5] Арнольд А.В. Лексикология современного английского языка. М., 1973. С. 249.

[6] Лексикология английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1979. С. 165.

[7] Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 64, 68, 69, 430, 435.

[8] Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. С. 87.

[9] Чуковский К.И. Живой как жизнь // Его же. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1990. С. 508, 516, 502, 651.

[10] Ходжагельдыев Б.Д., Ходжагельдыева Т.В. Заимствования из английского (заметки юзера) // Русская словесность как основа воплощения русской школы. Т. I. Липецк, 2012. С. 33.

[11] Касаркин В. Осторожно: сознание // Рекламные технологии. 1998. № 4. С. 15.

[12] Сопова А. Гламур и другие модные слова [Электронный ресурс] http // www.vitaly.chuyakov.ru (дата обращения – 28.09.12.).

[13] Белая Е.И. О бесцеремонном обращении с национальным достоянием России // Современный русский язык в лингвокультурологическом пространстве. С. 116.

[14] Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Его же. Избранные работы по русскому языку. М., 2007. С. 127-128.

[15] Anthony T. English: 1 Tongue for the New Global Village [Электронный ресурс] / T. Anthony: http // wire.ap.org (дата обращения – 17.12.01.).

[16] Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. М., 1977. С. 268.

2012. Вып. 2 (7). С. 97–102

ФИЛОСОФИЯ

УДК 18

О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭСТЕТИКИ

А.А. Комков

Аннотация

В статье на основе анализа идейного содержания раскрывается роль самобытных источников в процессе формирования древнерусской эстетической мысли.

В философской литературе древнерусской эстетикой принято считать эстетику Руси XI–XVII веков. Она имела два главных источника:

1) материально-художественную культуру восточных славян;

2) византийскую эстетику, проникшую на Русь в связи с принятием в конце X в. христианства в его православной разновидности.

Любые идеи, в том числе и эстетические, рождаются не сами по себе. На их формирование оказывает влияние накопленный человечеством «мыслительный материал» и те художественные традиции, которые сложились в предшествующие эпохи.

Помимо многовековой языческой культуры Древняя Русь к моменту принятия христианства обладала довольно сложными эстетическими воззрениями, яркими представлениями о красоте божеств, природы, человека. Эти эстетические представления нашли отражение в песнях, сказках, играх, легендах и различных видах искусства. Эстетические идеи для древнего русича имели утилитарное значение. Они должны были оберегать людей от бедствий, приносить счастье, служить добру, побеждать зло. Искусство дохристианского периода явилось исходной точкой развития художественной и эстетической мысли возникшего в IX в. Киевского государства.

Безусловно, принятие в 988 г. христианства наложило определенный отпечаток на характер древнерусской эстетической мысли. Но не крещение Руси определило формирование эстетики. В этом плане довольно веским аргументом является тот факт, что эстетические мотивы при выборе веры указываются в «Повести временных лет» как одна (пусть и неглавная. – *А.К.*) из причин поступка князя Владимира Святославича и его послов.

Приступая к анализу самобытных источников формирования древнерусской эстетики, следует обратить внимание на следующий факт. Эстетические идеи Киевской Руси не нашли систематического изложения в специальных трактатах. При этом надо отметить, что это общая особенность Средневековья. Средние века почти не знают законченных целостных сочинений по эстетике. Эстетические воззрения излагаются в связи с другими проблемами (в

сочинениях по богословию, художественных произведениях, проповедях и т.д.) и высказываются в виде отдельных положений, наблюдений, вкраплены в ткань иного, часто глубоко поэтического повествования. Такая специфика изложения эстетических воззрений в Средние века усложняет их изучение. Но в то же время собранные воедино фрагменты показывают и богатство эстетических взглядов, и их историческое своеобразие. Все эти особенности эстетики Средневековья полностью относятся и к Древней Руси.

Одной из наиболее самостоятельных и общественно значимых сторон эстетических воззрений Древней Руси является эстетическая оценка общественных идеалов той эпохи. Главными чертами эстетической мысли того времени считаются гражданственность и патриотизм. По мнению М.Ф. Овсянникова, они имели непреходящее значение [1]. Как отмечает Д.С. Лихачев, «русского читателя XI–XVI вв. прежде всего интересовали оборона Родины и объединение Руси» [2].

Идея единства родной земли постоянно подчеркивается русскими мыслителями конца XI–XIII вв. как настоятельная, назревшая историческая необходимость. Стремление к объединению русских земель и развитие этой идеи в форме эстетического идеала – одна из наиболее оригинальных черт русского мировоззрения конца XI–XIII вв. В большинстве древнерусских произведений присутствует мысль о красоте и совершенстве объединенной родной земли.

Первый русский митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» выступает за освобождение родной земли от византийского засилья. В своем произведении он обосновывает мысль о величии централизованной княжеской власти. Великого князя Владимира он именует каганом, т.е. царем, императором родной земли. Иларион вовсе не склонен считать принятие христианства на Руси началом национальной исторической жизни. По его мнению, славна была Русь и до крещения. О Руси знали во всех четырех частях света и до принятия ею новой веры. Иларион впервые в древнерусской литературе утверждает национальную идею о праве Руси на равенство среди других христианских народов [3].

В цикле сказаний об убийстве Бориса и Глеба прослеживается отождествление страдания за родную землю с прекрасным деянием принятия муки смертной от враждующих князей, которые своими действиями ослабляют единство Родины. Сказание о Борисе и Глебе несет в себе тонкую эстетическую оценку страдания во имя родной земли и прежде всего ее единства. «Борис и Глеб – это светильники, озаряющие всю землю русскую. Они – страдальцы за единство родной земли – достойны всей красоты небесного жития и всех «красных радостей» [4]. Объединение Руси отождествлялось с образом сильного князя и рассматривалось как подлинно прекрасное дело.

Призыв к объединению Руси звучит в произведениях Кирилла Туровского, знаменитого русского богослова XII века. Молясь о здравии князя, Кирилл Туровский просит Бога оградить миром его державу, исполнить обилием землю, избавить ее от междоусобной войны и гнусных дел «нынешнего века». «И державу его миром огради, огради его против врагов, исполни обилием землю, умножь людей в благочестии, пленных возврати восвояси… Избави град сей… от всякого зла: от огня и наводнения, и от внезапной смерти, и от голода, и от междоусобной войны» [5].

Аналогичные мотивы присутствуют и в «Слове Даниила Заточника» с его поисками идеального, прекрасного князя – хранителя Руси и защитника угнетенных. В произведении критикуются внутренние последствия феодальных усобиц и выдвигается образ князя-объединителя. Красота единства родной земли отождествляется автором с идеей единовластия. «Птица бо радуется весне, а младенец матери… Весна украшает цветы землю, а ты, княже-господине оживляешь вся человекы милостию своею» [6].

Все произведения XI–XII вв. выражали протест против усобиц. К примеру, «Слово о полку Игореве» в динамичной художественной форме раскрывает картину губительных для народа усобиц, облик сильного князя-объединителя. Идеализации подвергается образ князя Всеволода Большое Гнездо. В «Золотом слове Святослава» содержится идея великой победы

Руси над врагами в случае, если князья объединятся и перестанут враждовать друг с другом, после чего вновь дается ситуация разорения Родины от усобиц.

Особую значимость и актуальность идеи единства родной земли получили в период монголо-татарского нашествия. Духовная жизнь русского народа в этот исторический период сфокусировалась на идеях освобождения русских земель от татарского ига и политической необходимости объединения удельных княжеств вокруг Москвы. Что касается художественных произведений, созданных в эпоху монголо-татарского нашествия, то основным их лейтмотивом становится плач по родной земле, горькое воспевание ее красоты и былой свободы, которую необходимо обрести вновь, возродить красоту родной земли, ее культуру.

Основным жанром в это время становится историческая повесть, отличающаяся оригинальностью. Она вобрала в себя совокупность исторических, политических, нравственных и эстетических идей. Среди многочисленных произведений той эпохи особо следует выделить «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище», многочисленные рассказы о нашествиях Тамерлана и Тохтамыша. В этих повестях запечатлены идеи национального самосознания, отражена политическая и нравственно-эстетическая идея красоты подвига, борьба с врагом. Так, в «Повести о разорении Рязани Батыем» Батыю противостоит Евпатий Коловрат, один из рязанских вельмож. «Евпатий же был исполин силою… И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, и других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин» [7].

Во всех этих произведениях довольно весомым началом является идея единства родной земли, что порождает совершенно самобытный древнерусский идеал, общее содержание которого может быть определено как «прекрасное – это Объединенная Родина». Борьба за единую Русь оценивается русскими мыслителями не только как политический, но и как эстетический идеал. Этот патриотический идеал и объясняет, почему отождествление героического и прекрасного столь характерно для морально-эстетических воззрений Древней Руси.

С патриотическим идеалом «прекрасное – это Родина» органически связана и эстетическая оценка человека. Для христианского Средневековья в целом характерен аскетический идеал человека. Эстетика аскетизма, сложившаяся в среде византийского монашества, не нашла на Руси должного выражения. В XI–XIII вв. русские мыслители, в подавляющем своем большинстве связанные с православной церковью, не навязывали мирским людям монашеский аскетизм как образец эстетически прекрасного в человеке.

Н.Б. Пилюгина рассматривает три возможных в древнерусской эстетике варианта понимания красоты с точки зрения отношения внешнего (материального) и внутреннего (духовного).

1) По «Молению Даниила Заточника», внешняя красота – это тоже «красота», но ложная, ибо не является выражением внутреннего совершенства. Истинной красотой считается та, которая соответствует добрым и мудрым делам и поступкам.

2) По представлениям древнерусских книжников, гармония внутреннего и внешнего содержания составляла основу идеально-прекрасного. Внутренней, духовной красоте должна гармонично соответствовать ее внешняя оболочка. Князья – герои житий – прекрасные внутренне, как правило, прекрасны внешне (например, Борис и Глеб, Александр Невский).

3) Специфически монашеское – представление о красоте сокровенной, скрытой внешним убожеством, и лишь в критические моменты проявляющейся в виде возвышенного явления (сияния, чуда и т.д.) [8].

Древнерусскими писателями высоко оценивалась физическая и духовная красота. О гармоническом единстве внутренней и внешней красоты в людях свидетельствуют летописные эпизоды. К примеру, единство физической и духовной красоты подчеркивается в повествовании о путешествии княгини Ольги в Царьград; когда византийский император увидел, что

Ольга очень красива и вместе с тем чрезвычайно умна, он предложил ей разделить с ним престол [9].

Человек, как мужчина, так и женщина, считался подлинно прекрасным лишь тогда, когда в нем гармонично сочетались беззаветная преданность Родине, высокие моральные и интеллектуальные качества и физическое совершенство. На становление подобной оценки человека непосредственное и решающее влияние оказали эстетические воззрения самого народа.

Достаточно много внимания в древнерусской эстетической мысли уделяется красоте подвига. В частности, жизнь и смерть Бориса и Глеба, которые стали жертвами междоусобной борьбы князей, рассматриваются как идеал человечески прекрасного. Бориса и Глеба признавали образцом душевной и даже физической красоты. А их страдания и гибель во имя единства Руси рассматривались как высшее проявление эстетически прекрасного.

В «Поучении детям» Владимир Мономах призывает к постоянному полезному труду для собственного блага и блага государства. «В дому своем не ленитесь… На войну выйдя, не ленитесь. Что имеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь» [10]. Религиозно-аскетический монашеский идеал человеческой жизни князь противопоставляет идеалу разумной, деятельной жизни. Этот нравственно-эстетический идеал пронизывает все «Поучение».

Активная деятельность как нравственно-эстетическая добродетель отмечается и в житиях святых этого периода. К примеру, в «Житии преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского», написанном Нестором, подчеркивается потрясающее трудолюбие, крепость тела и духа как основная черта личности Феодосия. По мнению А.А. Баженовой, в произведении «нравственно-эстетический идеал и гражданский совпадают» [11]. Таким образом, эстетическая оценка человека в русской мысли XI–XIII вв. значительно отличалась от этического христианского кодекса. Древнерусская философия рассматривала прекрасное не только с точки зрения красоты духовной, но и с точки зрения красоты внешней (физической).

В древнерусской эстетике развивалась и объективная, стихийно-материалистическая оценка прекрасного в природе. Несмотря на характерную для Средневековья религиозную основу философских и эстетических воззрений, в оценке природы мы находим определенные элементы натурфилософского взгляда на мир. Мысль о единстве природы, о ее внутренней целостности, одинаковой значимости всех ее проявлений проходит красной нитью через всю древнерусскую эстетическую мысль. Продолжал существовать и развиваться жизнеутверждающий взгляд на природу, сформировавшийся в эпоху язычества. Оценки природы в древнерусских письменных источниках многообразны, но все они проникнуты подлинным эстетизмом. В.А. Девонина определяющей чертой русской культуры считает отношение к природе как к родительнице [12].

В системе ценностей древних славян природа занимала одно из главных мест. Перед византийцами, воспитанными в духе христианства, не стояло подобной проблемы. Со времен поздней античности и раннего христианства природа утратила свой сакральный смысл. В системе христианских ценностей она стоит на одной из низших ступней, как специально созданная среда обитания человека, предназначенная исключительно для удовлетворения его потребностей или для использования ее в качестве карательного орудия Богом при периодических наказаниях той или иной части «грешного» человечества.

Эстетическое отношение к природе ярко выражено в «Слове о полку Игореве», где природа дается без всякой религиозной окраски, выступая как нечто совершенно самостоятельное, прекрасное в силу своего многообразного и яркого бытия, во всей своей конкретности и величии. Автор «Слова» находит простые и яркие слова для описания красоты и могущества природы в знаменитом плаче Ярославны: «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси» [13]. К ветру Ярославна обращается как к господину. Могучими сверхъестественными возможностями наделяются и другие природные стихии. В один ряд с Солнцем и ветром Ярославна ставит Днепр Словутич, который в ряду могущественных сил представляет водно-

земную часть Космоса. Последнее обстоятельство объясняется тем, что земное пространство обожествлялось славянами так же, как и небесное. Особенно почиталась земная влага, дающая жизнь, и разнообразные водные источники.

Явления природы в «Слове» выступают не в виде бездушных пассивных стихий, они наделяются свойством активно влиять на течение дел. Как отмечает В.В. Мильков, «творческая мысль автора одухотворила физический мир, что было недопустимо с точки зрения ценностно-эстетических установок христианской ортодоксии» [14].

В «Слове» предельно гармонизированным предстает мир природы и человека. В основе построения произведения лежат представления о единстве всех сторон бытия, о чем свидетельствуют указания на близость и родство людей, природы и богов.

Сакральное отношение к природе определило создание ведущего образа произведения – образа Русской земли.

По мнению К.В. Шохина, убежденность в красоте природы, восприятие этой красоты как явления радостного, жизнеутверждающего приобретает в Древней Руси характер эстетического отношения к действительности, эстетической оценки [15]. Такая философско-художественная оценка ярко проявляется в сочинениях Кирилла Туровского. Красоту в природе он воспринимает как жизнеутверждающую силу. С его точки зрения, красота – это свойство всей природы, она одинакова во всех ее проявлениях. Особенно ярко это воззрение выражено в описании весны: «Днесь весна красуется, оживляющи земное естьство» [16]. В то же время весеннее пробуждение природы Кирилл Туровский считает символом весеннего праздника Воскресения Христова. То есть описание природы в данном случае имеет своей целью раскрыть символическое значение тех или иных явлений природы, выявить скрытую в ней Божественную мудрость, извлечь моральные уроки, которые природа может преподать человеку.

Мотив символической красоты природы берет свое начало из византийских богословских источников (в качестве примера можно сослаться на произведения Григория Богослова). При этом важно подчеркнуть, что в сочинении Кирилла Туровского усиливается не религиозно-символический момент (Пасха), а художественно-эстетический: описывается в первую очередь живая красота пробуждающейся от зимы природы. Радость и красота весенней природы – мотив не только пасхальный, но и главным образом народный. Как считает К.В. Шохин, «отождествление весны с пробуждением, жизнью является одним из ярчайших проявлений народного творчества восточных славян» [17]. Это позволяет автору сделать вывод о том, что «натурфилософское понимание красоты у Кирилла Туровского органически переплетается с эстетическими оценками, исходящими из глубин русских народных воззрений на природу, жизнь, красоту» [18].

Подлинно народные мотивы образа весны в произведениях Кирилла Туровского отмечал и М.И. Сухомлинов, известный исследователь творчества мыслителя. Противоположного мнения придерживается В.В. Кусков, полагая, что Кириллу Туровскому присуще чисто христианское, символическое истолкование природы [19].

По-своему и в гражданских целях дает эстетическую оценку природы автор «Слова Даниила Заточника». Весна предстает в образе красоты, радости, надежды и человеческой справедливости. Природа прекрасна в силу того, что она свободна. Поэтому человек должен брать с нее пример. Мудрый князь сравнивается с могучим дубом, пустившим многочисленные корни. Все фальшивое в человеческих отношениях противопоставляется красоте свободной природы [20].

Восхищение природой, созданной по его представлениям Богом, но не теряющей от этого своей самобытной красоты, мы встречаем и в «Поучении» Владимира Мономаха. Мономах восхищается богатством образов, существующих в мире: «…И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости» [21].

Таким образом, оценка прекрасного в природе в древнерусской эстетике ведет свое начало с древнейших времен. Она высказывалась еще в народном творчестве. Однако с принятием христианства в эстетическую оценку действительности проникает и религиозный момент, хотя его позиции нельзя считать определяющими.

В целом, следует сказать, что суть национальной специфики древнерусской эстетики – в ее ориентации на гражданственность, патриотизм, художественную красоту. Эти черты издревле были свойственны культуре восточных славян. Патриархальные эстетические представления нашего народа отличаются исключительным интересом к прекрасному в природе и носят преимущественно космогонический и зооморфный характер, а идеал «прекрасное – это Родина» определяет все основные течения в древнерусской эстетической мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5-ти т. Т. 1. М., 1962. С. 48-49.

[2] Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. М., 1950. С. 140.

[3] Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. М., 1990. С. 116.

[4] Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XI – начало XII в. М., 1978. С. 153-155.

[5] Цит. по: Шохин К.В. Проблема прекрасного в эстетических воззрениях Древней Руси (XI–XIII вв.) // Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961. С. 294.

[6] Слово Даниила Заточника // Златоструй. С. 240.

[7] Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 193.

[8] Пилюгина Н.Б. Эстетический идеал Древней Руси и современность // Эстетический идеал и современность. Понятие, проблемы, преемственность. М., 1986. С. 113-114.

[9] Повесть временных лет // ПЛДР. XI – начало XII в. С. 75.

[10] Поучение детям Владимира Мономаха // ПЛДР. XI – начало XII в. С. 401.

[11] Баженова А.А. Русская эстетическая мысль и современность. М., 1980. С. 13.

[12] Девонина В.А. Природа и эстетическое сознание Древней Руси // Культура и творчество. Киров, 1993. С. 12.

[13] Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 27.

[14] Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С. 96.

[15] Шохин К.В. Проблема прекрасного в эстетических воззрениях Древней Руси (XI–XIII вв.) // Из истории эстетической мысли древности и средневековья. С. 286.

[16] Цит. по: Шохин К.В. Указ. соч. С. 286.

[17] Шохин К.В. Указ. соч. С. 287.

[18] Там же.

[19] Кусков В.В. Эстетические представления в Древней Руси // Эстетика и жизнь. Вып. 7. М., 1982. С. 129.

[20] Слово Даниила Заточника. С. 240.

[21] Поучение детям Владимира Мономах. С. 397.

2012. Вып. 2 (7). С. 103–116

УДК 930.1(09)

МЕТАФИЗИКА ВОЙНЫ И МИРА В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

Л.Э. Сутягина

Аннотация

В статье рассматривается система религиозно-философских воззрений В.С. Соловьева на проблему войны и мира. Идеи и размышления философа В.С. Соловьева по поводу российской действительности второй половины XIX в. актуальны и в наши дни.

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?
Вл. Соловьев

Религиозно-философское наследие Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) занимает особое место в русской традиции идеализма, несмотря на широкий спектр неоднозначных оценок творчества философа. Оригинальная система религиозно-философских воззрений В.С. Соловьева остается предметом научного дискурса и по сей день. Как заметил известный петербургский исследователь А.А. Ермичев, главное, что определяет место Соловьева в истории русского мыслительного процесса – это социальное христианство [1].

В рамках модели всеединства и учения о Богочеловечестве Соловьев искал ответ на основные мировоззренческие проблемы человека и социума. Исследования Соловьева касались не только основных вопросов философии и метафизики, но имели практическую направленность. Незаурядный талант и огромный философский ум Соловьева творчески осмысливал современную ему российскую действительность и комментировал эпоху. В истории русского религиозного сознания Владимир Соловьев играл ключевую роль. Недаром его философским девизом было всеединство: он стремился соединить всё, объять в синтезе все полярные, противоборствующие начала русского духа, и в первую очередь – богоустремленность христианства и социальный пафос интеллигенции [2].

Соловьев много размышлял о причинах зла, конфликтах между народами, варварстве и цивилизации, нравственных аспектах взаимоотношениях личности и государства, о возможности преодоления войн и путях к миру. Подходы к решению этих проблем философ искал, прежде всего, с точки зрения учения о всеединстве.

Что такое всеединство по В.С. Соловьеву?, задает вопрос протоиерей Александр Мень: «Это дух, который связывает элементы природы и духовные миры, который связывает общество, нас – с высшим единым Началом. И когда люди берут какую-либо одну часть бытия всеединого, ограниченного и выделяют ее, получается то, что он называл “отвлеченным началом”. Поэтому рассудочное познание, ставшее отвлеченным, оторванным, отрезанным от бытия, в конце концов, терпит поражение. Эмпирическая наука, которая перестает считаться с опытом внутренним, духовным и с выводами отвлеченной метафизики, – то же, в конце

концов, заводит в тупик. И В.С. Соловьев подвергает критике все основные “отвлеченные начала”, это стало содержанием его докторской диссертации» [3].

В критике «отвлеченных начал» Соловьев, разбирая вопросы цельного знания, исходил из того, что истина – это то, что есть, т.е. сущее или сущее всеединое. Истина сама по себе является абсолютной ценностью, принадлежащей всеединству.

Идея всеединства сквозит главной мыслью в диалогах героев «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об антихристе и с приложениями». Этическое понятие «народ» Владимир Соловьев обосновывал с библейской точки зрения, подразумевая то, что у каждого народа есть своя миссия, предопределенная Творцом. Фразой, вложенной в уста Политика: «всякий человек есть такой же человек, как и всякий другой»! – выражается христианский универсализм Соловьева – сверхнародный и всехнародный.

Философию Соловьев определил как свободное исследование основ человеческого знания, бытия и деятельности. В его мышлении философия и богословие связаны теснейшим образом. В сущности, для него философия имеет пропедевтический характер.

Анализируя религиозно-философское наследие В.С. Соловьева и его методологию, можно увидеть некоторую априорность утверждений, не всегда использование доказательности в построениях. Многие размышления строились на внутреннем убеждении и некоторых постулатах его практического разума, умственной интуиции. Философские проблемы в рассуждениях Соловьева излагались из уже сформированной картины мира и глубокого мироощущения, порой являясь пророческим воззванием.

Исследуя идейные интенции и новации эпохи, В.С. Соловьёв выработал свою оригинальную философию, опирающуюся на интерпретации всеединства и теократии. А.Ф. Лосев справедливо заметил, что «никак невозможно сказать, что он отходит от своих теократических идей абсолютно и окончательно. Его разочарование относится скорее к возможности немедленного и самого глубокого осуществления теократического идеала. Сам этот идеал, безусловно, остается у него нетронутым» [4].

В предисловии ко второму изданию «Оправдания добра», которое В.С. Соловьев считал важнейшим из всего им написанного, он поставил задачу «показать добро как правду, то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца – для всех, кто решится предпочесть его» [5]. Восемнадцатую главу этого труда В.С. Соловьев посвятил смыслу войны, полагая, что в проблеме войны заключены три вопроса: *нравственный, исторический и личностный*. Размышления, легшие в основу этой главы, стали своеобразной теорией осмысления такого феномена как война.

Соловьев был уверен, что смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия: в ней есть нечто положительное – не в том, что она сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимой при данных условиях [6]. Для него было очевидно, что мир наступит не в силу морального отвращения перед войной, но исходя из диалектической связи войны и мира.

Характерная особенность воззрений Соловьева, связанная с его учением о всеединстве, заключалась в том, что он видел свободу человека лишь в выборе зла, но не в подчинении идее добра. На каждой новой ступени мирового развития, с каждым новым осложнением природного существования открывается возможность новых, более совершенных воплощений всеединой идеи. Он полагал, что всеединая идея может окончательно реализоваться или воплотиться только в полноте совершенных индивидуальностей и, следовательно, последняя цель всего дела есть высшее развитие каждой индивидуальности в полнейшем единстве всех.

Мы нужны миру, столько же, сколько и он нам. В силу этого, писал В.С. Соловьев, «возможно более сознательное и деятельное участие в общем историческом процессе – для самих себя и для всех других нераздельно» [7].

Это стремление от раздробленного, разъединенного к гармонии единого и совершенного является ядром философии Соловьева, его поиском Софии, или Премудрости Божией. Именно в этом контексте всеединства многие, далеко не абстрактные, а реальные проблемы общества и личности разбирал Владимир Соловьев на страницах своих произведений.

Позволим себе согласиться с точкой зрения авторитетного российского философа С.С. Хоружего, который, анализируя систему воззрений Владимира Соловьева, пишет о том, что «всеединство, или же совершенное, стройно-гармоническое единство множества, где каждая часть несёт в себе целое, – классическая философская тема и в новой, и в древней метафизике, начиная едва ли не с досократиков. София, или Премудрость Божия, скорее тема мистических медитаций…» [8].

На страницах «Смысла любви» Соловьев, объясняя свои размышления о сущности всеединства, заметил, что «сверх силы всемирного тяготения идеальное всеединство осуществляется духовно-телесным образом в мировом теле посредством света и других сродных явлений (электричество, магнетизм, теплота), которых характер находится в таком явном контрасте со свойствами непроницаемого костного вещества, что и материалистическая наука принуждена очевидностью признать здесь особого рода полувещественную субстанцию, которую она называет эфиром. *Это есть материя невесомая, всепроницаемая и всепроницающая – одним словом, вещество невещественное. Этими воплощениями всеединой идеи – тяготением и эфиром – держится наш действительный мир*, а вещество само по себе, то есть мертвая совокупность мертвых и непроницаемых атомов, только мыслится отвлекающим рассудком, но не наблюдается и не открывается ни в какой действительности» [9].

Совершенное всеединство требует полного равновесия, равноценности и равноправности между единым и всем, между целым и частями, между общим и единичны. То самое равновесие, которое является одним из главных факторов мира как такового, во всех его проявлениях.

Для Владимира Сергеевича Соловьева система всеединства имела практически-преобразовательную направленность, пафос философии всеединства заключался в активности человека в богочеловеческом акте всеединства [10].

Человек, по сути своей, абсолютен в возможностях, но ничтожен в действительности. По мнению Соловьева, разрешить это противоречие возможно только в максимуме духовных стремлений человека к достижению полноты бытия во всецелой общечеловеческой организации, ненасильственно сплоченной во имя осуществления безусловного предназначения Богочеловечества [11].

Рассуждая о свободе, Боге и человеке, Соловьев приходит к выводу о том, что начало истины есть убеждение в том, что человеческая личность не только отрицательно безусловна и не может удовлетвориться никаким условным ограниченным содержанием, но и личность может достигнуть положительной безусловности, т.е. она может обладать всецелым содержанием, полнотою бытия. Вера в себя, вера в человеческую личность есть вместе с тем вера в Бога, ибо Божество принадлежит человеку и Богу, с тою разницею, что Богу принадлежит оно в вечной действительности, а человеком достигается и получается через стремление. Вера в Бога и вера в человека сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества [12]. Именно эта тема близка менталитету русской православной духовности, выраженному в «Троице» Андрея Рублева.

Для Соловьева всегда были важны этические аспекты поступков человека и соизмерение их с божественной истиной. Смысл евангельского наставления он видел в том, что «мы теряем душу свою для того, чтоб снова получить ее» [13]. Соловьев был уверен в том, что мы теряем мир для того, чтоб снова получить его, потому что вне божественного начала, в отчуждении от него рассматриваемый сам в себе, природный мир есть зло, обман и страдание. В положительном отношении к этому безусловному началу, он становится необходимым орудием или материей для полного осуществления, для окончательной реализации самого божественного начала [14].

Так как человечество, в понимании В.С. Соловьева, представляет собой три существенных элемента – дух, ум и чувственную душу, то искушение зла для всего человечества представляется трояким, но в ином порядке, чем для личности Христа. Человечество уже получило откровение Божественной истины в Христе, оно обладает этой истиной как действительным фактом, – поэтому первым искушением представляется злоупотребление истиной во имя самой этой истины, зло во имя добра [15].

Без аналитики историософских, политических и идейных размышлений Владимира Соловьева, его христианской социальной философии подойти к решению проблемы внутреннего противоречия добра и зла, насилия и бессилия, мира и войны невозможно.

По мнению известного петербургского исследователя истории русской философии И.Д. Осипова, развернутая трудах В.С. Соловьева религиозно-философская концепция являлась не только своеобразным отражением философских и религиозно-нравственных убеждений мыслителя, но преследовала вполне практические цели: преодоления себялюбия и эгоизма в обществе, осуществление христианских идеалов в сфере политики, права и хозяйства. Нравственно-религиозный критерий позволял ему выявить истинность и справедливость социальных отношений, оправдать либо осудить их [16].

Анализируя конкретные исторические процессы, в которые была вовлечена Россия в конце XIX в., Владимир Сергеевич Соловьев имел своё, порой неоднозначное мнение на политические события эпохи, преломляя их через призму модели всеединства. Он стремился в прошлом и настоящем найти объяснение развитию социальных процессов, осуществить всесторонний анализ событий на основе синтеза истории, социологии и философии.

Соловьев был современником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военных реформ Александра II, внимательно следил за процессом создания европейских коалиций рубежа XIX–XX столетий.

Имея на многие запутанные и сложнейшие вопросы русской истории глубоко оригинальный ответ, В.С. Соловьев рассматривал ее через ретроспективу метафизических, этических и теологических взглядов и построений. В исторических взглядах Соловьева кроется позиция философа в решении проблемы войны и мира, смысл которой состоит в приоритете религиозно-нравственного подвижничества нации. Смысл войны не в завоевании, но в очищении, в защите Отечества и национального духа. Призвание России состоит в том, чтобы осуществить в исторической жизни относительно полно вселенское христианство, очищенное от односторонности Востока и Запада.

Соловьев, несмотря на многие разногласия и критику славянофилов, был согласен с их мыслью об особом призвании России. Россия обладает всемирно исторической идеей, имеющей священный характер. Именно поэтому она должна стать тем новым культурно-историческим типом, который на православно-славянской основе примирит Восток и Запад.

Размышляя над наследием В.С. Соловьева, А.Ф. Лосев подчеркивал его правоту о «необходимости нашего избавления и от восточного фатализма, и от западного индивидуализма» [17]. Для Соловьева вселенский идеал – абсолютно должное, но не безусловно сущее. Идея России – идея будущего. У России есть все потенции, так как «русский народ создал государство могучее, полноправное, всевластное; через него только Россия сохранила свою самостоятельность, заняла важное место в мире, заявила о своем историческом значении» [18].

Будущее за всероссийской империей. Таков имперский взгляд не только философа, но и гражданина В.С. Соловьева.

Национальная история рассматривалась Соловьевым через призму истории Вселенской церкви. Из представления о церкви как «живом теле Христа» выводится и представление о необходимости союза отдельных наций, без всякого национализма. Соловьев не просто изучал и систематизировал факты, но во всем искал систему, выявляя законы, по которым развиваются человеческие представления о Боге, мире и нравственности. Критерием исторического прогресса для Соловьева служит нравственный идеал, укорененный в абсолютносущем.

В начале 1880-х гг. вышла книга В.С. Соловьева «Духовные основы жизни», в которой он писал о том, что «можно не убивать, не красть и не нарушать закон», но, в то же самое время, быть «безнадежно далеким от Царства Божия». И даже евангельские заповеди, «принимаемые как отдельные внешние предписания», не делают нас христианами. Согласно Соловьеву, человека к *христианству* может привести только его собственная совесть. «Перед тем, как решиться на какой-нибудь поступок, имеющий значение для личной или общественной жизни, необходимо, – утверждает философ, – вызвать в своей душе нравственный образ Христа, *сосредоточиться в нем* и спросить себя: мог ли Он совершить этот поступок, одобрит ли Он его, благословит меня или нет на его совершение?» [19].

Над этой темой Соловьев размышлял не только в «Оправдании добра», но и в последнем своем произведении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об антихристе и с приложениями».

По мнению Соловьева, человечество представляет единый большой организм, в котором индивиды или нации – моральные существа. Соловьев полагал, что моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия. Осуществление идеи Царства Божьего и является призванием идеального человечества, высшим смыслом исторического процесса по Соловьеву [20]. Причем, философ был против как национализма, так и космополитизма. Для него в явлении Богочеловека идея единого человечества универсальна.

«В Новом Завете уже нет речи о какой-либо отдельной национальности, – размышлял Соловьев, – и даже определенно указывается, что никакой национальный антагонизм не должен более иметь места, то не следует ли вывести из всего этого, что в первоначальной мысли Бога нации не существуют вне их органического и живого единства, – вне человечества?» [21]. Соловьев считал, что истинная идея нации – не что иное, «как образ их бытия в вечной мысли Бога». Субстанциальная форма человечества, по его мнению, реализуется в христианском мире во Вселенской Церкви. При этом Соловьев не мыслил свободы России без свободы церковной и религиозной.

Анализируя военные события уходящего XIX в., нарастающее революционное движение в России, смерть императора Александра II, Соловьев, не отказываясь от своих идей в целом, писал: «…Сила, даже победоносная, ни на что не пригодна, когда ею не руководит чистая совесть. Но исторический грех отнял у последней нашей войны ее практические результаты, а вместе с ними ее моральную ценность; он преследовал на Балканах наших победоносных орлов и оставил их под стенами Константинополя; отняв у нас уверенность и порыв народа, верного своей миссии…» [22]. Берлинский конгресс прогнал Россию с Балкан, из Сербии и Болгарии, которым Россия хотела покровительствовать. Политика русского правительства была пропитана «лживостью и лицемерием, отнимающим у нее всякий престиж и делающим невозможным какой-либо прочный успех» [23]. Здесь размышления В.С. Соловьева-историка важны более Соловьева-философа.

Для Соловьева смысл «русской идеи» тесно и неразрывно связан с идеей христианской. В то же время, по мысли философа, нельзя безнаказанно написать на своем знамени свободу славянских и других народов, отнимая национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев [24].

Русский народ сможет осуществить свой нравственный долг только тогда, когда он проникнет в истинный смысл христианства.

Темой эсхатологии пронизана «Повесть об Антихристе», ставшая заключительным аккордом размышлений философа не только о судьбах России, но и мировой истории.

Россия, уподобляясь душе человеческой, оказывается не просто географическим пространством, а тем вселенским полем, где Бог борется с Дьяволом, Антихрист со Христом и, как Новый Израиль, заключает Вечный Завет бесконечного Царствия Божия [25].

И снова возвращаемся к основополагающей теме раздумий Соловьева – разговоре о нравственной философии. Именно здесь сокрыты многие причины добра и зла, корни человеческих конфликтов и причины многих войн.

Соловьев считал, что *нравственность корпоративна* – это принципы поведения той или иной общности, основанные на нравах; *мораль общечеловечна* – это постулаты поведения индивида как части человеческого рода. Но при этом не следует забывать о том, что Соловьев был глубоко религиозным человеком и соизмерял свои оценки с христианской позицией.

В девяностые годы все реже В.С. Соловьев обращался к категории свободной теократии. Чаще она заменяется понятием христианского государства. Согласно Соловьеву сфера принудительного действия христианского государства отступает перед индивидуальной свободой и вместе с тем идет вперед, оказывая помощь в социальных бедствиях [26].

В «Оправдании добра» (в главе семнадцатой «Нравственность и право») Соловьев, говоря о смысле государства, замечает, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности, «заменяя хаотическое и истребительное столкновение частных элементов природного человечества правильным порядком его существования, причем принуждение допускается лишь как средство крайней необходимости, заранее определенное, закономерное и оправданное, поскольку оно исходит от общей и беспристрастной власти» [27].

Власть в государстве простирается только до пределов его территории. Общей власти над отдельными государствами нет, поэтому столкновения между ними решаются чаще всего насильственным способом – войной. *Война является тем способом решения конфликтов, которые возникают между государствами по тем или иным причинам.* Но, по сути, причина войн глубоко нравственная.

Каково же относительное значение войны и каковы пути к устранению войн? На этот вопрос Соловьев ищет ответ в восемнадцатой главе «Оправдания добра». С присущей философу ясностью трактовки, дается определение и характеристика войны как феномена человеческого бытия. По мнению Соловьева*, война – это болезнь; она не имеет ничего общего с борьбой за существование. Война – реальная необходимость при данных условиях, при известных обстоятельствах.* А то братоубийство, которым открывается история, полагает В.С. Соловьев, было вызвано завистью, а не голодом [28].

Быть может, именно поэтому в разгар Первой мировой войны, в 1915 г., в Одессе эта глава была опубликована как отдельный философский очерк. Мысль о том, что война – это первый шаг на пути к миру, прозвучала очень своевременно. Всегда наступает момент даже в крупных завоеваниях, когда война перестает быть нормальным явлением и становится «редкою и предосудительною случайностью – преступным междоусобием» [29]. Что, собственно, и является первой предпосылкой мира. Не на слабости и подавленности народов, а «на высшем развитии их сил, на свободном взаимодействии восполняющих друг друга народностей» должен основываться желанный мир человечества [30].

Ссылаясь на статистику войн XIX в., Соловьев не считал войну сознательным убийством, полагая, что простой человек, в силу обстоятельств военного времени, не может отказаться от военной службы. В этом смысле Соловьев аргументирует негативное отношение к отказу от военной службы с точки зрения этики – «не я, так кто же или он же?».

По мнению В.С. Соловьева, вряд ли человек изберет строевую военную службу по собственной охоте. Что же касается обязательной службы, требуемой государством, «вовсе не сочувствуя современным учреждением всеобщей военной повинности, неудобства которого совершенно очевидны, а целесообразность сомнительна, должно признать, что пока оно существует, отказ от подчинения ему со стороны отдельных лиц есть *большее зло*» [31].

Собственно, нравственный смысл государственной деятельности и состоит в борьбе со злом, что допускает в случае необходимости применение силы. В этой связи Соловьев критикует учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием, ибо только доброта, по его мнению, не может устранить зло, мы не имеем право «всегда и без разбора давать волю добрым чувствам» [32].

Именно государство, по мысли В.С. Соловьева, призвано обеспечивать жизнь людей в мире относительных, а не абсолютных ценностей, оно является важнейшей формой восполнения частной жизни, гарантом мирного сосуществования и «определенным образом организованное в отечестве». В.С. Соловьев был уверен – цель военной службы состоит в защите престола и Отечества, являясь, при этом самозащитой, но не злоупотреблением. Обозревая историю империй, в каждой из них он видит свой прогресс, перевес качества над количеством, формы над материей, что в свою очередь приводит к нравственно – общественному прогрессу.

Концептуальный смысл своих размышлений об абсолютных ценностях добра и зла, о насилии и миротворчестве Владимир Сергеевич Соловьев выразил в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об антихристе и с приложениями».

В последние годы жизни Владимир Сергеевич Соловьев чувствовал себя все хуже и хуже, поэтому он спешил сказать то главное, что он видел в судьбах человечества.

Весной 1899 г. Соловьев едет отдыхать в Канны. Здесь он пишет предисловие к переводам Платона и один из «Трех разговоров…». Лето 1899 г. Владимир Соловьев проводит в Пустыньке, которую он называл «милой сердцу страной», где читает брату рукопись новой книги.

«Разговоры о зле, о военной и мирной борьбе с ним» стали итоговой работой, где события всемирной истории «должны были закончиться определенным указанием на последнее, крайнее проявление зла в истории, представлением его краткого торжества и решительного падения» [33].

«Три разговора…» В.С. Соловьев публикует в «Книжках недели» (1899 и 1900 гг.). Поначалу книга называлась просто «Под пальмами». Это своеобразное завещание, итог многолетних историософских раздумий. в котором философ с горечью фиксирует крушение собственных же теократических надежд и предрекает миру весьма печальное будущее.

Герои повествования Владимира Соловьева – разные представители общества, полемизирующие друг с другом. Следуя античной традиции (диалоги Платона, Аристотеля, Цицерона), Соловьев ведет спор с самим собой, пытаясь понять истину. Поэтому, логично, что после трех разговоров о войне появляется «Повесть об Антихристе». Другого итога Соловьев не видит, иначе, чем объяснить всемирное зло?

В «Трех разговорах…» от лица своих героев он спорит с основами учения Л.Н. Толстого, отрицавшего все правовые нормы общества. Л.Н. Толстой настаивал на решении социальных вопросов с помощью только личного подвига человека вне правовой организации общества, его реформ и принудительных законов. В этом смысле В.С. Соловьев не был согласен с автором идеи «непротивления», полагая, что безопасность как одного человека, так и целого общества не может охраняться одним лишь нравственным законом, который окажется недейственным для людей с абсолютными ценностями насилия. Именно для согласия всех интересов общества и необходимы юридический закон и государство. Соловьев указывал на нравственный непреходящий характер права – смирять злые наклонности, обуздывать упорный эгоизм лиц, бороться с несправедливостью и произволом сильных, обеспечивать равенство и свободу.

Вопрос о борьбе против зла и о смысле истории В.С. Соловьев обсуждает с трех различных точек зрения – обыденно-религиозной, культурно-прогрессивной и идеально-религиозной. Представителем первой точки зрения служит Генерал, представителем второй – Политик, представителем третьей – г. Z., устами которого, несомненно, говорит сам автор. «Относительную правду», по собственному выражению Соловьева, он признает, впрочем, и за первыми двумя точками зрения.

С первых строк Владимир Соловьев определил цель своего изложения: «Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею надо иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [34].

Обращаясь к читателям, философ пишет, что безусловно не право только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, т.е. успешнее служит добру [35]. Понятие ***добра*** – один из главных постулатов философии В.С. Соловьева.

Оправдывая добро, В.С. Соловьев определяет его как нераздельную организацию триединой любви: любви восходящей по отношению к Богу, уравнивающей по отношению к людям, нисходящей по отношению к материальной природе. Добро Соловьев называет многочастное и многообразное. Именно служа такому добру, можно и нужно бороться со злом, как делали это и Св. Сергий и Дмитрий Донской – монах и воин [36].

Философ видит свободу человека лишь в выборе зла, но не в подчинении идее добра. На пути добра всегда мировое зло. Как с ним бороться? Словом Божьим или оружием? Герои «Трех разговоров…» спорят, на первый взгляд, из-за простой истины: «Всякое убийство есть безусловное зло; война есть убийство; следовательно, война безусловное зло» [37].

Столкнулись позиции разных представителей общества. Одна из них заключается в том, что война и военщина – безусловное и крайнее зло, от которого человечество должно непременно и сейчас же избавиться. Другая, – что война есть дело святое. Но есть и общепринятая точка зрения, с которой согласны многие: война есть зло, но полное устранение ее невозможно. Значит, дело идет не об уничтожении войны, а об ее постепенном и, может быть, медленном введении в теснейшие границы. А принципиальный взгляд на войну остается тот же, что и был всегда: неизбежное зло, бедствие, терпимое в крайних случаях.

Развивая полемику героев, В.С. Соловьев рассматривает вопрос о зле, о его нравственной подоплеке, о том, что убийство на войне – безусловное зло. Устами автора говорит господин Z: «…О том, что *вообще* лучше не убивать, чем убивать, – об этом нет спора, в этом все согласны… Спрашивается: есть ли общее или общепризнанное правило не убивать – действительно безусловное и, следовательно, не допускающее никакого исключения, ни в каком единичном случае и ни при каких обстоятельствах, или же оно допускает хоть одно исключение и, следовательно, уже не есть безусловное?» [38].

Говоря о войне, об исключениях на войне, позиция Генерала, рассказавшего историю с башибузуками во время событий русско-турецкой войны, близка автору. Причем, эта часть первого разговора интересна не только с точки зрения нравственных аспектов полемики о войне, но и с литературной точки зрения. В конце октября 1877 г. Генерал вместе с драгунами и казаками обнаружил вырезанное башибузуками армянское село. Башибузуки страшно надругались над жителями села, уничтожили всех, селение сожгли. Генерал вспоминает, что по началу почувствовал страшную тоску, такую, что на мир Божий смотреть противно. Но постепенно пришел в себя и дал приказ нагнать извергов. Отряд во главе с армянином-проводником отправился за башибузуками короткой дорогой, через ущелье. При этом Генерал так описывал свое внутреннее состояние: «…В душе легкость какая-то, точно на крыльях лечу, и уверенность полная: знаю, что нужно делать, и чувствую, что будет сделано». Противник превосходил силами отряд Генерала, но ненависть к извергам была настолько сильна, что правильной тактикой, храбростью и Божьей милостью удалось почти полностью порубить эту орду. «А у меня на душе – светлое Христово Воскресенье. Собрали мы своих убитых – тридцать семь человек Богу душу отдали… Отпели чин-чином. Только священнического разрешения нельзя было дать, да тут его не нужно было: разрешило их заранее слово Христово про тех, что душу свою за други своя полагают» [39].

Позиция Соловьева такова, что каждый сам в этой жизни выбирает свой путь. И если человек беспокоится на своем жизненном пути о нравственных обязанностях перед окружающими, если ему не чужды Евангельские заветы, то поступать он должен по своей совести, соизмеряя свой путь с Богом, оставаясь в любой жизненной ситуации человеком. Что же касается расправы казаков над башибузуками и убийства на войне *в данном случае,* то здесь

Соловьев согласен со своим героем – Генералом, что «взаправду есть христианское воинство и что *война, как была, так есть и будет до конца мира великим, честным и святым делом*» [40], подразумевая справедливое возмездие.

Соловьев писал: «Если прекращение войны вообще я считаю невозможным раньше окончательной катастрофы, то в теснейшем сближении и мирном сотрудничестве всех христианских народов и государств я вижу не только возможный, но необходимый и нравственно обязательный путь спасения для христианского мира от поглощения его низшими стихиями» [41].

Сюжеты второго и третьего разговоров не менее интересны – власть и деньги, роль политики в жизни общества, политические и общечеловеческие цели, духовность и свобода выбора во власти. Рассматривая теорию культурного прогресса, Соловьев имеет свою точку зрения, понимая, что *прогресс это тоже условность – не всегда прогресс является безусловным принципом достижения добра*.

Главным героем второго разговора становится Политик. Для него нет абсолютных правил игры, а есть необходимые правила, удобные для него и окружающих.

Можно или принимать эти правила, или нет. Но гораздо удобнее, по мнению Политика, исполнять эти правила, чем нарушать. Для политика спор об историческом значении войны как главного средства создания и упрочнения государства не имеет смысла. Война всегда была инстинктом самосохранения очагов цивилизации среди варварства. А вот войны последнего времени – слишком рискованное и дорогое средство для достижения политических интересов. Политик наивно заявляет: «*...Я твердо уверен, что ни мы, ни наши дети больших войн – настоящих европейских войн – не увидим, а внуки наши и о маленьких войнах – где-нибудь в Азии или Африке – также будут знать только из исторических сочинений*» [42]. Политик утверждает, что и для России период войн закончился. Война была необходима как средство достижения определенной цели. С достижением государственного и национального бытия война теряет смысл. Он полагает, что по мере потери своего практического смысла, война теряет и мистический ореол.

Через размышления Политика В.С. Соловьев выразил мнение части просвещенного российского общества конца уходящего XIX века. Однако прогнозы Политика не сбылись, и XX в. стал веком мировых войн и кардинальных изменений не только для России, но и мира в целом.

Генерал, который в корне не согласен с Политиком: «…Не слишком ли вы торопитесь нашего брата к исчезнувшему хвосту приравнять?... Пожалуй, какими-нибудь “мероприятиями” да “системами” можно и русского солдата в киселя превратить, – ну да Бог не выдаст» [43].

Объяснить сложно эту позицию, укоренившуюся в характере каждого русского человека, но понять можно, потому что сидит она крепко в каждом из нас. Формировалась она веками. Своеобразная готовность в любой момент отразить натиск врага, не «ударить в грязь лицом», «постоять за землю русскую». Как созвучны эти диалоги нашему времени. Извечный дискурс о необходимости усиления власти, военных реформ, пользе и вреде военных конфликтов остается открытой темой для разговора как политика, так и философа.

В «Трех разговорах…» Владимир Сергеевич Соловьев сумел четко сформулировать тот многогранный спектр вопросов на тему мира и войны, который остается актуальным и для современности.

Соловьев не всегда согласен со своими героями. Но за словами Политика мы видим критичную позицию философа по отношению к внешней и внутренней политике Российского самодержавия. Кто виноват в причинах военных, национальных и религиозных конфликтов той эпохи, и кто в них заинтересован? Кто же стравил армян и башибузуков? К чему пришли?

Обеспокоенный будущим России, Соловьев жестко и нелицеприятно проанализировал военные события конца XIX в., называя их дурной воинствующей политикой, которая, возбуждая страсти и притязания турецкой райи, дразнила турок. Лучше прогнозировать политические события и делать мирные шаги в поисках переговоров, чем потом расхлебывать «благие результаты нашей патриотической и филантропической войны» [44].

В диалоге между Генералом и Политиком В.С. Соловьев тонко подметил психологию профессионального военного, для которого решение проблемы – сила оружия; и психологию политика, использующего дипломатическую игру и интригу. Генерал уверен в том, что военные правильно закончили войну на Балканах, а вот как раз государственные мужи и виноваты в неудачных последствиях. По мнению Генерала, давно пора покончить с самой Турецкой империей. Позиция Политика иная – для турок их правительство так же необходимо, как присутствие турецких солдат в Иерусалиме для мира и благосостояния разных христианских исповеданий в тех местах.

А не проще ли, полагает Генерал, вместо Турецкой империи учредить несколько русских провинций, как в Средней Азии. На что Политик недоумевает: «Ну надеюсь, вы это не серьезно говорите…» [45]. Понятно, что такие имперские замашки могут привести к очередной трагедии. Однако приводя пример с Габсбургами, которые удерживают маленькие народы империи, Политик считает, что «если бы Австрии не было, ее надо было бы придумать». Получается, что и Политик, и Генерал в одной упряжке?!

На страницах «Трех разговоров…» В.С. Соловьев через диалог героев дает оценку не только современной политической ситуации в Европе и на Востоке, тем политическим блокам, которые возникали в конце XIX в., но и указывает задачи России для поддержания стабильности Европейского мира.

Но, разумеется, главная цель этого труда совсем не в аналитике исторической обстановки. Ещё в работе «Оправдание добра» Соловьев задается вопросом: «Как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и тем условиям, которые из него практически вытекают?» [46]. Ответ таков – ни всеобщая мобилизация, ни культурное воздействие на варварские народы, ни коалиционные блоки не помогут избавиться от войн.

В уста Генерала Соловьев вложил фразу о том, что мир наступит только тогда, когда «*на земле мир, в человецех благоволение*» [47]. Каким путем придти к общему миру, если, по мнению Генерала, и многих его сторонников, у нас нет истинной солидарности с европейскими нациями?

Для Политика понятие «европеец» – своеобразное значение цивилизованности или то же, что и понятие культура. Своеобразная парадигма для определения сравнительного достоинства или ценности различных рас, наций, индивидов. Он полагает, что эти различия оценок здравая политика непременно должна принимать в расчет. А для Соловьева гораздо важнее высказывание о том, что *всякий человек есть такой же человек, как и всякий другой.*

За спором персонажей Владимира Соловьева стоит проблема поиска тех универсалий общественного устройства, которые могут стать индикатором мира.

Каждый народ имеет и может иметь свою самобытную культуру, традиции, культурное пространство. В то же время, между народами происходит своеобразная интеграция, взаимопроникновение культур, процесс синтеза культур, процесс, который сближает народы и позволяет им мирно сотрудничать и сосуществовать. Но процесс этот мучительный и сложный. Можно развивать экономику и зарабатывать деньги, благодаря культурному сотрудничеству и обмену опытом. Но есть и другой способ – развязывание национальной и религиозной вражды, провоцирование локальных и международных войн, продажа оружия, мировое господство, дележ рынков и сфер влияния. И опять идея всеединства, которая все время будоражила Владимира Соловьева, сквозит главной мыслью в «Трех разговорах…».

Размышляя о культуре и прогрессе, Соловьев подводит своих героев к дилемме: мирная политика – мерило или симптом культурного прогресса? По мнению В.С. Соловьева, только совместные усилия всех христианских народов в «теснейшем сближении и мирном сотрудничестве могут спасти христианский мир от поглощения его низшими стихиями» [48].

Парадигма духовного и социального равновесия возможна только при личной активности каждого христианина. Полнота бытия есть не только фантазия, субъективный призрак, а на-

стоящая действительность. Человеческая личность может обладать всецелым содержанием, полнотой бытия. Соловьев был уверен в том, что «вера в себя, вера в человеческую личность есть вместе с тем вера в Бога, с тою разницей, что Богу принадлежит он в вечной действительности, а человеком только достигается» [49].

В.С. Соловьев утверждал именно такую стратегию христианского существования, «которая была бы динамической и творческой, преобразующей равно по отношению к внутренней (духовно-душевной) и внешней (социальной) реальности» [50]. Можно привести пример Сергия Радонежского, который, несмотря на свою внутреннюю духовную аскезу, высказал активную гражданскую позицию, благословив своих иноков на защиту Русской земли в 1380 г. на Куликовом поле.

Но кроме общественной и личной оценки войны как феномена, Соловьева интересовал вопрос «о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся» [51]. Проблема эсхатологии является ключевой в контексте «Третьего разговора». Вопрос зашел о главном – конце Света и антихристе. Всегда ли прогресс есть симптом конца, имея в виду, что с убыстрением прогресса исторический процесс приближается к своей развязке [52]. Герой повести «Три разговора…» господин Z, утверждает, что *антихристианство – это религиозное самозванство, когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на самом деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его* [53].

Этим размышлениям были посвящены последние годы жизни Владимира Соловьева. Он заново переосмысливал тему «русской идеи». В последней книге «Трех разговоров…» он затрагивает проблему «конца мира», как бы подводя итог своим многолетним раздумьям о судьбах человечества. Как отмечал Е.Н. Трубецкой, Соловьев в «Трех разговорах…» до конца рассчитался со своей идеей теократии. Для самого Соловьева это означало, что мир отпал от Бога, что обетованное тысячелетнее царство на Земле может быть только царством антихриста.

На вопрос, поставленный в «Трех разговорах…» – есть ли мировая сила, способная соединить в исторической жизни божеское начало с человеческим?, – Соловьев дает отрицательный ответ. Мир, основанный на разделении индивидов, государств, вероисповеданий, не способен к созданию Царства Божьего на земле. Духовное объединение и возрождение человечества возможно, но уже по ту сторону истории. В этом мыслитель усматривал развязку исторического процесса, его конец.

Начав с поиска смысла истории, пройдя через соблазн теократии, Соловьев приходит к апокалипсису конца истории. Надежда на Царство Божие переносится в эсхатологическое безвременье по ту сторону земной жизни [54].

Война идет между добром и злом. Может быть, просто заботиться о том, чтобы добра в людях было больше? И тогда зло само собою исчезнет? Но даже Христос своей добротой не спас Иуду Искариота и злого разбойника? Где же истина? Евангельская точка зрения в том, что люди своими государствами, фабриками, войсками, судами, университетами только разрушают Царство Божие. По мнению Князя, главная мысль Евангелия – «в великом принципе непротивления злу насилием». Однако Князь считает, что поступать по совести, бороться со злом, жить по евангельским заветам «должно теперь и здесь».

В.С. Соловьева разделял зло индивидуальное, общественное, физическое, крайнее (смерть). В слова господина Z. он вкладывает свою точку зрения на причины добра и зла: «Наша опора одна: действительное воскресение. Мы знаем, что борьба добра со злом ведется не в душе и в обществе, а глубже, в мире физическом. И здесь мы уже знаем в прошедшем одну победу доброго начала жизни – в личном воскресении одного – и ждем будущих побед в собирательном воскресении всех. Тут и зло получает свой смысл или окончательное объяснение своего бытия в том, что оно служит все к большему и большему торжеству, реализации и усилению добра: если смерть сильнее смертной жизни, то воскресение в жизнь вечную сильнее и того и другого. Царство Божие есть царство торжествующей через воскресение жизни – в ней же действительное, осуществляемое, окончательное добро. В этом вся сила и

все дело Христа, в этом Его действительная любовь к нам и наша к Нему…» [55]. *Собственно, в этих умозаключениях смыл метафизических поисков истины Владимира Соловьева.*

Для достижения этой цели необходимо иметь совесть, ум, вдохновение добра. Но человек должен бояться ложного добра, его обманчивой и соблазнительной личины. Соловьев подводит вплотную своих героев к волнующей и непонятной теме антихриста. Дилемма здесь не стоит – или Воскресение, или царство смерти и греха.

Герои повествования В.С. Соловьева остались в итоге каждый при своем мнении. А сам автор и не пытается что-то доказать читателям, он ставит иную задачу – размышляет вслух о проблемах добра и зла, войны и мира; приглашает читателя к диалогу. Как замечает один из участников «Разговоров», «еще много будет болтовни и суетни на сцене, но драма-то уже давно написана вся до конца, и ни зрителям, ни актерам ничего в ней переменять не позволено» [56].

Многие аналитические взгляды героев В.С. Соловьева, касающиеся проблем политики, войны, религии, национальных взаимоотношений очень созвучны и нашему времени, несмотря на то, что прошло более ста лет. Владимир Сергеевич Соловьев обладал удивительной проницательностью, заглядывая в будущее, и предостерегая. В «Краткой повести об Антихристе» В.С. Соловьев предвидел политическую картину мира и глобальные витки геополитического противостояния Востока и Запада, проблемы христианского и исламского мира, «европейские соединенные штаты» [57], распространение влияния Пекина.

На рубеже XIX–XX столетий происходят глубокие перемены в странах Востока, зарождаются новые общественно-политические движения. В российских умонастроениях второй половины XIX в. существовало мнение об угрозе с Востока. Такие интенции были обоснованы достаточно агрессивной международной политикой Японии, набиравшей силу после реформ императора Мейдзи; политическими волнениями в Китае. Русское общество и интеллигенция очень внимательно следили за политическими событиями в Восточной и Юго-Восточной Азии, осмысливая роль и место России, ее положение между Востоком и Западом.

В.С. Соловьев был не одинок в поисках тех ценностных ориентиров и мотиваций, которые могли определить политику России в восточном вопросе. Быть может, поэтому будущая судьба России рисуется В.С. Соловьевым в тонах апокалиптики и тревожной непредсказуемости. Последние стихотворения мыслителя посвящены глубинным проблемам исторической сцены мира. Как созвучно нашему времени его знаменитое «Ex oriente lux» с вопросом, обращенным к России: «Каким ты хочешь быть Востоком – Востоком Ксеркса иль Христа?».

«В предчувствии…» – таков диагноз последних произведений Владимира Соловьева, ушедшего 31 июля 1900 г., накануне великих потрясений в России.

С началом двадцатого столетия война становится *всеобщим человеческим бедствием*. Проблемы метафизики войны, смысла зла и насилия обозначили новые горизонты для размышлений современников в поисках парадигмы миротворчества.

В 1926 г. на страницах журнала «Путь» Г.П. Федотов в статье «Об антихристовом добре», посвященной «Трем разговорам…» Владимира Соловьева, напишет: «Для многих крушение русского царства оказалось равнозначным не только гибели России, но и гибели мира. Апокалиптические настроения легко овладевают умами, и в этих настроениях предсмертное произведение В. Соловьева приобретает неподобающее ему пророческое значение» [58].

В наследии Владимира Соловьева было немало незавершенного и недосказанного, однако для многих русских мыслителей начавшегося XX столетия он стал примером и вдохновителем новых творческих идей и исканий на духовной и философской ниве [59].

В.С. Соловьев показал, что добро – понятие не православное, а общечеловеческое. По сути дела во всех своих работах он развивал концепцию **христианского гуманизма**. Здесь просматривается и философский мотив идеи всеединства, которая стала своего рода константой, удерживаемой и воспроизводящейся при наступивших вскоре социально-

исторических изменениях в творчестве его последователей – русских религиозных философов начала XX века.

В наше время, в эпоху глобальных потрясений и угрозы самоуничтожения человечества, идея всеединства прочитывается по-новому, заставляя задуматься как о прошлом России, так и о будущих перспективах развития Отечества, о духовном возрождении нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ермичев А.А. В.С. Соловьёв и русская философия // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва / Материалы международной конференции 14-15 февраля 2003 г. Серия «Symposium». Вып. 32. СПб., 2003. С. 269-278.

[2] Хоружий С.С. Владимир Соловьев и мистико-аскетическая традиция православия // http://st-jhouse.narod.ru/biblio/thlg/horuji1.htm

[3] Мень А. Мировая духовная культура. Христианство, церковь. Лекции и беседы. М., 1995. С. 17.

[4] Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 433.

[5] Соловьев В.С. Оправдание добра // Его же. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1988. С. 79.

[6] Там же. С. 462-463.

[7] Соловьев В.С. Смысл любви. Чтения о богочеловечестве. СПб., 1994. С. 348.

[8] Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 171.

[9] Соловьев В.С. Смысл любви. С. 350.

[10] Акулинин В.Н. Философия всеединства. От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990. С. 82.

[11] Уткина Н.Ф. Тема всеединства в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 59-75.

[12] Соловьев В.С. Смысл любви. С. 54-55.

[13] Там же. С. 75.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 194.

[16] Осипов И.Д. Социальная философия В.С. Соловьева // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва. С. 217-218.

[17] Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 295.

[18] Соловьев В.С. Очерки из истории русского сознания // Вестник Европы. 1889. № 11. С. 384.

[19] Соловьев В.С. Русская идея. СПб., 1991. С. 31.

[20] Там же. С. 32.

[21] Там же. С. 45.

[22] Там же. С. 65-66.

[23] Там же. С. 66.

[24] Там же.

[25] Бойков В. Владимир Соловьев: Россия Ксеркса иль Христа? // Соловьев В.С. Русская идея. С. 26.

[26] Осипов И.Д. Указ. соч. С. 216-232.

[27] Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 461-462.

[28] Соловьев В.С. Смысл войны. Одесса, 1915. С. 8.

[29] Там же. С. 9.

[30] Там же. С. 17.

[31] Там же. С. 24-25.

[32] Осипов И.Д. Указ. соч. С. 216-232.

[33] Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об антихристе и с приложениями // Его же. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 641.
[34] Там же. С. 636.
[35] Там же. С. 640.
[36] Там же. С. 641.
[37] Там же. С. 647.
[38] Там же. С. 653-654.
[39] Там же. С. 663.
[40] Там же. С. 664.
[41] Там же. С. 642.
[42] Там же. С. 669.
[43] Там же. С. 687.
[44] Там же. С. 682.
[45] Там же. С. 684-685.
[46] Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 463.
[47] Там же. С. 693.
[48] Соловьев В.С. Три разговора… С. 642.
[49] Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Его же. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 26.
[50] Хоружий С.С. О старом и новом. С. 199.
[51] Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 463.
[52] Соловьев В.С. Три разговора… С.705.
[53] Там же. С.707-708.
[54] Лишаев С.А. История русской философии. Часть II. Книга 2: Вторая половина XIX века (Н.Ф. Федоров, П.Д. Юркевич, В.С. Соловьев). Курс лекций: учебное пособие. Самара, 2006. С. 117-198.
[55] Соловьев В.С. Три разговора... С. 728.
[56] Там же.
[57] Там же. С. 739.
[58] Федотов Г.П. Об антихристовом добре // Путь. 1926. № 5. Октябрь-ноябрь. С. 580-588.
[59] Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001; Емельянов Б.В., Павлов И.П. Русские философы о Вл. Соловьеве. Екатеринбург, 1997; Рашковский Е.Б. Вл. Соловьев о судьбах и смысле философии // Вопросы философии. 1988. № 8.

2012. Вып. 2 (7). С. 117–120

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.1(09)

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ЖИХ М.И. РАННИЕ СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (по материалам письменных источников). СПб., Казань: «Вестфалика», 2011. 90 с.

И.А. Гагин

Проблема раннего славянского присутствия в Среднем Поволжье уже более века занимает умы исследователей. Открытие археологами «именьковских древностей» только подлили масла в пламя бушевавших дискуссий. Один только обзор истории изучения и историографии именьковской культуры, сделанный Г.И. Матвеевой, занимает в монографии исследовательницы 21 страницу [1].

На сегодняшний день, исходя из того, что после выхода этого труда прошло 9 лет, обзор историографии, посвященной славянскому присутствию на Средней Волге, должен выглядеть значительно объемней. Сюда входят уже сотни археологических, исторических, лингвистических исследований. Нет сомнения, что работа молодого санкт-петербургского ученого М.И. Жиха «Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников)» [2], увидевшая свет в 2011 г., поможет, с учетом ее междисциплинарности, найти ответы на интересующие вопросы специалистов разных профилей: археологов, историков, лингвистов.

Монография М.И. Жиха невелика по объему, всего 90 страниц, но глубока по содержанию, поражает охватом материала и лаконичностью повествования. Как точно отметил редактор книги А.В. Овчинников, «профессиональное знание историографической ситуации в области археологии и лингвистики, умение анализировать сложные средневековые тексты позволили автору прийти к самостоятельному заключению о проживании в середине I тыс. н.э. на территории Среднего Поволжья славянского населения» (С. 5).

Монография включает предисловие редактора, введение, две главы, заключение, список использованных источников и литературы. Во введении автор дает характеристику современной историографии ранних славян Восточной Европы. В частности, он указывает на тот факт, что у ряда восточных авторов выявляются известия о славянах, проживавших в Поволжье в районе Волжской Булгарии и наименование Волги «Славянской рекой», что позволило еще А.Я. Гаркави сделать предположение о наличии здесь в раннем средневековье славянского массива (С. 10). М.И. Жих констатирует: «письменные источники вполне способны помочь разрешить спор археологов об одном из языков её носителей в пользу признания его славянства» (С. 12). Короткий обзор исследовательской литературы позволил автору сделать вывод, согласно которому «ученые с разных сторон приходят к признанию в основном славянской принадлежности именьковской культуры» (С. 14).

В первой главе анализируются письменные источники, согласно которым с IV по VII вв. н.э. в Среднем Поволжье, среди других народов, проживало так же и славянское население. Рассмотрение начинается с письма хазарского царя Иосифа, адресованного испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту, в котором среди множества данников хазар упоминаются и славяне. «*У* (этой) реки (Атил (Волга). – *М.Ж.*) *расположены многочисленные народы... Вот их имена: Бур.т.с, Бул.г.р, С.вар, Арису, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн..*» (С. 16). Ссылаясь на проверенные данные, автор перечисляет именно те типы хозяйствования, которые были характерны для [пра]славян и отличали их от других народов. В VII в. основная масса славянского населения Среднего Поволжья, под давлением булгарских кочевников, покидает регион и становится ядром формирования волынцевской культуры в районе днепровского левобережья. Но определенная их часть остается в Поволжье и, ассимилированная пришлыми тюркскими этносами, принимает участие в формировании этноса волжских булгар. Можно не сомневаться, что потомки «славян-именьковцев» сыграли важную роль в развитии земледелия и ремесла в формирующемся государстве, а так же в изменении хозяйствования у основной массы булгар и оседании их на землю.

Возвращаясь к слову «С.л.виюн» из письма хазарского царя, М.И. Жих высказывает предположение, что самоназвание одной из поволжских групп населения, проживавших здесь в V–VII вв. могло звучать примерно как «словене». Автор подкрепляет предположение вполне аргументированным рассуждением о том, что подобные имена были достаточно распространены в славянском мире («словаки», «словенцы», «словене ильменские», «словинцы-кашубы»), особенно среди племен, проживающих в инокультурном окружении. «Яркий пример здесь – “словене ильменские”, жившие в финском окружении. Ситуация с “именьковцами” была еще более показательна в этом плане – они жили полностью в инокультурном окружении в полной изоляции от остальных [пра]славянских групп» (С. 27).

Большое внимание автор уделяет «Запискам» Ибн-Фадлана, который, побывав в мае 922 г. в составе посольства халифа ал-Муктадира в ставке булгарского царя, постоянно именует его «малик ас-сакалиба» – «государь славян». Многолетний спор о причинах, побудивших секретаря посольства именовать булгарского эльтебера «государем славян» породила ряд гипотез. Дав вполне объективную характеристику каждой из них, автор аргументирует свою точку зрения, доказывая, что в определении жителей Среднего Поволжья как славян Ибн Фадлан следовал определенной традиции, сложившейся в арабском мире. За этой традицией «стоял реальный исторический факт – проживание в Среднем Поволжье «именьковцев» и, возможно, их потомков» (С. 30). Версия подтверждается свидетельством историка и географа ад-Димашки, которому паломники из Волжской Булгарии, бывшие в Багдаде в 443 г.х. (1041/42 гг.), на вопрос, кто они, ответили, что их народ – это смесь турок и славян (С. 31).

Вторая глава исследования М.И. Жиха посвящена анализу арабских сообщений о «Нахр ас-сакалиба» («Славянской реке»), которую, как считает А.В. Овчинников, автор обоснованно связывает с Волгой (С. 5). Отождествление реки с реальным водным объектом Восточной Европы вызвало дискуссию в научном мире, в результате которой мнение основной массы исследователей разделилось на приверженцев «донской гипотезы» (те, кто под «Славянской рекой» подразумевают Дон) и «волжской гипотезы» («Славянская река» – Волга). М.И. Жих категорично встает на позиции «волжской гипотезы».

Начинает автор свой анализ с попытки разобраться, говорят ли арабо-персидские источники о «Нахр ас-сакалиба» как об одной и той же водной магистрали или как о разных гидрографических объектах, маскируемых под общим названием. Приводятся три ситуации, в которых упоминается «славянская река»: рассказе Ибн А’сама ал-Куфи о походе Марвана ибн Мухаммада на хазар в 737 г.; рассказах Ибн- ал-Факиха ал-Хамадани и Ибн Хордадбеха о торговых путях купцов-русов (купцов-славян); рассказе Абу Хамида ал-Гарнати о путешествии по «славянской реке» в 1150 году.

Первоначально автор анализирует сообщение Абу Хамида ал-Гарнати, единственного известного на сегодняшний день арабского путешественника, который реально проплывал по упомянутой им «Славянской реке». Автор приходит к выводу, что под «Нахр ас-сакалиба» у ал-Гарнати следует понимать «путь по Волге от Булгара до впадения в нее Оки и далее вверх по Оке до Десны, а затем уже вниз по Десне» (С. 41). Как видим, частично он совпадает с одним из отмеченных выше двух вариантов локализации «славянской реки» в трудах ранних восточных авторов, а именно «волжским». В тоже время, М.И. Жихом не исключается то, что «Нахр ас-сакалиба» ал-Гарнати есть ничто иное как литературный штамп, восходящий трудам предшествующих ему авторов. То есть, «рекой славян» он мог называть не ту реку, которую имели в виду арабские географы более ранних географических школ. «Ал-Гарнати – путешественник, описывающий реально увиденное в пути, а его предшественники (в первую очередь, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих) – географы, никогда не бывавшие в Восточной Европе и стремившиеся систематизировать все доступные им материалы, полученные из бывших в их распоряжении источников. Уже это определяет расхождения в характере приводимых ими сведений» (С. 44).

Далее исследователь подробно рассматривает проблему локализации «Нахр ас-сакалиба» в трудах Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха с одной стороны, и ал-Куфи с другой, отметив следующее: необходимо учитывать, что эти авторы жили и писали в разное время и в разных регионах, принадлежали к разным школам арабской науки, черпали информацию из разных источников и, следовательно, под одним и тем же названием могли понимать совершенно разные объекты (С. 42).

По мнению многих специалистов, данные Ибн-Хордадбеха заслуживают большого доверия. Будучи долгие годы начальником почт в области Джибал, что находилась на северо-западе современного Ирана, он имел доступ к обширной и выверенной информации. В своем знаменитом труде «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») Ибн-Хордадбех приводит гидроним, поясняющий «реку славян», но исследователи с сожалением констатируют, что он был испорчен переписчиками и его можно прочесть и как «Танаис» (Дон), и как «Итиль» (Волга). Поэтому сделать прямолинейный вывод о том, «что «Славянская река» Ибн Хордадбеха – это именно и только Волга, – пишет М.И. Жих, – (она же река, текущая из страны славян, на которой расположен город Хамлидж) было бы поспешно» (С. 47), и дает пояснения, почему. Следует вполне резонный вывод: «если точно следовать тексту источника, то под «Славянской рекой» Ибн Хордадбеха (а также при сопоставлении с двумя редакциями Ибн ал-Факиха) следует понимать водный торговый путь, шедший вверх по Дону до излучины, где совершался переход в Волгу и далее вниз по этой реке к Хамлиджу и Каспию» (С. 49). По всей видимости, существование торгового пути, соединяющего Дон и Волгу, могло привести восточных авторов к убеждению, что в районе наибольшего сближения эти реки сливаются.

Автор исследования вполне резонно отмечает, что в рассказе о купцах-русах, как разновидности славян, речь идет не о славянах из Среднего Поволжья. Судя по описанию их торговли с Византией, они проживали или в Среднем Поднепровье, или на побережье Черного моря. Именно здесь помещает русов уроженец Багдада историк и географ Абу ал-Хасан Али ал-Масуди [3]. В Волгу они попадали, вероятнее всего, следующим образом: проходили вдоль крымского побережья в Азовское море, потом поднимались вверх по Дону до излучины, где волоком совершали переход в Итиль, и далее следовали вниз по реке к столице Хазарии.

Следующий этап изучения проблемы – осмысление третьего (первого по времени описываемых событий) арабского известия о «Нахр ас-сакалиба», которое принадлежит перу историка Ибн А'сама ал-Куфи и содержится в рассказе о походе Марвана ибн Мухаммада на хазар в 737 году. В результате этого сокрушительного похода усиливается начавшееся несколько ранее из-за арабской угрозы перемещение населения и политического центра кага-

ната на север. Ряд арабских и персидских историков, опираясь на разные источники, передают варианты повествований об этом важном в истории Юго-Востока Европы событии. Из них в рассказах ал-Балазури, ал-Куфи и Ибн Хаййата (рассказ последнего содержит несколько иную версию событий) говорится о том, что Марван во время войны с Хазарией напал на народ «ас-сакалиба». При этом только в рассказе ал-Кауфи, который к тому же является самым подробным, есть сообщение о «Славянской реке» (С. 57).

Из повествования ал-Куфи следует, что разгромив политические центры Хазарии арабы вышли за ее пределы и, преследуя хазарского царя, «совершили набег на ас-сакалиба и на другие соседние племена неверующих и захватили из них в плен 20 тысяч семей. После этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян» [4]. М.И. Жих убежденно считает, что в данном рассказе под «Славянской рекой» с очевидностью понимается Волга и аргументирует свое предположение довольно внушительной доказательной позицией.

Во всех источниках отмечено, что арабы двигались в направлении ал-Байда'. Город этот располагался в низовьях Волги, что показывает автор в примечаниях со ссылками на многочисленные исследования авторитетных советских и российских ученых. Хазарский каган бежит, преследуемый арабами, вдоль берегов Итиля, в земли славян, под которыми, скорее всего, необходимо понимать потомков именьковцев, проживавших в Среднем Поволжье. Археологические исследования говорят о многочисленных славянских поселениях в этом регионе и, наоборот, о их малочисленности в изучаемый период в Подонье, что аргументирует позицию исследователей, доказывающих волжский вариант локализации «славянской реки». После пленения 20 тысяч славян, которые выступили, по мнению М.И. Жиха, как союзники хазар (С. 65), арабы пошли дальше и «вскоре добрались до реки славян». Потом описывается разгром хазарского войска на ее берегах (С. 59). Можно предположить, что действие происходило где-то недалеко от места соединения Камы и Волги, а Волга выше устья Камы и есть «Славянская река». Позднее это название стало применяться и к Нижней Волге, и Нижнему Дону, связанному Волгой в один торговый путь (С. 69).

В Заключении М.И. Жих отмечает, что все сказанное в работе дает основание задуматься над во многом еще загадочной проблемой расселения славян в Поволжье и присутствия их в северо-восточных районах Кавказа, куда они могли проникнуть преимущественно оттуда же (С. 71). Так же отмечено, что сведения письменных источников и археологические материалы прекрасно подтверждают и дополняют друг друга, свидетельствуя о проживании значительно массива славян в Среднем Поволжье.

Можно не сомневаться, что небольшое по форме, но емкое по содержанию изыскание М.И. Жиха займет достойное место среди исследований, раскрывающих загадку присутствия древних славян в Среднем Поволжье.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: Именьковская культура. Самара, 2003. С. 80-101.

[2] Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб., Казань, 2011. В дальнейшем ссылки на данную работу приводятся в тексте рецензии в круглых скобках.

[3] Калинина Т.М. Ал-Мас'уди о расселении руссов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 17 и др.

[4] Калинина Т.М. Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX–X вв. // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 159.

2012. Вып. 2 (7). С. 121–123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

Факультет лингвистики и межкультурной коммуникации

5-6 апреля 2012 г. состоялась **Вторая Международная научно-практическая конференция «Запад и Восток в диалоге культур»**. В ее работе приняли участие преподаватели и аспиранты факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, исторического факультета, факультета информационных и социальных технологий Липецкого государственного педагогического университета, вузов России, Украины и Германии. Первостепенное внимание уделялось проблематике, связанной с восприятием культуры Запада и Востока через язык и литературу, музыку, кино, изобразительное искусство, средства массовой информации, традиции и инновации в сфере преподавания.

На пленарных заседаниях с докладами выступили ведущие специалисты университета: д.и.н., востоковед Л.А. Черешнева – «Культура и искусство традиционного Востока как основа цивилизации», к.пед.н. Л.С. Медведева – «Мастерство учителя как условие взаимодействия методических идей в профессиональной деятельности», к.пед.н. М.О. Антюшина – «Языковая политика: история и современность», профессор В.Б. Царькова – «Восток глазами европейца».

Во второй половине дня 5 апреля, а также в течение 6 апреля работа конференции была продолжена по секциям. 5 апреля с докладами выступили преподаватели и аспиранты. 6 апреля состоялась студенческая конференция, продемонстрировавшая большой интерес молодых исследователей к обсуждаемым проблемам: общее количество сделанных студентами докладов – более 90 в девяти секциях. Некоторыми студентами подготовлено два и более выступлений в различных секциях.

Особое внимание уделялось лингвистическим и культурологическим проблемам описания и изучения языков, общеобразовательным проблемам, а также конкретным методическим аспектам и приемам обучения иностранным языкам и культурам, проблемам подготовки лингвиста-преподавателя.

Все оклады получили положительную оценку участников, выступавшие подчеркивали, что такие мероприятия расширяют научный кругозор, укрепляют научные связи, вносят вклад в развитие лингвистической теории и практику языка, повышают качество подготовки специалистов и, в итоге, способствуют взаимодействию культур Запада и Востока.

Международные Копелевские чтения «Россия и Германия: диалог культур», состоявшиеся 19-20 апреля 2012 г., были посвящены знаменательной дате – 100-летию со дня рождения Льва Зиновьевича Копелева, русского писателя, германиста, мыслителя и гуманиста.

Международные Копелевские чтения были проведены в нашем университете шестой раз при неизменной поддержке Филиала Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федера-

ции (первые чтения состоялись в 1995 г.). Финансовая поддержка издания сборника по итогам конференции осуществлена Управлением образования и науки Липецкой области.

Главными задачами Копелевских чтений «Россия и Германия: диалог культур» являются: научная – обосновать необходимость искоренения устойчивых предрассудков-«образов врага», мешающих отношениям наших народов, и наметить пути их преодоления, просветительская, связанная с популяризацией идей Вуппертальского проекта, а также прогностическая, предполагающая прогнозирование ближайшего будущего нашей страны, в том числе и в аспекте ее взаимоотношений с Германией.

Специалисты, представляющие различные области гуманитарного знания, обсудили проблемы российско-германского культурного взаимодействия. Среди участников были историки, лингвисты, педагоги, культурологи, литературоведы, студенты, школьные учителя немецкого языка. Среди слушателей – представители общественности г. Липецка и Липецкой области, а также школьники, изучающие немецкий язык.

В рамках Чтений прошло заседание Круглого стола «Русские и немцы: кто мы друг для друга?». Формулировка проблемы позволила участникам дискуссии (ученым, учителям, переводчикам, студентам) высказать собственные мнения, используя при этом знание истории, тенденций политического развития стран, а также свой опыт участия в жизни страны/стран в межкультурном диалоге.

Участие в Шестых Международных Копелевских чтениях «Россия и Германия: диалог культур» представителей Германии, тематика докладов и сама дискуссия позволили реально ощутить «духовное сродство» двух великих европейских народов, почувствовать себя участниками диалога культур, лучше понять устремления и ценности друг друга, выявить вопросы, волнующие представителей наших стран, на которые необходимо искать ответы или увидеть направление их поиска.

10 октября 2012 г. состоялся **Третий Региональный научно-практический семинар для преподавателей и учителей немецкого и французского языков «Актуальные проблемы преподавания немецкого и французского языков и пути повышения качества обучения»**. В нём приняли участие учителя школ г. Липецка и Липецкой области. Перед собравшимися с докладами выступили представители профессорско-преподавательского состава факультета (кандидаты педагогических наук, доценты М.О. Антюшина, Т.Ю. Васильева, А.А. Люлюшин), школьные учителя. Были обсуждены проблемы плюралингвизма в современном образовательном пространстве, вопросы языковой политики школы на современном этапе, проблемы партнёрства и сотрудничества со школами Германии и Франции, а также использование инновационных технологий в учёбном процессе и др. Собравшиеся отметили важность полученных знаний и подчеркнули необходимость проведения данного научно-практического семинара в дальнейшем.

В.Б. Царькова, А.А. Люлюшин

Исторический факультет

К 200-летию разгрома славными сынами Отечества «Великой армии» Наполеона

11-12 октября 2012 г. кафедра отечественной истории исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета совместно с Управлением образования и науки Липецкой области провела Областную научно-практическую конференцию «Бартеневские чтения». Конференция была посвящена победе России в Отечественной войне

1812 года и 100-летию со дня кончины нашего выдающегося земляка, известного историка, археографа и издателя журнала «Русский архив» Петра Ивановича Бартенева, который родился 1 октября 1829 г. в селе Королёвщино Липецкого уезда Тамбовской губернии и провел детство в Липецке. Чтения состоялись уже в пятый раз (1999, 2001, 2003, 2009).

Среди участников Чтений – 49 представителей науки, образования, культуры и органов власти из Липецка, Москвы, Санкт-Петербурга, Арзамаса, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Калининграда, Курска, Рязани, Саратова, Тамбова, Ярославля, Чернигова (Украина). В докладах, прозвучавших на конференции, были затронуты важные проблемы истории, образования и культуры России с древности по первые десятилетия XX века.

По итогам конференции издан сборник под редакцией доктора исторических наук А.Н. Долгих, в который вошли 35 докладов: Бартеневские чтения. Посвящается 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. 11-12 октября 2012 г. Липецк, ЛГПУ, 2012 (объем 16,7 п.л.).

Памяти великого сына России

21-23 ноября 2012 г. в Липецком государственном педагогическом университете прошли Вторые «Ломоносовские чтения» студентов и школьников в честь выдающегося ученого, мыслителя, просветителя и патриота М.В. Ломоносова. В Чтениях приняли участие студенты исторического факультета, а также факультетов физико-математических и компьютерных наук и филологического. Организатором выступила кафедра отечественной истории исторического факультета университета. В Чтениях приняло участие более 80 студентов ЛГПУ и учащихся 7-11 классов гимназий № 1 и 12, лицея № 44, школ № 28, 37, 47, 51, 68.

На пленарном заседании выступали с докладами студенты всех заявленных для участия факультетов, рассказав о педагогических, исторических, лингвистических и поэтических гранях творчества нашего гения, а также о математических знаниях древних восточных славян.

На секционных заседаниях были прочитаны доклады, связанные с оценкой вклада М.В. Ломоносова в развитие отечественной и мировой науки, с историей России, включая историю становления наук, а также посвященные деятельности выдающихся представителей научной мысли и культуры России. Студенты выступали не только на своих факультетах, но и перед студентами других специальностей, при этом тематика их сообщений органично вписывалась в общую канву выступлений представителей соответствующих факультетов. Часть школьников представила свои сообщения студенческой аудитории, особенно широко были представлены доклады по математике и ее истории.

В будущем Ломоносовские чтения, мотивирующие интерес учащихся к выбору профессии, студентов – к занятию наукой, и всех – к самому бережному отношению к богатой истории нашего Отечества, надлежит сделать общеуниверситетскими, с более широким привлечением школьников, и проводить 19 ноября, в день рождения М.В. Ломоносова.

В.В. Фомин

2012. Вып. 2 (7). С. 124–125

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОЛКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ – *д.и.н., профессор кафедры основ гражданственности Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова*

Область научных интересов: военная история России допетровского времени

E-mail: Li8@mail.ru

ГАГИН ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ – *к.и.н., доцент, доцент кафедры философии и истории Академии права ФСИН (Федеральной службы исполнения наказаний) России (г. Рязань)*

Область научных интересов: история Северо-Восточной Руси, история Волжской Булгарии и народов Северного Поволжья

Тел.: 8-903-838-83-44 (моб.)
E-mail: igagin@yandex.ru

ГОНЧАРОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА – *к.филол.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: лексическая семантика, лингвокультурология, лингвистическая аксиология

E-mail: i.zaytseff@yandex.ru

ДОРМИДОНТОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – *к.филол.н., доцент кафедры французского языка Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: концептуальная теория метафоры, языковая картина мира, когнитивные процессы концептуализации и категоризации

Тел.: 8(4742) 32-83-56 (сл.)
E-mail: olgadormi@mail.ru

ЗАВЬЯЛОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – *к.филол.н., доцент кафедры французского языка Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: лингвистика текста, теория языка

Тел.: 8(4742) 32-83-56 (сл.)
E-mail: zavialova-galine@mail.ru

КОМКОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – *к.философ.н., доцент кафедры философии и социально-политических теорий Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: история и проблемы развития древнерусской культуры

Тел.: 8(4742) 32-83-16 (сл.)
E-mail: komkov@lspu.lipetsk.ru

КРЖИЖЕВСКИЙ МИХАИЛ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – *к.и.н., доцент кафедры туризма и гостеприимства филиала ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса» в г. Самаре*

Область научных интересов: этнография народов Поволжья

СУТЯГИНА ЛЮДМИЛА ЭДУАРДОВНА – *к.философ.н., ведущий специалист Отдела учета и хранения Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Область научных интересов: русская религиозная философия рубежа XIX–XX вв.

Тел.: 8 (812) 328-41-52 (сл.)
E-mail: lousia@yandex.ru

ФОМИН ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ – *д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: история Древней Руси, варяго-русский вопрос, его историография, летописеведение

Тел.: (4742) 32-83-53 (сл.)

ХОДЖАГЕЛЬДЫЕВ БАЙРАМДУРДЫ – *к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: региональные варианты современного английского языка, их взаимодействие, лексика и фразеология

Тел.: 8 (4742) 32 83 43 (сл.)
E-mail: ayna@mail.ru

ЧЕРНОУСОВА ИРИНА ПЕТРОВНА – *к.филол.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: лингвофольклористика, изучение языка русского фольклора

Тел.: 8-951-303-9633 (моб.)
E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

ШАТАЛОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА – *к.филол.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: синтаксис русского языка, коммуникативно-прагматические возможности предложения, теория языковой личности

Тел.: 8-904-682-2770 (моб.)
E-mail: shat_o_v@mail.ru

ШУРУПОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА – *к.филол.н., преподаватель кафедры иностранных языков Липецкого государственного педагогического университета*

Область научных интересов: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, локальные сверхтексты как культурно-языковые феномены

E-mail: shurupova2011@mail.ru

2012. Вып. 2 (7). С. 126–128

РЕФЕРАТЫ

УДК 947.045.6

Волков В.А. **Московская битва. 1612.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 3-7

Статья посвящена одной из самых драматичных страниц истории нашей страны – битве за Москву, состоявшейся 400 лет назад. В 1610 г. Москва была захвачена польскими войсками. Для освобождения русской столицы к стенам ее двинулись земские ополчения, осадившие врагов в центре города. На помощь полякам пришла армия гетмана Я.К. Ходкевича. Он должен был доставить страдающему от голода гарнизону продовольствие. В двух кровопролитных боях под Москвой 22 и 24 августа 1612 г. Ходкевич был разбит и, потеряв армию, ушел от города. Это позволило русскому войску освободить Москву 27 октября 1612 года.

Библиограф. 9 назв.

УДК 930.1(09)

Волков В.А. **Жизнь и смерть генерала Якова Кульнева.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 8-13.

Первым русским генералом, погибшим в Отечественной войне 1812 года, был гусар Яков Кульнев. Жизни и подвигам этого легендарного человека посвящается статья.

УДК 930.1(09)

Гагин И.А. **Рецензия на кн.: Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб., Казань: «Вестфалика», 2011. – 90 с.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 117-120.

Библиограф. 4 назв.

УДК 412.5

Гончарова Т.В. **Глаголы приобщения-отчуждения как отражение ментальных ценностей русского человека. –** ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 45-54.

В статье предпринят семантический и лингвокультурологический анализ русских глаголов приобщения-отчуждения объекта с позиций ценностной картины мира русского народа.

Библиограф. 45 назв.

УДК 374.24

Денискина Л.Ю. **Иноязычная дискуссия как организационная форма обучения студентов языковых факультетов.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 66-75

В статье приводится педагогически ориентированный анализ понятия «дискуссия», целью которого является уточнение характерных черт, типов, видов и форм дискуссий, используемых на языковых факультетах.

Библиограф. 7 назв.

УДК 410

Дормидонтова О.А. **Концептуализация и категоризация как основные когнитивные процессы.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 55-57

В статье освещаются теоретические основы изучения когнитивных процессов концептуализации и категоризации мира. Рассматриваются основные понятия данных процессов, такие как «концепт» и «категория». Особое внимание уделяется структуре категорий – их прототипическому устройству. Выявляется роль концептуализации и категоризации в формировании языковой картины мира.

Библиограф. 12 назв.

УДК 410

Завьялова Г.Н. **Техника адаптации литературных произведений на язык комиксов на примере новеллы Ги де Мопассана «Пышка».** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 76-81.

Статья посвящена рассмотрению комикса как особого поликодового текста, выявлению его основных композиционных элементов, а также анализу основных механизмов информационной и языковой компрессии текста, лежащих в основе переложения литературного текста на язык комикса, на материале комикса Ли-Ан по одноименной новелле Ги де Мопассана «Пышка».

Библиограф. 3 назв.

УДК 18

Комков А.А. **О национальной специфике древнерусской эстетики.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 97-102.

В статье на основе анализа идейного содержания раскрывается роль самобытных источников в процессе формирования древнерусской эстетической мысли.

Библиограф. 21 назв.

УДК 745.50

Кржижевский М.В. **Ремесла Самарского края во второй половине XIX – начале XX в.: обзор источников.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 14-17

В данной статье описываются источники, сообщающие о ремеслах Самарского края второй половины XIX – начала XX в.

Библиограф. 9 назв.

УДК 930.1(09)

Сутягина Л.Э. **Метафизика войны и мира в философии В.С. Соловьева.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 103-116

В статье рассматривается система религиозно-философских воззрений В.С. Соловьева на проблему войны и мира. Идеи и размышления философа В.С. Соловьева по поводу российской действительности второй половины XIX в. актуальны и в наши дни.

Библиограф. 59 назв.

УДК 930.1(09)

Фомин В.В. **Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского (к 180-летию со дня рождения ученого).** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 18-44.

В статье рассматривается важный вклад знаменитого историка-антинорманиста Д.И. Иловайского, уроженца г. Раненбурга (ныне – г. Чаплыгин Липецкой области), в решение варяго-русского вопроса.

Библиограф. 72 назв.

УДК 81'373.613

Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С. **Роль заимствований в культурном контексте современной России (на материале английского языка).** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 88-96.

В статье рассмотрено явление заимствования в целом, подвергнуты анализу основные виды заимствований из английского языка в современном русском языке и причины их появления. Авторы обращают внимание как на положительную, так и на негативную роль неологизмов-англицизмов в современном культурном контексте России.

Библиогр. 16 назв.

УДК 8-343.4

Черноусова И.П. **Специфика концепта *самопросватанье / сватовство* в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). –** ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 58-65.

В статье исследуется концепт самопросватанье / сватовство в русской волшебной сказке и былине. Сравнительный анализ концепта самопросватанье / сватовство в разных эпических жанрах позволил выявить и описать особенности содержания и языкового выражения этого концепта, которые восходят к этнографической реальности, подвергшейся «пересемантизации» в фольклоре.

Библиогр. 39 назв.

УДК 410

Шаталова О.В. **Прагматические перспективы развития синтаксического направления теории языковой личности.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2012. – № 2 (7). – С. 82-87.

В статье обозначаются аспекты прагматического развития теории языковой личности: использование принципов синтаксического моделирования речевого облика в политтехнологии и педагогике, применение синтаксического анализа в юрислингвистике как приема идентификации личности.

Библиогр. 10 назв.

2012. Вып. 2 (7). С. 129–131

ABSTRACTS

Chernousova I.P. **Peculiarities of the 'marriage proposal/marriage brokerage' concept in the folklore linguistic picture of the world (case study: epic genres). –** Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 58-65.

The article studies the 'marriage proposal/marriage brokerage' concept in the Russian fairy-tale and epic tales. A comparative study of the 'marriage proposal/marriage brokerage' concept in various epic genres allowed to single out and describe peculiarities of the linguistic form and content of this concept, which go back to the ethnographic reality subjected to 're-semantisation' in folklore.

Bibliography 39 titles

Deniskina L.Yu. **Foreign language discussion as the form of teaching foreign languages department students.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 66-75.

The article dwells upon a pedagogically oriented analysis of the notion «discussion» aimed at specification of its distinctive features, types, forms used at foreign languages departments.

Bibliography 7 titles

Dormidontova O.A. **Conceptualization and categorization as the main cognitive processes.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 55-57

The article highlights theoretic basis of cognitive world conceptualization and categorization processes. Such basic notions of the above processes as «concept» and «category» are being analyzed. The focus is on the categorical structure – its prototype arrangement. The role of conceptualization and categorization in the world language picture is being revealed.

Bibliography 12 titles

Fomin V.V. **Varyags-Russian question in the writings of D.I. Ilovaisky (to 180-th anniversary of the scientist).** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 18-44

The article examines the important contribution of he famous historian-antinormanist D.I. Ilovaisky, native of Ranenburg (now – Chaplygin, Lipetsk region), in the solution Varyags-Russian issue.

Bibliography 72 titles

Gagin I.A. **Review of the book Zhih M.I. Early Slavs in MidVolga Region (on the material of written sources). SPb, Kazan: «Vestfalika», 2011.-90 p.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 117-120.

Bibliography 4 titles

Goncharova T.V. **Verbs of inclusion and exclusion as a reflection of mental values of the Russian people**. – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 45-54.

In the article we made a semantic and lingvoculturological analysis of the Russian inclusion and exclusion verbs of the object from the value position of the worldview of the Russian people.

Bibliography 45 titles

Khojageldiev B.D., Shurupova O.S. **The role of borrowings in cultural context of modern Russia (on the material of the English Language). –** Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 88-96.

The most vibrant and visible changes in modern Russian are connected with borrowings, predominantly from English. The number of recently borrowed English words in Russian amounts to thousands, which vary both in semantics and functional and stylistic strata. The article focuses on ways, reasons and motives of borrowing new English words and some cases of overfondness of recklessly and needlessly introducing some English words into everyday Russian speech.

Bibliography 16 titles

Komkov A.A. **On national peculiarities of ancient Russian aesthetics.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 97-102.

The article touches upon the role of ethnic sources in the process of ancient Russian aesthetics formation through the analysis of its ideological essence.

Bibliography 21 titles.

Krzhizhevskiy M.V. **The handicrafts of Samara region in second half of XIX – beginning of XX centuries: the review of the sorces. –** Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 14-17.

At this article describe the sources which inform of handicrafts of Samara region in second half of XIX – beginning of XX centuries.

Bibliography 9 titles

Shatalova O.V. **Pragmatical prospects of development of the syntactic direction of the theory of the language person. –** Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 82-87.

The article focuses on the aspects of pragmatical development of the theory of the language personality: the use of syntactic principles of modeling of speech shape in a political strategy and pedagogics, its application in legal linguistics as a way of identification of a person.

Bibliography 10 titles

Sutyagina L.E. **Metaphysics of war and peace in V.S. Soloviov's philosophy.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 103-116.

The article deals with the problems of war and peace in the system of religious and philosophical beliefs of V.S. Soloviov. Ideas and reflections of the philosopher V.S. Solovyev on the Russian reality in the second half of the 19th century are still relevant today.

Bibliography 59 titles

Volkov V.A. **Battle of Moscow. In 1612. –** Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 3-7.

The article is devoted to one of the most dramatic pages of our history - the battle for Moscow, which took place 400 years ago. In 1610 Moscow was invaded by Polish troops. To liberate the Russian capital the national militia moved to the walls of the city and besieged the enemies in the city center. Army Hetman Y.K. Chodkiewicz's came to the aid of the Polish. He was supposed to deliver food to the starving garrison. In two bloody battles near Moscow on 22 and August 24, 1612 Chodkiewicz was defeated, lost the army and left the city. This allowed the Russian army to liberate Moscow October 27, 1612.

Bibliography 9 titles

Volkov V.A.**The life and death of General Jacob Kulneva. –** Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 8-13

The first Russian general who died in the war of 1812 was hussar Jacob Kulnev. The article is devoted to the life and exploits of this legendary man.

Zavialova G.N. **Transformation of literary works into the language of comic strip based on Guy de Maupassant's short story «Dumpling».** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2012. – № 2 (7). – P. 76-81

The article is devoted to the phenomenon of comic strip as a particular type of the poly-code text. It also deals with the main elements of the compositional arrangement, as well as with the analysis of the mechanisms of information and language compression of the text, which are used for transforming the literary text into the language of comic strip. The text under analysis is Li-An's comic strip based on Guy de Maupassant's short story «Dumpling».

Bibliography 3 titles

2012. Вып. 2 (7). С. 132–133

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Вестник Липецкого государственного педагогического университета» публикуются оригинальные научные работы по фундаментальным исследованиям естественнонаучного и гуманитарного направлений. Объем работы не может превышать 30 тыс. символов (считая пробелы).

К оформлению статей, публикуемых в «Вестнике Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки», предъявляются следующие требования.

В редакцию представляются выверенный рукописный (формат А4), подписанный автором (соавторами), и электронный экземпляры статьи. Рукопись статьи должна быть набрана в редакторе MS Word for Windows (1997 или в более поздних версиях) в формате doc.: шрифт – Times New Roman, интервал – 1; абзацный отступ – 0,5 см; поля – 2 см. Перенос устанавливается строго в автоматическом режиме, расширение – по ширине. Все инициалы, сокращения – т.е., т.к., т.д. – набираются без пробела; недопустимы сокращения «нач.»: начало, «ок.»: около. Использование дефиса (-) и короткого тире (–) различается: «социально-экономическая ситуация», «70-е гг.», «XVIII–XIX вв.» (все без пробелов), «конец XVII – середина XVIII в.» (здесь с пробелами), а закавыченный текст или слово в цитатах выделяются следующим образом: « “ ” ».

В начале статьи, в левом углу указывается индекс УДК (полужирный шрифт, кегль – 14). Затем через один интервал, по центру и полужирным шрифтом набираются: прописными буквами заглавие статьи, под заглавием статьи – инициалы и фамилия автора, под ними – слово «**Аннотация**». После этого через один интервал набирается текст очень короткой аннотации (кегль – 12 и курсив) на русском языке и также через один интервал – текст статьи (кегль – 14).

В конце статьи в рубрике **ПРИМЕЧАНИЯ** (слово – по центру, прописными буквами, полужирным шрифтом, кегль – 12) даются без отступа сноски (пояснения, кегль – 12) в порядковом исчислении: [1] [2] [3]. В тексте статьи ссылки обозначаются в квадратных скобках, отделенных от текста пробелом. Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций и авторефератов) и на официально не оформленные средства электронной информации не допускаются.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

Книги:

1. Давлешин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период X – начало XIII вв.). Казань, 1990. С. 35.

2. Бердяев Н.А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Его же. Собр. соч. Т. 4. Париж, 1990. С. 495-496.

3. ПСЗ-I. Т. 24. № 17603.

Статьи и изданные источники:

4. Теляк Л.В. Этические аспекты в аграрной истории России конца XIX – начала XX вв. // Исторические исследования. Самара, 1997. С. 50.

5. Журналы Комитета министров: царствование императора Александра I. 1802–1812 гг. / Под ред. А.Н. Куломзина. Т. 1. СПб., 1888. С. 297.

Указания на архив:

6. РГАДА. Ф. 1389. Оп. 2. Д. 647. Л. 32 об.

В конце статьи дается список сокращений, используемых в тексте и в сносках.

Список сокращений

ОИ – Отечественная история.
ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

При первом употреблении необходимо привести наименование издания полностью, указав затем принятую аббревиатуру – например: // Отечественная история (ОИ).

Вместе с электронной версией статьи в редакцию представляются авторская справка и рефераты на русском и английском языках. Реферат содержит индекс УДК, фамилию и инициалы автора, название статьи и нашего журнала, аннотацию. В конце реферата указывается число пунктов библиографии (например: Библиограф. 8 назв.; Bibliography 8 titles)

В авторской справке, которая включается в раздел «Сведения об авторах», должны быть: фамилия, имя, отчество, место проживания автора, официальное название места работы, структурное подразделение, должность, ученая степень, ученое звание, область научных интересов, адрес электронной почты, контактные телефоны.

Статьи, оформленные без соблюдения названных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронная версия «Вестника» размещается на сайте Липецкого государственного педагогического университета.

Адрес редакции:
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42,
редакционно-издательский центр ЛГПУ
Тел. 8-(4742)-32-83-53
E-mail: hist55-lgpu@rambler.ru